КРУГЛЫЙ ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

КРУГЛЫЙ ГОД

*Рассказы,
стихи,
сказки,
загадки*

Москва · Детская литература · 1976

К читателям

Издательство просит
отзывы об этой книге
присылать по адресу:
Москва, А-47,
ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Оформление Ю. Иванова

70802—603
К———————197—76
М101(03)76

ПОСМОТРЮ Я В ЭТО УТРО РАННЕЕ...

Посмотрю я в это утро раннее
На родные мирные края, —
Нет на свете краше и желаннее,
Чем земля советская моя.

Ты ветрами вешними овеяна,
Ты омыта светлою водой
И, руками нашими взлелеяна,
Наливаешь колос золотой.

Все твои богатства открываются
Для людей — в награду за труды, —
И моря в пустынях разливаются,
И шумят на севере сады.

И напрасно свора людоедская
Угрожает счастью твоему:
Мы тебя, земля моя советская,
Не дадим в обиду никому.

Михаил Исаковский

* * *

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идёт волшебница зима.
Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.

А. С. Пушкин

ЗИМА

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

А. С. Пушкин

ВСТРЕЧА ЗИМЫ

Поутру вчера дождь
В стёкла окон стучал,
Над землёю туман
Облаками вставал.

Веял холод в лицо
От угрюмых небес,
И, бог знает о чём,
Плакал сумрачный лес.

В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух лёгок и чист,
И замёрзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнём.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под чёрных кудрей,

Словно рад он чему, —
И на ветках берёз,
Как алмазы, горят
Капли сдержанных слёз.

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас, —
Где угодно гуляй:
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать, —
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!..

И. С. Никитин

Любимой Родине служить всегда готовы!

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

24 февраля 1976 года в Москве, в Кремлёвском Дворце съездов, открылся XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Почти 5 тысяч делегатов представляли на съезде нашу многомиллионную партию коммунистов. Делегации из 96 стран мира приехали приветствовать съезд.

XXV съезд КПСС подвёл итоги созидательной работы партии, всего советского народа в девятой пятилетке и утвердил величественные планы, по которым уже сейчас, в десятой пятилетке, развивается промышленность, сельское хозяйство, наука и культура нашей страны.

Звонкими голосами, звуками пионерских горнов и барабанов, алым цветом знамён и гвоздик наполнился Кремлёвский Дворец съездов 26 февраля 1976 года. Это юные ленинцы — представители пионеров и октябрят всех союзных республик и города-героя Москвы приветствовали делегатов съезда.

ЛЮБИМОЙ РОДИНЕ СЛУЖИТЬ ВСЕГДА ГОТОВЫ!

Из пионерского приветствия XXV съезду КПСС

Равненье — на знамя!
Трубите, горнисты, —
Пусть пионерские горны поют!
Тебе, Двадцать пятый съезд
коммунистов,
Наш пионерский САЛЮТ!

На съезд партийный люди трудовые,
Герои нашей Родины пришли —
Кто все богатства создаёт земные,
Кто охраняет рубежи родные,
Кто водит к звёздам чудо-корабли...

На вас равненье держат миллионы,
Свою страну вы славите трудом!
В грядущее несёте вы знамёна,
Вручённые Великим Октябрём!

Мы юные ленинцы. С именем Ленина
Мы за отцами идём уверенно!
Ленина дело продолжим смело,
Ленина знамя — вечно с нами!

Шагаем мы в ногу со старшими.
И верен во всём пионер
Девизу главному нашему:
«Берём с коммунистов пример!»

Вы нами можете гордиться —
В большую жизнь вступить готовясь,
Мы и учиться и трудиться
Всегда стараемся на совесть!

Для нас учёба — самый главный труд.
Знак качества — отличные отметки!

От нас глубоких, прочных знаний ждут
Свершения десятой пятилетки!

Мы на уроке не только в школе,
Страна трудовая — огромный класс.
        В цехах и на стройке,
        На фермах и в поле
Учимся мы коммунизму у вас!

Все школьные годы нам дарит учитель
Сокровища знаний, радость открытий.
Спасибо за это старшим друзьям —
Нашим любимым учителям!

Комсомол — пионерский вожатый,
Запевала всех наших дел.
Он для наших дружин и отрядов
И в учёбе пример, и в труде.

На поля нечерноземья
Скоро выйдут наши звенья!
Ждёт земля заботы и ухода,
Наших рук сады и фермы ждут...
Рады мы, когда в дела народа
Ручейком вливается наш труд.

Сколько людей замечательных, знатных
На стройках, заводах и в поле!
Очень хочется нам, ребятам,
Почаще их видеть в школе!

Ну, а как бы рады были все мы,
Если б в школы к нам пришли спортсмены,
Воины, учёные, артисты...
Самых разных дел специалисты.
Сколько б новых мы кружков открыли!
И кем стать — скорее бы решили!..

Достичь высот спортивных нелегко,
И каждый тренируется упорно.
Сегодня мы — значкисты ГТО.
А завтра — члены олимпийской сборной!

Тридцать лет не порохом, а хлебом
Пахнут наши щедрые поля.
Тридцать лет цветёт под мирным небом
Родина — советская земля.

Но не забыто время огневое —
Народный подвиг в нашем сердце жив.
Сегодня носят имена героев
Тысячи отрядов и дружин!

На земле рисуют дети
Всё, как есть на белом свете.
Долго дети во Вьетнаме
Рисовали дым и пламя.

А теперь рисунок новый —
Словно солнцем нарисован:
Строятся школы, заводы встают...
Чистое небо и мирный труд!

На земле рисуют дети
Всё, как есть на белом свете,

Но какая краска в силе
Передать тревогу Чили!

Мы тесней ряды сплотим
Против горя, страха, тьмы.
И хотим, чтоб дети Чили
Были счастливы, как мы!

Чтоб мирно трудились все люди на свете
Под небом ясным и чистым,
В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ И МИР НА ПЛАНЕТЕ
ВСЕГДА ВПЕРЕДИ — КОММУНИСТЫ!

Вы — знаменосцы правды лучистой —
Развеяли чёрной вражды облака!..
Спасибо партии коммунистов,
Спасибо ленинскому ЦК!

Дорогой Леонид Ильич,
От всех ребят Советской страны
За Ваше внимание,
Отцовскую заботу о нас,
За Вашу неутомимую работу,
Мужественную борьбу за мир на земле
Большое Вам пионерское спасибо!

Здесь, в Москве, в сердце нашей многонациональной Родины, в этом зале, где работает исторический XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза, мы, юные пионеры, перед лицом коммунистов всего советского народа пионерской честью и верностью Красному знамени все, как один, клянёмся:

Доро́гой партии идти
Всегда готовы!
Любимой Родине служить
Всегда готовы!
Достойной сменой старшим быть
Всегда готовы!
Дружбу братскую крепить
Всегда готовы!
Как завещал нам Ленин жить
Всегда готовы!

Пусть в небе бескрайнем
Не гаснет заря
Победных знамён величавых!
Славься Отчизна — страна Октября!

Народу советскому — СЛАВА!
Партии Ленина — СЛАВА!
СЛАВА!
СЛАВА!

ЛАДО

...Над быстрой горной речкой Лиахви раскинулась, вся в зелени садов и виноградников, грузинская деревушка Тквиа́ви. Здесь 100 лет назад в семье сельского священника — отца Захария — родился мальчик Ладо (Владимир) Кецховели. С детства он всегда готов был помочь бедняку, поделиться куском хлеба, фруктами, защитить обиженного. Не задумываясь лез в драку, если видел, что сильный парень бьёт слабого.

Не боялся он перечить и отцу — братья это делать не осмеливались.

Отец Захарий, выполняя обязанности священника, считал себя вправе собирать с крестьян церковный налог (по грузински: «драма»).

Ладо протестовал, возмущался. «Крестьяне и без того нуждаются, — доказывал он отцу, — а ты забираешь у них последнее зерно!»

Однажды он стал уговаривать односельчан: «Не давайте церковный налог, вам самим нечего есть!»

Захарий рассердился и ве-

дел непокорному сыну взять мешок, идти вместе с ним по домам крестьян собирать злополучный налог.

Ладо шёл молча, тащил мешок на спине, слушал укоризненный шёпот: мол, говорил одно, а делает другое. Улучив минуту, притворился, что споткнулся, и... высыпал всё зерно из мешка в большую лужу.

«Пускай твой бог накажет меня! — крикнул он отцу. — А вернее, считай, что он тебя наказал, чтобы не обирал крестьян!»

Захарий схватил палку, рассудив, что с наказанием он и без божьей помощи справится, но мальчишка, конечно, убежал.

Через некоторое время произошла новая стычка с отцом. Захарий решил отправить сына учиться в духовную семинарию, даже сделал ему священнический посох. Но Ладо посох сломал и бросил в огонь.

«Учиться в духовной семинарии, стать священником? Ни за что!»

Отец не уступил, и Ладо пришлось отправиться в Тбилиси, в семинарию. Годы учения превратились в нескончаемую войну с семинарским начальством. Ученикам запрещали читать газеты, книги, особенно на грузинском языке, запрещали даже разговаривать на родном языке. За чтение, например, книг Тургенева, Гюго или грузинского писателяНиношвили, писавшего о тяжёлой жизни крестьян, наказывали заключением в карцер, где давали на весь день только кусок хлеба и кружку воды. Часами заставляли выстаивать церковные службы. В семинарии Ладо выпускал тайком рукописный журнал, читал его товарищам. Организовал протест против постоянных обысков и придирок надзирателей-монахов. Накануне зимних каникул семинаристы убежали с уроков, устроили забастовку. На берегу реки Куры они кидали вверх фуражки, кричали: «Доло-ой инспекторов!» Потом написали заявление, потребовали уволить особо ненавистных инспекторов, разрешить свободно разговаривать на родном языке и читать книги не только церковного содержания. Семинарию закрыли, пользуясь наступлением каникул. А участников забастовки отправили к родителям, исключили без права поступления в другие учебные заведения и установили за ними «негласный», то есть тайный, надзор полиции.

Захарию всё-таки удалось добиться, чтобы Ладо приняли в Киевскую духовную семинарию.

В Киеве и начал Ладо

свой революционный путь: нашёл организаторов рабочих кружков, стал читать нелегальную, запрещённую политическую литературу. Его арестовали, посадили в Киевскую тюрьму и опять выслали к родным, на этот раз уже под полицейский надзор «гласный», с обязательной еженедельной явкой в полицию для отметки. «Идти целовать копыто приставу», — высмеивал Ладо эту обязанность.

Ладо стал — как называли тогда — профессиональным революционером. Жил по чужим документам, занимался с рабочими, создавал политические кружки, читал запрещённые книги, помогал устраивать забастовки против хозяев с требованиями уменьшить рабочий день, увеличить заработную плату. Поступил работать в маленькую старую типографию, чтобы выучиться типографскому мастерству и самому печатать запрещённую в царской России революционную литературу.

Научился? Да. Как раз в это время Владимир Ильич Ленин за границей начал издавать газету «Искра», которую тайно пересылали в Россию. И Ладо в городе Баку, что называется под носом у полиции, устроил подпольную типографию и перепечатывал в ней ленинскую «Искру». Искровцы долго переписывались об этой типографии с Владимиром Ильичём Лениным и Надеждой Константиновной Крупской. Письма шли через другие города, через товарищей. В письмах, для маскировки, типографию называли «Нина», а Ладо — «Отец Нины». В одном из писем Надежда Константиновна советовала в Москве устроить склад для литературы, отпечатанной в бакинской типографии. Эти брошюры, листовки распространялись по всему югу России. Двенадцать жандармских управлений разыскивали эту литературу и типографию, не говоря уже о тифлисских и бакинских жандармах, которые буквально сбились с ног в этих поисках. А типография работала на одной из самых шумных базарных улиц в глухой дальней комнатке мусульманского дома. Ладо решил воспользоваться особым устройством этих жилищ, где комнаты — без окон, выходящих на улицу, — строятся вокруг внутреннего, квадратного дворика: сначала галерея, открытая, потом глухие, тёмные комнаты, в которые, по обычаю, для посторонних нет входа. Адрес Ладо был известен только двум-трём верным товарищам, а помогал ему один наборщик и маленький сын хозяина, Нури,

который горячо полюбил Ладо.

Жандармы узнали и другие имена «неуловимого» Ладо Кецховели: Деметрашвили, Меликов, бельгийский художник Бастьян... И всё-таки неожиданностью было для жандармов, когда Ладо, проявив рыцарский характер, сам себя отдал в их руки.

Произошла беда: на таможне разломался ящик с посылкой для типографии, адресованной на имя зубного врача. Опасаясь сплошных обысков, Ладо срочно запаковал оборудование типографии и отправил под видом «домашних вещей» на склад пароходства якобы для отправки в другой город. А шрифт и готовые наборы листовок отвезли к товарищу на соседнюю станцию железной дороги. Когда тревога улеглась, пришло время восстанавливать типографию на новой квартире. И вот во время перевозки у машиниста Виктора Бакрадзе на паровозе жандармы случайно обнаружили шрифт.

Зная, что на квартиру Бакрадзе обязательно придут с обыском, Ладо отправился туда сам и назвал себя, чтобы избавить Виктора от обвинения в устройстве типографии.

Изумлённые, перепуганные жандармы перевозили Ладо из Баку в Тбилиси под охраной целого отряда полиции и казаков: боялись, что его отобьют бакинские рабочие, ведь самое имя Кецховели уже становилось легендой.

Поместили Ладо в Метехскую тюрьму. Но и здесь заставить его повиноваться никто не мог. Если ему приказывали: «Встать!» — он немедленно садился, хотя бы даже на пол. Если требовали: «Молчать!» — он запевал «Варшавянку» или «Марсельезу», и песню подхватывали в соседних камерах. И каждое утро из его камеры раздавались возгласы: «Доброе утро, товарищи!», «На виселицу начальника тюрьмы!» Заканчивал он подобную «беседу» неизменным: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!»

Ладо писал брату: «...Терпение — хорошее дело. Однако там, где касается дело человеческого достоинства, прав и чувств, терпение — это либо трусость, либо несознательность... Пасть жертвой? Что ж, когда неизбежно, человек не должен останавливаться и перед жертвой».

Он писал, не зная, что это письмо — последнее. Не зная, что жандармы, бессильные справиться с ним, придумали... «принять особые меры».

Ладо просто хотел поделиться с братом своими взглядами, убеждениями, повторить любимые строки Гёте: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идёт за них на бой».

Он вёл этот бой с того времени, как убедился, что жизнь устроена несправедливо и её надо переделывать.

Даже в Метехе он ухитрился установить связь с волей, опускал на верёвочке записки в нижние этажи, где находилась тюремная типография, и таким же путём получал сообщения. Так он узнал, что открылся Второй съезд партии, созданию которой Ладо верно служил всю свою недолгую жизнь.

Верёвочку заметил начальник тюрьмы, особенно злившийся на беспокойного арестанта. Отправил Ладо в карцер на неделю. Вернувшись в камеру, ослабевший от голода и темноты, Ладо с радостью взобрался на табуретку, чтобы приблизиться к окошку. По обыкновению поздоровался, провозгласил пожелание виселицы начальнику тюрьмы и здравицу революции, предложил петь. Над Метехом грянуло:

На бой кровавый, святой и правый
Марш-марш вперёд, рабочий народ...

Часовой крикнул:

— Отойди от окна! Стрелять буду...

— Отстань, — отмахнулся Ладо, — стреляй!

И выстрел раздался. «Особые меры» были приняты. Произошло это в день закрытия Второго съезда партии.

В первую годовщину со дня гибели Ладо товарищи напечатали на грузинском языке маленький листок с крохотным портретом Кецховели. Невесть как сохранилась эта листовка, пожелтевшая от времени, потёртая на сгибах. Лежала она в тбилисском архиве, и рядом был перевод на русский язык, написанный на страничке обыкновенной школьной тетрадки в косую линейку. Вот и всё, что долгие годы было известно о Ладо Кецховели.

Типографию «Нина» жандармы не нашли. Уберегли её товарищи Ладо. Теперь в этом доме и подвале музей «Типография ленинской «Искры».

А в Тбилиси, в садике близ проспекта Руставели, среди зелени и цветов стоит скульптура—памятник. Красивое, точёное лицо Ладо Кецховели белеет на зелёном фоне. И неподалёку домик, где находилась та, самая первая в жизни Ладо типография, в которой он работал и учился печатать...

А сам Ладо Кецховели живёт в памяти людей. Навсегда.

А. Аренштейн

СКАЗКА СНЕГА

Деревья
Белые, белые, белые.
Дым над крышами
Чёрный, чёрный.
По двору
Белому, белому, белому
Чёрная бегает
Собачонка.
И ослик
В белом хлеву
Чёрный.

Сказал я мальчику:
— Снег идёт!
— Снег?
— Да, снег.
— А где он живёт?
— В небе.
— А небо?
— И небо — в небе.
— А есть у снега игрушки?
— Конечно!
Он сам себе их вылепить
может.
— И собачек?
— И белых собачек тоже.

За ночь выпал снег —
Наша сказка белая.
Снег идёт —
Это наша отара белая.
Моего дедушки
Белая сказка,
Моей бабушки сказка,
И матери сказка,
И моя,
И твоя это сказка.

Сказка гор и равнин,
Городов и селений,
Сказка улиц,
Дворов,
И дорог,
И деревьев,
Сказка дней и ночей,
Вечеров и рассветов,
Всей земли удивительной
Сказка это.
Снег идёт,
Снег идёт —
Наша белая сказка.

Кайсын Кулиев

100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МЕРИКАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ДЖЕКА ЛОНДОНА
(1876—1916).

100 лет назад в 1876 году родился знаменитый американский писатель Джек Лондон. Он прожил недолгую, но полную сурового труда и опасностей жизнь. Очень рано ему пришлось самостоятельно зарабатывать себе хлеб. Десятилетним мальчиком он продавал на улицах газеты, а в четырнадцать поступил работать на консервную фабрику. Он бродяжничал, был «устричным пиратом», матросом, чернорабочим, кочегаром, пересек всю Америку, плавал к берегам Японии, побывал на Аляске, был золотоискателем. Но всё это не принесло ему ни богатства, ни благополучия, зато он хорошо узнал тяжёлую жизнь простых людей, приобрёл опыт, накопил массу впечатлений, которые позже пригодились в творчестве. Герои его произведений — люди простые, сильные, мужественные, благородные. С одним из таких героев — отважным мальчиком Джерри из рассказа «На берегах Сакраменто» — мы и хотим познакомить вас.

На берегах Сакраменто

Уж вы вейте, ветры, завевайте, ветры,
В Калифорнию!
Много золота там есть, много золота
там есть —
В Сакраменто[1].

Это был всего лишь мальчик-подросток, распевавший пронзительным голоском морскую песню, которую моряки поют по всему широкому миру, когда налегают на вымбовки шпиля[2] или снимаются с якоря, отправляясь во Фриско-порт[3]. Это был всего лишь мальчик, который никогда не видел моря, но в двухстах футах под ним стремилась Сакраменто. Его называли «Джерри-младшим» в отличие от «Джерри-старшего», отца, который научил его этой песне и передал ему по наследству копну ярко-рыжих волос, живые голубые глаза и светлую веснушчатую кожу.

Дело в том, что Джерри-старший был в своё время матросом и провёл на море полжизни, вечно преследуемый словами звонкой песни. Но однажды он пропел её всерьёз, повернулся спиной к своему кораблю и морю и отправился взглянуть соб-

[1] Сакраменто — река в североамериканском штате Калифорния.

[2] Вымбовки шпиля — длинные деревянные бруски, служащие для вращения ручных шпилей (воротов).

[3] Фриско-порт — Сан-Франциско.

ственными глазами на берега Сакраменто.

Он увидел там также и золото, так как нашёл работу в руднике «Золотая мечта» и оказался чрезвычайно полезным при подвеске больших воздушных тросов на высоте двухсот футов над рекой.

После этого он остался управлять тросами, следил за тем, чтобы они были в исправности, приводил их в движение, лелеял их и сделался со временем незаменимой принадлежностью рудника «Золотая мечта». Затем он полюбил красивую Маргариту Келли; но она оставила его и Джерри-младшего, который едва ещё начинал ходить, и погрузилась в свой последний долгий сон на маленьком кладбище среди равнодушных высоких сосен.

Джерри-старший так и не вернулся больше к морю. Он остался у своих тросов, изливая на них и на Джерри-младшего всю нежность своего сердца. Когда для «Золотой мечты» наступили чёрные дни, он остался на службе сторожем в этих, почти покинутых всеми владениях.

В это утро его не было видно. Налицо был лишь Джерри-младший, сидевший на ступеньках домика и распевавший старую песню. Он только что съел собственноручно приготовленный завтрак и вышел поглядеть на окружающий мир. В двадцати шагах перед ним находился стальной шкив [1], вокруг которого ходил бесконечный трос. У шкива стояла вагонетка для перевозки руды. Следя глазами за головокружительным полётом тросов на тот берег, Джерри мог видеть другой шкив и другую вагонетку.

Механизм действовал силой тяжести: нагруженная вагонетка пересекала реку в силу собственного веса, в то же время перетягивая обратно пустую вагонетку. Пока нагруженная вагонетка опорожнялась, пустая нагружалась новой рудой, а затем всё это повторялось — повторялось десятки тысяч раз с того дня, как Джерри-старший сделался смотрителем тросов.

При звуке приближавшихся шагов Джерри-младший прервал песню. Из мрака сосен вышел высокий человек в синей рубахе с ружьём под мышкой. Это был Холл, сторож рудника «Золотой дракон», тросы которого перелетали через Сакраменто на милю [2] дальше вверх по течению.

[1] Шкив — колесо, приводящее в движение трос.

[2] Миля — мера длины, равная 1,85 километра.

— Здравствуй, молодчик! — приветствовал он Джерри-младшего. — Что ты тут делаешь в одиночестве?

— Слежу за тросами. — Джерри постарался ответить как можно небрежнее, как будто это было для него самым обыкновенным делом. — Отца-то нет, видите!

— А куда он отправился? — спросил Холл.

— В Сан-Франциско. Ушёл с вечера. У него брат умер в Старом Свете, так он отправился повидать адвокатов. Вернётся только завтра к ночи.

Так говорил Джерри, говорил с гордостью, сознавая выпавшую на его долю ответственную обязанность следить за владениями «Золотой мечты» и прелесть уединённой самостоятельной жизни на скалистом берегу.

— Ладно, веди себя хорошо, — сказал Холл, — и не балуй с тросами. Я пойду посмотрю, не удастся ли подцепить оленя в ущелье Хромой Коровы.

— Дождь будет, должно быть, — с глубокомысленным видом заметил Джерри.

— Ну, я не боюсь растаять! — рассмеялся Холл. Он зашагал дальше и исчез между деревьями.

Предсказание Джерри насчёт дождя, сверх всяких ожиданий, оправдалось. К десяти часам сосны уже качались и стонали, окна домика скрипели, и дождь, подгоняемый ветром, проносился неистовыми шквалами. В половине двенадцатого Джерри развёл огонь и в двенадцать, с боем часов, уселся за свой обед.

«Сегодня носа не высунешь!» — решил он, вымыв тарелки и аккуратно убрав их. Потом стал размышлять о том, очень ли промок Холл и удалось ли ему подцепить оленя.

В час раздался стук в дверь, и в комнату вместе с ворвавшимся ветром вошли женщина и мужчина. Это были мистер и миссис Спиллен — фермеры, жившие в нескольких милях от реки.

— Где Холл? — было первым вопросом Спиллена.

Он говорил быстро и резко. Джерри заметил, что движения его нервны и порывисты и что миссис Спиллен как будто находится в сильной тревоге. Это была худая, изнурённая, измочаленная женщина, и жизнь, полная бесконечной унылой работы, оставила свой отпечаток на её лице, — та же самая жизнь, которая согнула плечи её мужа, сделала узловатыми его руки и покрыла его волосы сухой пыльной сединой.

— Он ушёл на охоту в Хромую Корову, — ответил Джерри. — Вы хотите переправиться на ту сторону?

Женщина тихо заплакала, а мистер Спиллен взволнованно вскрикнул и подошёл к окну. Джерри тоже уставился на тросы, терявшиеся в частой сетке ливня.

Население лесов этой местности имело обыкновение переправляться через Сакраменто по тросу «Золотого дракона». За эту услугу взималась небольшая плата, из которой общество «Золотого дракона» выплачивало жалованье Холлу.

— Нам нужно переправиться, Джерри, — сказал Спиллен, — указывая при этом большим пальцем через плечо в сторону жены. — С её отцом случилось несчастье в Клувер-Лифе. Взрыв поро-

ха. Положение безнадёжно. Мы только что получили известие.

Джерри почувствовал, как всё затрепетало внутри него. Он понял, что Спиллен хочет переправиться по тросу «Золотой мечты», и сознавал, что не должен брать на себя такую ответственность в отсутствие отца, тем более что этим тросом и прежде никогда не пользовались для переправы пассажиров, да и вообще его давно уже не пускали в ход.

— Может быть, Холл скоро вернётся, — сказал он.

Спиллен покачал головой и спросил:

— Где твой отец?

— В Сан-Франциско, — ответил Джерри лаконически.

Спиллен заворчал и свирепо всадил свой правый кулак в ладонь левой руки. Жена его заплакала громче, и Джерри мог разобрать, как она бормотала: «А папа умирает, умирает!..»

Глаза Джерри заволоклись слезами: он стоял в недоумении, не зная, на что решиться. Но мужчина решил за него.

— Послушай, малый, — твёрдо сказал он, — мы с женой переправимся по вашему тросу. Можешь ты пустить его для нас?

Джерри слегка отшатнулся; он сделал это бессознательно, точно отступая перед чем-то неприятным.

— Вы бы справились, не вернулся ли Холл, — посоветовал он.

— А если он не вернулся?

Джерри снова заколебался.

— Я беру риск на себя, — прибавил Спиллен. — Разве ты не понимаешь, паренёк, что нам нужно переправиться во что бы то ни стало?!

Джерри нехотя кивнул.

— Нет никакого смысла дожидаться Холла, — продолжал Спиллен. — Ты знаешь так же хорошо, как и я, что он ещё не мог возвратиться из Хромой Коровы. Ну, живо за дело!

Неудивительно, что миссис Спиллен казалась чрезвычайно испуганной, когда они помогали ей усесться в вагонетку, — так подумал Джерри, бросив взгляд в бездонную пропасть, открывавшуюся перед ним. Дождь и клочья облаков, кружившиеся и метавшиеся на неистовом ветру, совершенно скрывали от глаз противоположный берег, находившийся в семистах футах, а утёсы под ногами круто обрывались, теряясь в клубах тумана. Казалось, что до дна тут не двести футов, а целая миля.

— Готово? — спросил Джерри.

— Пускай! — гаркнул

Спиллен, стараясь перекричать бурю.

Он вскарабкался в вагонетку рядом с женой, держа её руку в своей.

Джерри с неодобрением заметил это.

— Вам понадобятся обе руки, чтобы держаться при таком ветре! — крикнул он.

Мужчина и женщина, по его указанию, разъединили руки и крепко ухватились за края вагонетки. Джерри медленно и осторожно отпустил тормоз. Шкив начал вращаться, по мере того как бесконечный трос обходил вокруг него; вагонетка медленно заскользила над бездной, и её вертящиеся колёса побежали по неподвижному верхнему тросу, к которому она была подвешена.

Джерри не первый раз работал на тросе, но он впервые проделывал это без присмотра отца. С помощью тормоза он регулировал скорость вагонетки. Это было необходимо, потому что сильные порывы ветра временами подхватывали её, жестоко швыряя то взад, то вперёд; была минута — как раз перед тем, как вагонетку снова скрыла завеса дождя, — когда она, казалось, вот-вот вывернет свой человеческий груз.

После этого Джерри только с помощью троса мог определять, где находится вагонетка. Мальчик зорко следил за тросом в то время, когда тот скользил вокруг шкива.

— Триста футов... Триста пятьдесят... — шептал он про себя, когда отметки троса проходили мимо. — Четыреста... Че...

Трос остановился. Джерри дёрнул тормоз, но движение не возобновилось. Мальчик схватился руками за трос и попробовал сдвинуть его, потянув изо всех сил. Что-то испортилось. Но что? Он не мог понять, не мог разглядеть. Впереди он лишь смутно видел пустую вагонетку, переправлявшуюся с противоположного берега с такой же скоростью, как и нагруженная. Вагонетка находилась приблизительно на расстоянии двухсот пятидесяти футов от него. Это означало, как он знал, что где-то в серой тьме, в двухстах футах над рекой и двухстах пятидесяти футах от другого берега, неподвижно висели Спиллен и его жена.

Три раза Джерри принимался кричать во всю силу своих лёгких, но из хаоса не долетало в ответ никакого звука. Казалось совершенно невозможным заставить пассажиров вагонетки услышать что-либо или самому услышать их. В то время как Джерри стоял на месте, поспешно соображая, как быть,

летучие облака вдруг поднялись и поредели. Он смутно увидел под собой вздувшуюся Сакраменто и мельком уловил очертания вагонетки и сидящих в ней мужчину и женщину. Затем облака снова заволокли всё вокруг ещё гуще прежнего.

Мальчик тщательно осмотрел шкив и нашёл его в полном порядке. Очевидно, испортился шкив на другом берегу. Джерри охватывал ужас при мысли о людях, которые висели в раскачивающейся хрупкой вагонетке там, над пропастью, в самом сердце бури, не зная, что происходит на берегу.

Не оставалось ничего другого, как переправиться на противоположный берег. К этому времени на мальчике уже сухой нитки не было, но он, не обращая никакого внимания на дождь, пустился бежать со всех ног по тропинке к «Золотому дракону». Ветер дул ему в спину, и бежать было легко. Но на другом конце троса не было Холла, чтобы управлять тормозом и регулировать скорость вагонетки. Джерри сам помогал себе в этом, перекинув петлей толстую верёвку через обратный трос.

Мальчик ещё лучше понял, что должны переживать Спиллен и его жена, когда ветер всей своей силой накинулся на него, раскачивая трос, свистя и завывая вокруг и то накреняя, то подбрасывая вагонетку. И это сознание придало ему новую энергию, когда, благополучно переправившись на другой берег, он начал пробираться, терзаемый ветром, к тросу «Золотой мечты».

К своему смущению, он нашёл и этот шкив в полном порядке. Всё работало исправно на обоих концах. Где же было препятствие? Без сомнения — посредине.

От этого берега вагонетка со Спилленом и его женой находилась всего на расстоянии двухсот пятидесяти футов. Сквозь туман Джерри мог разглядеть мужчину и женщину, скорчившихся на дне вагонетки и отданных во власть хлещущего дождя и яростного ветра. В промежутках между порывами бури и ливня мальчик кричал Спиллену, чтобы тот осмотрел колёса вагонетки.

Спиллен, по-видимому, услышал его, потому что Джерри видел, как он осторожно стал на колени и провёл руками по обоим колёсам. Затем он повернулся лицом к берегу:

— Они в порядке, малый!

Слова долетели к нему слабые и далёкие, точно с большого расстояния. Но в чём же тогда было дело?

крикнул ему Спиллен, когда мальчик снова двинулся дальше, — да только жена совсем рассыпалась! Во всяком случае, малый, будь осторожен. Я сам засадил тебя сюда. Теперь дело за тобой, чтобы вызволить меня.

— О, я справлюсь! — крикнул Джерри в ответ. — Скажите миссис Спиллен, что через минуту она будет на том берегу.

Под струями дождя, хлеставшего ему в глаза, качаясь из стороны в сторону, точно быстрый и неровный маятник, с сильной болью в израненных руках, задыхаясь от усилий и воздуха, который ветер по временам с невероятной силой вдувал ему в рот, Джерри добрался наконец до пустой вагонетки.

Первый же взгляд убедил мальчика в том, что он не напрасно проделал своё опасное путешествие. Переднее колесо, разболтавшееся от долгого употребления, соскочило с троса, и сам трос оказался тесно зажатым между колесом и обоймой.

Первый шаг был ясен: колесо необходимо было снять; второй тоже был ясен: раз колесо будет снято, нужно временно привязать вагонетку к тросу верёвкой, которую Джерри захватил с собой.

За четверть часа мальчику удалось только укрепить вагонетку. Чека, удерживавшая колесо на оси, была покрыта ржавчиной, и её сильно заело. Джерри колотил по ней гаечным ключом, сам изо всех сил держась свободной рукой. Однако ветер то и дело раскачивал и отклонял его тело, так что удары чаще пролетали мимо, чем попадали в цель. Девять десятых силы он тратил на то, чтобы удерживаться. Боясь выронить гаечный ключ, он крепко привязал его платком к кисти.

К концу получаса Джерри отбил чеку, но никак не мог вытащить её. Тысячу раз он, в отчаянии, уже готов был отказаться от своего предприятия, и тогда вся опасность и труд, через которые он прошёл, были бы напрасны.

Вдруг у него мелькнула мысль, он с лихорадочной торопливостью обшарил свои карманы и нашёл то, что искал: длинный гвоздь.

Не будь этого гвоздя, неизвестно когда и почему попавшего в его карман, ему пришлось бы сделать ещё один конец к берегу и обратно. Просунув гвоздь в ушко чеки, он получил возможность ухватиться, и чека была вытащена в один миг. Затем он начал отбивать с помощью железного бруса само колесо, прижатое тросом к обойме. Джерри пере-

двинул колесо на место и при помощи верёвки стал поднимать вагонетку, пока колесо снова не стало как следует на трос.

Всё это заняло немало времени. Прошло добрых полтора часа с тех пор, как мальчик добрался до пустой вагонетки, и только теперь он мог оставить своё седло и пересесть в неё. Джерри снял задерживающие верёвки, и колёса медленно покатились. Вагонетка двигалась, и он знал, хотя и не мог этого видеть, что где-то дальше в противоположном направлении двигалась и вагонетка Спилленов.

Теперь не было надобности в тормозе, потому что вес Джерри достаточно уравнивал тяжесть другой вагонетки; через несколько минут перед ним в хаосе облаков вырисовался берег и старый знакомый шкив, описывающий круг за кругом.

Джерри вылез из вагонетки и как следует укрепил её. Он сделал это тщательно и не спеша, но потом, совсем не по-геройски, не обращая внимания на проливной дождь, опустился у шкива и громко разрыдался.

Причин для этого было много: отчасти боль в руках, превратившаяся в настоящую пытку, отчасти усталость, отчасти чувство облегчения и разряд длительного нервного напряжения и в значительной мере — радость по поводу того, что мужчина и женщина были спасены.

Их не было тут, чтобы поблагодарить его, но он знал, что где-то, за этой воющей, смятенной штормом бездной, они спешат по тропинке к Клувер-Лифу.

Джерри поплёлся в дом, и когда он открыл дверь, рука его окрасила белую ручку алой кровью. Но он не обратил на это внимания.

Он был слишком горд и доволен собой; он знал, что поступил хорошо, и не стеснялся сознаться в этом самому себе. Однако в голове его зародилось маленькое сожаление, так и засевшее там: если бы только отец его был здесь и видел всё!

Джек Лондон

ЛЫЖНЯ

Через поле уходит лыжня. Кто-то проложил её первый. Вначале он пошёл к стогу, потом повернул и скатился в лог, оттуда — к осиннику. А за осинником лес, и лыжня теряется там.

Теперь все повторяют эти ненужные петли. Но лыжня ведёт нас в зимний сказочный лес, а в сказку, должно быть, нет прямых и коротких дорог.

По зимнему лесу можно пробежать быстро, а сказку увидеть не просто! Её надо суметь увидеть.

Любителей побывать в сказочном зимнем лесу много. Вот отчего лыжню не стёрли метели, не перемели вьюги, а мороз держит её в струне.

ВЕШКИ

Зимний вечер. Низкое небо и белая, а от этого плоская равнина.

Метели и пороша спутали дороги. Чёрные окоёмы дальних лесов, словно крадучись, обегают равнину, на которой ни кустика, ни деревца. Даже если бы это был день, и то, пожалуй, не разглядеть переметённые тропы. Мы шли гуськом. Под ногами натоптанная твердь и позёмная рыхлость. А оступишься — глубокий снег.

Но мы не сбивались, первый вёл нас прямо на чернеющие впереди еловые и пихтовые веточки. Они будто случайно торчали из снега, а на самом деле их поставили заботливые люди.

Давно все земные пути легли на карты и схемы, давно люди ходят и водят корабли по приборам. А охотники в тайге всё ещё по затесям — собственным меткам. И мы шли, как раньше деды ходили, — по вешкам. Иначе бы запурхались в сугробах и не успели вовремя на станцию к электричке.

А. Тумбасов

РУКАВИЧКИ Я ЗАБЫЛА

На бульваре — снежный бой.
Здесь и я, само собой!

Ой, что было!
Ой, что было!
Столько было хохота!
Рукавички я забыла,
Вот что было плохо-то!

Попросила я у Лёли
Запасные варежки,
Говорит: — Смеётесь, что ли,
Надо мной, товарищи?
Берегу их три недели,
Чтоб другие их надели?!

Вдруг девчонка, лет восьми,
Говорит: — Возьми, возьми. —
И снимает варежку
С вышивкой по краешку.
— Буду левой бить пока! —
Мне кричит издалека.

Снежный бой! Снежный бой!
Здесь и я, само собой!
Все в атаку! Напролом!
Из снежков метелица...

——

Хорошо, когда теплом
Кто-нибудь поделится.

Агния Барто

КАК ВОВКА СТАЛ ВЗРОСЛЫМ

На глазах растут ребята!
Жил в стихах моих когда-то
Вовка — добрая душа.
(Так прозвали малыша!)

А теперь он взрослый малый,
Лет двенадцати на вид,
И читателей, пожалуй,
Взрослый Вовка удивит.

С добротой покончил Вовка,
Он решил — ему неловко
В зрелом возрасте таком
Быть каким-то добряком!

Он краснел при этом слове,
Стал стесняться доброты
Он, чтоб выглядеть суровей,
Дёргал кошек за хвосты.

Дёргал кошек за хвосты,
А дождавшись темноты,
Он просил у них прощенья
За плохое обращенье.

Знайте все, что он недобрый,
Злее волка! Злее кобры!

— Берегись, не то убью! —
Пригрозил он воробью.

Целый час ходил с рогаткой,
Но расстроился потом,
Закопал её украдкой
В огороде, под кустом.

Он теперь сидит на крыше,
Затаившись, не дыша,
Лишь бы только не услышать:
«Вовка — добрая душа!»

Если добрым вырос ты,
Злыдней быть не пробуй,
Не стесняйся доброты,
А стесняйся злобы.

Агния Барто

ПЕРЕД СНОМ

Зажигают фонари
За окном,
Сядь со мной,
Поговори
Перед сном.
Целый вечер
Ты со мной не была,
У тебя всё дела
Да дела.
У тебя я не стою
Над душой,
Я всё жду,
Всё молчу,
Как большой...
Сядь со мной,
Поговорим
Перед сном,
Поглядим
На фонари
За окном.

Агния Барто

СИЛЬНЕЕ МЕТЕЛИ

Такая белая круговерть вскипает кругом! Неба не видно, дальних изб не видно. Жестоко заштормило.

Я стою на крыльце, слежу, как со стороны поля на деревню несутся косяки белых гривастых коней, но вдруг они спотыкаются, сшибаются, падают на землю и тут же превращаются в сугробы.

Попробуй ринуться встречь метелице — утонешь в снегах...

«А ведь кто-то вон решился, — прикрываясь варежкой, вглядываюсь. — Как же забыл? Как мог забыть? Тётка Варвара, наша почтальонша».

Голова в малиновой шали упрямо покачивается, вся фигура в движении, гнётся, машет палками, работает лыжами. Какое смелое противоборство!

«Пять километров до почты, а потом по кругу — шесть деревень».

За спиной мотается пустая сумка. Хоть бы замирилась метель. Ещё летом я подсчитывал вслух при ней, тётке Варваре, сухой, гибкой женщине с чёрными, как угли, глазами, они всегда теплы и доверчивы, сколько она прошла пути за своё почтарство. Выходило: раз шесть обернулась вокруг земли по экваторной метке.

— Шесть? — переспросила она, изумившись. — А сынок Гена, моряк мой, только три раза всего... Вишь, обогнала мать. Так. Ты прибавь к тому: стесала о снега наши запокшинские шесть пар лыж. А уж обувки разбила — за целую, может, нашу деревню. Как же: все метели мои, все морозы и дожди, и ветры там... Зато уж, — сверкнул угольный глаз, — новости все мои! Хе-хе...

— Тяжело, поди, почту носить?

— Втянулась. Теперь бы и хотела отстать, так не отстану.

— А на велосипеде не пробовали?

Смутилась. Улыбнулась:

— Пробовала... не получилось — к земле тянет. Однова руку надломила и бросила совсем... А сумка год от года тяжелеет: газеток прибавляется да журналы, а нашему дяде Косте да на лосиную ферму бандероли таскаю...

Только пламенем шали ещё угадывалась в белой круговерти тётка Варвара, наш почтальон.

Замирилась бы метелица.

Василий Бочарников

100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
П. КОНЧАЛОВСКОГО (1876—1956),
ОВЕТСКОГО ЖИВОПИСЦА.

Автопортрет, 1943.

Подари людям солнце!

Летом 1934 года на даче художника Петра Петровича Кончаловского появился желанный гость. Композитор Сергей Сергеевич Прокофьев долгое время путешествовал за границей и теперь с увлечением рассказывал об этом. Разное он повидал. Но более всего он удивлялся и радовался тому, как дружно и счастливо живут люди на его родине — в Советской России.

Хлебосольный хозяин хорошо понимал гостя. В молодые годы Пётр Петрович сам побывал в Париже, в Испании, в Италии. Он восхищался странной для москвича красотой корриды, великолепием дворцов Флоренции, воплощая свои впечатления в мужественные и темпераментные картины (они ныне хранятся в Третьяковской галерее и других музеях нашей страны).

Но больше всех других ему запомнились поездки в Новгород, тысячелетний русский город, стоящий на берегах

Портрет А. А. Фадеева. 1941.

полноводного Волхова. Всё ему нравилось в этом древнем городе.

Кончаловского поразили величавая мощь и простосердечие новгородской архитектуры — крепостных башен и стен, храмов и торговых рядов, просторы Волхова и Ильмень-озера.

Художник с восхищением убеждался в том, что постройки древних русских мастеров не заслоняли собой природу, а объединялись с нею в одну выразительную, живую картину.

А как красивы были сами новгородцы—рыбаки, мастеровые, крестьяне! Какой силой духа, достоинством, дружелюбием были полны взгляды их светлых голубых глаз. Кругом слышалась раздольная, певучая, внятная русская речь. И, вдохновлённый всем увиденным, пережитым, Кончаловский писал весело, задористо, ладно. Будто сам был из той артели умелых каменщиков, которые возвели новгородский кремль-детинец.

Внучка поэта. 1949.

Созданные живописцем полотна «Новгород. Детинец», «Новгородцы в чайной», «София Новгородская», «Возвращение с ярмарки» сразу и навсегда полюбились зрителю.

Несколько лет спустя художник поехал на Кольский полуостров, за Полярный круг. В акварелях, запечатлевших Мурманск, отобразилось мужество сосредоточенных трудовых будней первой пятилетки.

И вот теперь, вспоминая всё это, глядя на Сергея Сергеевича Прокофьева, слушая,

как он делился с ним своими мыслями, чувствами, замыслами, Кончаловский радовался его вдохновению.

Окно поэта. 1935.

А для Прокофьева шум листьев, пение птиц сливались в сознании со звуками рождавшихся мелодий. Эта музыка мужала, росла и пронизывала собой весь окружающий мир. Ему хотелось сочинить музыку для детей, задорно и остроумно поведать в ней о смешных играх и забавных случаях. Пусть ребята как бы увидят радугу и дождь, тёплый лунный вечер, кузнечика, который важно шествует между былинок.

А ещё композитор задумал музыкальную сказку «Петя и волк». Про что она? Про пионера, который с помощью храброй птички поймал этого волка. Голосом строгого Петиного дедушки зазвучит фагот. Для птички — лучше флейта. А гобой? Ведь этот инструмент умеет так вкрадчиво гнусавить. Пусть он мяучит за кошку.

Прокофьев в это время писал музыку и для взрослых — свой знаменитый балет «Ромео и Джульетта».

Пётр Петрович Кончаловский задумал портрет композитора и уже знал, как напишет.

Пётр Петрович часто писал портреты своих друзей — писателей, режиссёров, музыкантов. Что привлекало в них художника? Жажда творчества, любовь к полнокровной, деятельной жизни.

Портрет вышел на славу. Старое плетёное кресло засияло под солнечными лучами золотом. Сочно зарделись широкие штанины вишнёво-синих брюк. А вокруг раскинулась листва, напоённая зноем и хранящая целительную прохладу.

Портрет О. В. Кончаловской. 1925.

Сирень. 1933.

Конечно, самое главное в портрете—лицо человека. Сергей Сергеевич получился не просто похожим. В его взоре, в его улыбке ожили мысли, душа.

В годы Великой Отечественной войны Пётр Петрович написал портреты самого себя.

На одной из картин художник изобразил себя с маленькой внучкой на руках. В глазах деда застыла тревога. Враг рвётся к сердцу страны, сожжены тысячи селений, разрушен любимый Новгород. И всё же сильнее всех страшных переживаний и опасений вера старого мастера в победу правого дела, в торжество жизни.

Война победоносно завершилась. Как-то в мастерскую к Кончаловскому пришёл его молодой ученик, недавно вернувшийся с фронта. Смуглый, жизнерадостный, но чуть застенчивый крепыш. Вместе с сыном художника он стал натирать пол. Снял рубашку, надел какие-то красные шаровары, ступил босой ногой на щётку и затанцевал, как настоящий полотёр.

Пётр Петрович встрепенулся. Да это же чудо! Красота! Он тут же взялся за кисти и стал рисовать весёлое лицо, бронзовый торс, крепкие и резвые ноги юноши. На зелёном фоне стен красные штаны загорелись ещё ярче. Всё полотно заполнило солнечное тепло, радость мирной здоровой жизни. Теперь на «Полотёра» любуются посетители Третьяковской галереи.

За свою долгую жизнь — а он прожил 80 лет — Кончаловский написал много портретов, пейзажей, натюрмортов. Особенно он любил сирень. На его картинах она всегда сочная, пышная. Так и манит взор бесчисленными оттенками своего цвета. Он очень любил цветы, напоённый солнцем простор, бодрых и умных людей.

Первый снег, свежеобструганные доски, бодрящий озорной ветер, человек, в раздумье прилёгший на тахту, ребёнок с куклой, герой-лётчик... Всё окружающее волновало Петра Петровича, во всём он видел и ценил полнокровие и красоту жизни.

И. Купцов

МЕЛКИЕ МЕЛОЧИ

Рассказ

В школе, где учился мой юный друг Коля Ладогин, многие увлекались коллекционированием почтовых марок. А Коля был самым заядлым коллекционером-филателистом.

У многих были редкие и очень интересные марки, а уж у Коли-то нечего и говорить. Но всё же ни одному из мальчиков не удавалось и не удалось бы создать такой коллекции, которая могла удивить других и прославить её обладателя.

И однажды самый скромный собиратель марок Кирюша Маликов объявил:

— А я знаю, как собрать такую коллекцию, от которой все ахнут.

— Как?

И он рассказал, что, вместо того чтобы меняться друг с другом марками, выискивать их в других городах, нужно все наши марки сложить вместе, составить общую ничейную и всех нас коллекцию, а потом собирать и выискивать марки сообща.

Над ним сначала посмеялись и сказали, что такому, как Маликов, было не жаль отдать свою маленькую коллекцию, а легко ли это сделать тем, у кого множество марок.

Смеявшиеся оказались неправы. У Коли действительно мало было марок, меньше всех, зато каких! Никто, да и он сам не знал, что у него редчайшие марки, подаренные ему дядей, часто бывавшим за границей.

И когда эти марки были показаны, то почти ни одной из них у других не оказалось.

С этого и началось. Пять или шесть мальчиков объединились в «марочный колхоз». Вошёл в него и мой дружок Николай Ладогин. Составилась очень интересная коллекция. Коллекционеры-коллективисты завели большую переписку. И эта переписка принесла новую неожиданную удачу. Очень многим понравилось, что у ребят не личная, а общая коллекция. И нашлись такие филателисты, которые дарили ребятам лишние марки. Оказались и ещё большие сюрпризы. Юные филателисты стали

получать коллекции марок от тех, кто перестал собирать их и передавал собранное в надёжные руки «марочного колхоза».

У ребят возникал крупный обменный фонд. «Колхоз» рос и рос. Коллекция была объявлена достоянием школы.

Так прошёл год, другой, третий... Коллекция марок становилась не просто известной, но и знаменитой. Приезжали одержимые из других городов полюбоваться марками, обменяться недостающими...

Теперь Коля Ладогин уже не Коля, а Николай Николаевич. В последнюю встречу со мной он рассказывал, как дорого оценивается эта школьная коллекция, и что в некоторых не наших царствах-государствах находятся такие стяжатели редких марок, которые предлагают построить вчетверо большую школу, лишь бы завладеть этим «колхозным» марочным богатством, в котором встречались драгоценнейшие марки, посланные из разных городов щедрыми, восторженными филателистами, подарившими свои коллекции.

Я не знаю, верить этому или нет. С одной стороны, как-то трудно принимать непроверенное на слово... С другой стороны, Коля, ныне Николай Николаевич, не из тех людей, к которым относятся сочинители.

Но если это даже так, то всё равно я в глубине души верю рассказанному, потому что в мире коллекций, и в том числе марочных, случается ещё более неожиданное.

Я не принадлежу ни к каким коллекционерам, и всё же...

И всё же я не могу быть безразличен к такому коллективно-школьному коллекционированию. Коллекционированию вообще. Начиная с самых второстепенных и неожиданных мелочей, которые не осмелишься и назвать. Когда коллекцию собирает коллектив, она почти всегда становится ценностью и достоянием нашей культуры. И мне хотелось бы, чтобы сказанное мною не просто прослушалось, но и отозвалось.

Жизнь наша огромна и настолько многообразна, что в ней не оказываются мелкими, казалось бы, самые мелкие мелочи...

Евг. Пермяк

ДОБРОЕ УТРО

Просыпаюсь ещё в темноте.
Слышу, чайник шумит на плите.
Вижу, пляшет огонь на стене.
Плачет льдистый узор на окне.
Значит, скоро и в школу пора.
В кухне звякнула дужка ведра.
«Мама! Доброе утро!» И свет
Зажигается мне в ответ.

В ШКОЛУ

Под столбом лежит ледышка.
У ледышки передышка.
Подойду к столбу и там
Вновь ледышку наподдам.
И она опять умчится.
Это я иду учиться!

УСТНЫЙ СЧЁТ

Ну-ка, в сторону карандаши.
Ни костяшек, ни ручек, ни мела.
Устный счёт! Мы творим это дело
Только силой ума и души.
Числа сходятся где-то во тьме.
И глаза начинают светиться,
И кругом только умные лица,
Потому что считаем в уме.

СПРОСИТЕ МЕНЯ

Он руку над партою тянет и тянет.
Неужто никто на него и не взглянет?
Он — весь нетерпенье: «Спросите меня!»,
Как будто загнав по дороге коня.
Сюда он примчался со срочным пакетом,
Со срочным пакетом
И точным ответом.
Не нужно отметок в журнал и в дневник.
Довольно того, что он в тайну проник,
Что чудо свершилось,
Задача решилась!
Спросите, пожалуйста! Сделайте милость!

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Возьмём с собой сушёных груш
И двинемся в лесную глушь.
Одни — в далёкий путь.
Я у Старкова за спиной.
Спешит Красильников за мной.
Назад не повернуть.

Взлетают палки наши в лад,
И наши лыжи в лад скользят.
Всё дальше, дальше дом.
Но мы — мужчины. И к тому ж
У нас запас сушёных груш.
И мы не пропадём!

Валентин Берестов

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

(1826 – 1889)

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин родился в семье тверского помещика. Его отец принадлежал к обедневшему старинному дворянскому роду; в прежние времена Салтыковы бывали боярами и воеводами, крупными государственными деятелями и дипломатами, но отец Михаила Евграфовича был самым обыкновенным помещиком-крепостником.

В детстве будущий писатель своими глазами увидел все ужасы крепостного права, видел нищету мужиков, слышал вопли избиваемых крепостных. Да и его самого с братьями и сёстрами отец и мать за малейшую шалость жестоко наказывали, пороли и морили голодом. С ранних, детских лет Салтыков возненавидел угнетение и крепостное право.

Когда ему исполнилось десять лет, его отдали учиться в Московский дворянский институт, а через два года перевели в другое привилегированное дворянское учебное заведение — Царскосельский лицей.

Царскосельский лицей называли «рассадником министров». Лицеистов старались воспитать в духе преданности самодержавию, и многие из них впоследствии дослужились до самых высоких чинов, стали послами, губернаторами, министрами.

Но не все лицеисты мечтали только о блестящей карьере, были среди них и такие, кто читал сочинения иностранных революционных писателей и русских борцов против крепостного права — А. Н. Радищева и В. Г. Белинского, сочувствовал угнетённому народу. В Лицее учился Петрашевский, создавший впоследствии революционный кружок. Салтыков принадлежал как раз к таким лицеистам.

Более двадцати лет назад в Царскосельском лицее учился Пушкин. С тех времён на каждом новом курсе лицеист, обладавший литературными способностями, считался как бы «продолжателем Пушкина». На том курсе, на котором учился Салтыков, «продолжателем Пушкина» считался он. Он писал стихи, и первое его опубликованное стихотворение «Лира» было посвящено памяти Пушкина.

После окончания Лицея Салтыков поступил на службу в канцелярию военного министерства. Здесь ему раскрылась неприглядная картина государственного аппарата царской России, его бюрократизм, произвол и ложь. Салтыков стремился к иной жизни, освящённой высокими идеалами, к иным людям, чем окружающие его бюрократы-чиновники. Он стал посещать кружок Петрашевского, написал две повести: «Противоречия» и «Запутанное дело», в них он изобразил царящее в России угнетение трудящихся правительством и богачами. Эти повести стали известны царю Николаю I. Салтыкова вызвал его начальник — военный министр и объявил ему царскую резолюцию: царь считает, что Салтыкова следует отдать в солдаты, но, снисходя к носимому им имени и молодости лет, повелевает выслать в Вятку. Прямо из министерства молодого писателя в сопровождении жандарма повезли в ссылку.

В ссылке Салтыков пробыл семь лет, до смерти Николая I. Годы, проведённые в Вятке, дали ему материал для «Губернских очерков». Он описал в них произвол и взяточничество губернских властей, дикие нравы невежественного чиновничества, бесправие и бедность простого народа. Вернувшись в Петербург, Салтыков напечатал «Губернские очерки», подписал их он псевдонимом — Н. Щедрин.

«Губернские очерки» сразу поставили Салтыкова в первые ряды борцов за освобождение народа. С восторгом встретили книгу революционеры-демократы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Т. Г. Шевченко.

Салтыков ещё несколько лет служил на государственной службе, но настоящим делом жизни, которым он может принести пользу стране и народу, он считал свою литературную деятельность.

Салтыков вышел в отставку и весь отдался литературе. Вместе с Некрасовым он редактировал передовые журналы того времени «Современник» и «Отечественные записки», много писал.

Салтыков-Щедрин разоблачал и клеймил самодержавие, государственное устройство царской России, подлость и бесчеловечность помещиков и капиталистов.

Он создал много замечательных произведений. Среди них острые сатиры: «История одного города», «Благонамеренные речи», «Мелочи жизни», «Сказки»; романы, изображающие отвратительный мир крепостников: «Господа Головлёвы», «Пошехонская старина».

Революционная молодёжь России признала Салтыкова своим писателем. В одном письме студенты обратились к нему с такими словами любви и уважения: «Ваш голос разделил всё мало-мальски мыслящее на две резко различающиеся половины, и под Ваше великое честное знамя стало всё молодое, горячее и искренне ищущее правды и света».

В конце концов царская цензура запретила журнал «Отечественные записки» за революционное направление, а всем другим журналам запретили печатать новые произведения Салтыкова. Пять лет спустя после запрещения «Отечественных записок» М. Е. Салтыков-Щедрин умер.

Произведения замечательного писателя-сатирика были верным и могучим оружием в борьбе против самодержавия. Недаром Салтыков-Щедрин всегда находился в числе любимейших писателей русских революционеров. Любил его и В. И. Ленин.

Вл. Муравьёв

СОВЕТСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Это был 1919 год — кажется, февраль. Мне только исполнилось пятнадцать лет.

И вот командующий, который, по добродушию, именовал меня то ординарцем, то адъютантом, сказал:

— Я уезжаю на Советскую площадь. Герой, не хмурься! Я взял бы и тебя, но в машине нет бензина, и я поеду верхом.

Но я уже знал, зачем торопятся войска на площадь. И вздрогнул и попросил: «Товарищ командующий, мне горько! Разрешите и мне поехать верхом с вами?»

Он предупредил: «Смотри!»

И я помчался на конюшню выбирать лошадь потише, потому что держался в седле я ещё совсем плохо.

Но все, что потише, были клячи, убогие, дохловатые.

И мне оседлали высокого лукавого коня, который, едва очутился на площади, стал храпеть, крутить мордой и толкать крупом других...

И был митинг, и с балкона Моссовета выступали лучшие коммунисты многих стран.

И всадники, зло поглядывая на меня, тихо бранились и украдкой шпыняли моего коня, кто носком сапога, а кто черенком плётки.

Вдруг вся площадь замерла, и на балкон вышел Ленин. Радостный, поднялся я на стременах, но конь мой вздрогнул, захрапел, попятился.

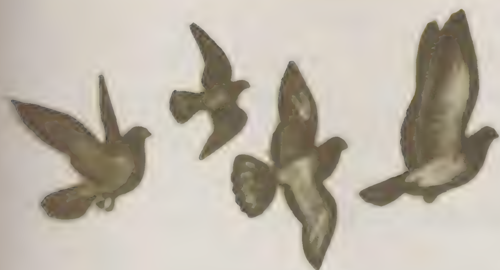
И во время короткой речи Ленина все свои силы, всё невысокое умение я истратил только на то, чтобы конь мой хоть кое-как стоял смирно и если не мне, то хотя бы людям дал послушать то, что скажет великий вождь.

Но когда Ленин окончил говорить и площадь загремела музыкой и криками, то в гневе и слезах жиганул я коня нагайкой, вылетел из строя и помчался куда глаза глядят по пустынным, занесённым сугробами улицам.

Больше я Ленина никогда не слышал и не видел. Но в этот же день люди, кто как мог, речь его мне пересказали. А я задумался, отпросился у командующего и вскоре ушёл с его красноармейцами на фронт — в далёкую Двенадцатую армию.

Аркадий Гайдар

НА СТРАЖЕ МИРА

23 февраля у Советской Армии день рождения. В этом году ей исполнилось пятьдесят восемь лет.

Наша страна никогда не хотела воевать, но немало лет пришлось нашим солдатам провести в боях и походах.

После революции капиталисты четырнадцати стран напали на молодое Советское государство. Вот тогда-то и родилась наша армия. В. И. Ленин и большевики обратились ко всему народу: «Социалистическое отечество в опасности! Все, кому дорога Октябрьская революция, вступайте добровольцами в Рабоче-Крестьянскую Армию!» И наша армия защитила первое в мире социалистическое государство.

Выстояла Советская Армия и в Великой Отечественной войне, когда на нас вероломно напали гитлеровцы. Она освободила весь мир от фашизма.

И в гражданскую и в Великую Отечественную войны нападали на нас сильные враги.

Почему победила наша армия в тяжёлых войнах? Потому что наша армия — народная, она неотделима от народа. Больше всего она любит свою Родину и не жалеет сил для защиты великого дела Ленина, дела мира и социализма.

Наша армия никогда не поднимает оружия первой, но, вооружённая самой новой, самой могучей боевой техникой, она стоит на страже нашего социалистического государства, всего того, что завоёвано революцией.

Советская Армия охраняет мир во всём мире.

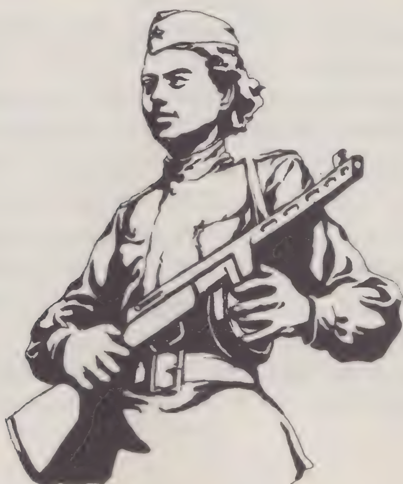
Герой Советского Союза В. А. Борисов

С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ, АРМИЯ!

С днём рождения, Армия — юность моя!
Мы — солдаты запаса, твои сыновья.
Позабуду ли, как в сорок первом году
Приколола ты мне на пилотку звезду?
Я на верность тебе присягала в строю,
Я на верность тебе присягала в бою...
С каждым днём отступала на запад
война,
С каждым днём подступала к вискам
седина...
Отступила война, отгремели бои,
Возвратились домой одногодки мои.
Не забуду, как ты в сорок пятом году
От пилотки моей отколола звезду.
Мы — солдаты запаса, твои сыновья...
С днём рождения, Армия — юность моя!

Юлия Друнина

НОВЫЕ НАГРАДЫ РОДИНЫ

Ордена и медали — это награда Родины самым достойным своим сынам. Ты знаешь много славных боевых орденов. Орден Ленина, орден Красного Знамени, орден Красной Звезды. Накануне 30-летия Победы советского народа над фашизмом Президиум Верховного Совета СССР учредил новый орден — «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» I, II, III степени.

Новым орденом награждают воинов, которые проявили отвагу и самоотверженность при выполнении служебного долга, выполнили особо важное поручение командира.

И ещё одну новую награду учредил Президиум Верховного Совета СССР — медаль «За отличие в воинской службе» I и II степени. Это награда для воинов, отлично проявивших себя на манёврах, учениях, на боевом дежурстве, за отвагу и самоотверженность во время службы в армии.

Служба в армии — это большая ответственность. Армия требует от солдат дисциплины, личной инициативы, самоотверженности и храбрости. Подвиги совершают не только на войне. Солдат, служащий в армии, даже в мирное время всегда на боевом посту. Лучших из лучших будут награждать новыми орденами и медалями.

С такой наградой на кителе, возможно, вернётся скоро из армии твой старший брат. Ордена и медали — это память о подвигах. Подвигах, которые совершают советские воины.

КОСМИЧЕСКИЙ ПРИЧАЛ

Почти весь 1975 год на околоземной орбите работала станция «Салют-4» — своеобразный научно-исследовательский внеземной институт. Дважды к «Салюту» стартовали корабли «Союз». Алексей Губарев и Георгий Гречко жили в космическом доме месяц, а Пётр Климук и Виталий Севастьянов — в течение 63 суток.

— Что больше всего запомнилось в полёте? — спрашивал я космонавтов.

— Работа, — ответил Пётр Климук.

— Работа, — сказал Виталий Севастьянов.

— Работа, — подтвердил Алексей Губарев.

— Отдыхать некогда, — говорит Георгий Гречко. — Если бы на борту «Салюта» оказалось не два космонавта, а двадцать, каждому нашлась бы работа. Ведь «Салют» — это большая исследовательская лаборатория. Более 150 научных и технических

экспериментов проводит экипаж во время полёта. Здесь и съёмки Земли из космоса, и астрономические исследования, и испытания новых приборов и аппаратуры.

— Вот теперь можно поговорить о «вреде» телевидения, — улыбается Георгий Гречко. — Это только на экране кажется, что космонавты в корабле лежат в своих креслах или плавают по орбитальному отсеку и им ничего не остаётся, как только «развлекать» зрителей. Мол, смотрите, как легко жонглировать карандашом и кувыркаться в невесомости. Но эта лёгкость внешняя, обманчивая. Невесомость запоминается прежде всего тяжестью, которая наваливается на голову. В висках стучит, ты чувствуешь себя «перевёрнутым» — всё время пытаешься «встать на ноги». Но о себе в эти минуты не думаешь, некогда — работа, работа. . .

Сразу после старта и выхода на орбиту «Союза» электронные вычислительные машины нескольких Центров начинают подсчитывать траекторию полёта. «Союзу» необходимо «перескочить» с одной орбиты на другую, ту, по которой путешествует орбитальная станция «Салют-4».

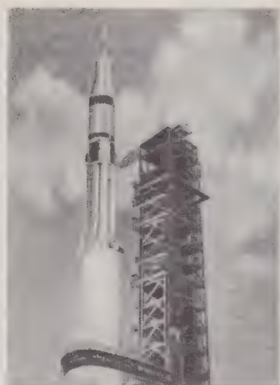
— За две недели до взлёта, — рассказывает космонавт Георгий Гречко, — живёшь под знаком стыковки. Только о ней и думаешь.

Экипаж «Союза», который уже проверил состояние своего корабля, получает с «Земли» данные для первой коррекции. . .

— Её стараешься делать так, чтобы комар носа не подточил. На борт сообщаются заданный курс, «уставки» для двигателей, время их работы и т. д., — поясняет Георгий Гречко. — В эти часы командир и бортинженер ведут довольно интенсивный диалог. По нескольку раз переспрашивают друг друга, уточняют детали. Со стороны может показаться: а почему они говорят об одном и том же, неужели недостаточно одного вопроса? Слишком ответственная операция — коррекция, и необходимо провести её безукоризненно.

Наконец, в точно рассчитанное время приходит команда на включение двигателя. «Союз» уходит дальше от Земли, он переходит на орбиту «Салюта».

— После первой коррекции надо передохнуть, — комментирует Георгий Гречко, — слишком велико напряжение, экипаж нуждается в отдыхе. Тем более, что теперь «центр тяжести» работы вновь смещается на «Землю» — необходимы точные данные о новой орбите. Если представить грубо задачи обеих коррекций, то их цель

можно сформулировать таким образом: первая коррекция— переход на орбиту, где «ходит» станция, вторая — уравнение скоростей корабля и «Салюта».

Центр управления полётом устанавливает «мост» между кораблём и «Салютом». Он разрабатывает единую программу сближения, выдаёт команды и на борт «Союза» и на орбитальную станцию.

— Сначала корабль «ищет» станцию, — поясняет Г. Гречко, — и как только антенны станции принимают сигнал «Союза», она разворачивается к кораблю. Радионити начинают «стягивать» оба космических объекта. На корабле находится счётно-решающий блок, он высчитывает расстояние до станции, скорость движения, боковые отклонения... «Союз» идёт в строго определённом коридоре, он не должен выходить за его пределы. Если он приближается к нижней или верхней границе коридора, сразу же включаются двигатели, и корабль «загоняется» внутрь...

Жаль, невозможно видеть тот замысловатый «высший пилотаж в космосе», который совершает «Союз». Он то идёт носом к станции, то разворачивается боком, то нацеливается на неё соплом основного двигателя, и он включается, чтобы погасить избыток скорости...

Работает автоматическая система сближения и стыковки.

— Автоматика автоматикой, но у космонавтов «горячие минутки», — говорит Георгий Гречко, — от них зависит очень многое. Командир и бортинженер видят, к примеру, дальность — 4, скорость — 2. Таким образом, система автоматики показывает, что надо разгонять корабль. А правильно ли она оценивает ситуацию? Не ошибается ли? Сообщаем свои анализы «Земле», Центр выдаёт «доб-

ро», и лишь после этого экипаж «разрешает» включаться двигателям... Короче говоря, автоматическая система не просто работает, а космонавты в это время сидят, курят и ждут, когда автоматика сделает своё дело... И командир и бортинженер должны понимать весь процесс, оценивать каждый разворот, каждое включение двигателя. Ты должен мысленно опережать работу автоматики — недогасила она скорость, перегасила, недоработала по времени, переработала... В каждую секунду надо быть готовым взять управление на себя...

Вот уже виден «Салют-4». Автоматика не подвела. Теперь надо переходить на ручное управление. Конечно, можно довериться, как и прежде, автоматике, но руки командира — Петра Климука всё-таки надёжней. Корабль уже не разворачивается — боковая скорость погашена, «Союз» идёт к станции носом.

— На причаливании работают двигатели ориентации и причаливания, — поясняет Георгий Гречко, — управление кораблём мягкое, точное...

Бортинженер контролирует работу двигателей, поддерживает связь с «Землёй».

— Огромное нервное напряжение у экипажа, — поясняет Георгий Гречко. — Знаете, когда кончается рабочий день в космосе, чувствуешь, насколько много нервной энергии потрачено. Ведь даже простая операция — нажать кнопку или включить тумблер — становится сложной на орбите. Вот вы сейчас разговариваете со мной, и в течение этих нескольких минут встали, подошли к телевизору, выключили его, потом выпили чашку кофе... Короче говоря, вы совершили несколько десятков операций, не задумываясь о них. Вы это делали механически, контролируя лишь себя подсознательно... В космосе так нельзя действовать. Прежде чем включить любой тумблер или нажать любую кнопку, надо подумать раза три-четыре, а тогда ли это сде-

лано, а что произойдёт, и т. д.

Кажется, время тянется медленнее.

Наконец лёгкий толчок, станция на экране телевизора вздрогнула и застыла.

— Есть стыковка!

Начинается стягивание. Через несколько минут «Союз» и «Салют-4» составят единое целое.

— ... Однажды я ехал с известным лётчиком-испытателем, — продолжает Георгий Гречко. — Он воевал, сбил более двадцати фашистских самолётов. И он мне рассказал о любопытном наблюдении: в полёте такое сильное нервное напряжение, что всё остальное отступает. К примеру, в полёте ни у одного лётчика не было инфаркта. Я невольно сравнил ощущение лётчика во время боевого вылета с нервным напряжением космонавта в течение всего полёта. Потому что до стыковки и ты и «Земля» думают только о стыковке, а когда она уже произошла, то сразу же все заботы твои о переходе в станцию.

Космонавты открыли переходной люк. Перед ними — тёмный, бесконечный, таинственный коридор... Можно идти в «Салют»...

Бортинженер вошёл первым и зажёг свет.

Люди вновь вернулись в свой космический дом.

Владимир Губарев

СОЗВЕЗДЬЕ ГАГАРИНА

Пусть звёзды опять нам назначат свидание,
Мы слышим разряды космических вьюг...
Ты с нами, ты с нами идёшь на задание,
Первый, верный, испытанный друг!

В лесах за Владимиром сосны столетние,
И хмурое солнце под утро встаёт...
Не будет, не будет полёта последнего —
Помнят люди твой первый полёт!

Тебя вспоминают Парижа окраины,
Проспекты Москвы и рязанская рожь.
А дети на свете играют в Гагарина,
Значит, ты на планете живёшь!

Всё ближе, всё ближе нам небо бескрайнее.
И подвигам в жизни не будет конца.
Восходит над миром созвездье Гагарина —
К правде, к свету стартуют сердца.

Н. Добронравов

КТО ХОЗЯИН В ТАЙГЕ

Вернувшись из школы, Туотук наскоро пообедал и помчался искать Тукутука. Застав его возле снежной бабы, крикнул:

— Эй, Тукутук!

— Чего тебе, Туотук?

— Пойдёшь со мной петли обходить?

— А это близко? Далеко. А как — на лыжах? Ага, пешком.

— Угадал наполовину: далеко — да, пешком — нет. На лыжах пойдём, понятно?

— Понятно.

— Тогда пошевеливайся!

...Было это в последних числах апреля. Кое-где на дороге начал таять снег.

Ещё осенью, как только выпал снег, Туотук проложил лыжню вдоль берега северной поймы реки Кёнгюре. За зиму лыжня эта стала накатанной, скользкой. Туотук часто ходил по ней: ставил петли на куропаток в зарослях ерника. Тукутук редко его сопровождал, он был равнодушен к охоте, его больше занимали всякие самоделки...

— Давненько не осматривал я петли, — сказал Туотук, когда братья вышли за село. — Поди, вороны там набедокурили. Ну ничего, будем надеяться, кое-что всё-таки осталось.

Тукутук усмехнулся: Туотук в точности повторил слова отца.

Ловко и быстро скользя

По лыжне, братья вскоре увидели петли Туотука. Сняли с них трёх куропаток. От четвёртой жадные вороны оставили только перья.

— Ну берегитесь, разбойницы! — сказал Туотук.

В эту самую минуту со стороны глубокого речного оврага раздался какой-то странный звук, похожий на скрип старого седла.

Братья обернулись и увидели во всю прыть мчащегося лося с высунутым длинным языком. Лося почти нагоняла собака желтовато-серой масти.

Добежав до островка молодых сосенок, лось круто остановился, повернулся рогами к собаке и лягнул её передними копытами. Собака только отряхнулась и бросилась лосю за спину. Лось тут же крутанулся на месте и выставил рога. Собака снова за спину. Лось снова к ней рогами.

— Да это ведь не собака, а волк! — догадался Туотук. — Он лося измотать хочет.

— А зачем? — спросил Тукутук.

— Чтобы съесть.

— Такого большого? Да он ведь у волка в животе не поместится.

— А у тебя в животе баран помещается? Как же ты баранину-то ешь?

— Бежим домой! — неожиданно сказал Тукутук. — А то и нас волк съест.

— Бежать хуже, — ответил Туотук. — Он нас сразу заметит. Давай лучше в ернике спрячемся.

Так и сделали. А чтобы совсем не страшно было, Туотук раскрыл свой складной нож: оружие всё-таки!

Тукутук вцепился в рукав Туотука. Каждый раз, когда волк бросался на лося, мальчик крепко зажмуривал глаза и прятал лицо в снег.

Кто знает, чем бы всё это кончилось, если бы не появился медведь.

Словно мешок с шерстью, подпрыгивал он на кочках. А добежав до волка, поднялся на задние лапы и передними схватил серого бродягу.

И началась схватка медведя с волком. Звериный рёв и вой огласил тайгу. Клубами взвивалась и летела по сторонам снежная пыль.

Сперва лось опешил, остановился, отфыркиваясь. Затем рванулся в сторону, в несколько прыжков достиг оврага, и совсем рядом с мальчиками резко повернул к лесу. Несколько раз мелькнул его косматый загривок, и лось исчез.

Получив от медведя хороший урок, волк поджал хвост и тоже дал ходу. Медведь было погнался за ним, но, сделав несколько шагов, остановился. Однако ему на-

до было куда-то девать свой гнев, и он, привстав на дыбы, могучими ударами передних лап изломал молодую сосёнушку.

А немного успокоившись, он подошёл к месту недавней битвы, внимательно обнюхал его, потом, задрав голову, принялся оглядываться по сторонам, время от времени присаживаясь и к чему-то прислушиваясь, потирая лапою нос и губы. Когда всё это ему надоело, словно нехотя, лениво побрёл в тёмный лес.

Братья не сразу пришли в себя.

Тукутук едва не изорвал рукав Туотуку, а тот тоже был настолько ошеломлён и напуган, что изо всех сил сжимал в руках лыжные палки, невпопад тыкал ими в снег.

— Интересно! — вымолвил наконец Туотук. — Чего это медведь за лося вступился?

— Не иначе волк перед медведем провинился, — высказал догадку Тукутук. — А может быть... Может быть, он просто слабых в обиду не даёт? — И Тукутук лукаво усмехнулся. — Вот ты, например, меня всегда защищаешь: я ведь твой младший брат!

И Туотук вспомнил, что ещё ни разу в жизни не защитил своего Тукутука. Наоборот — иногда даже сам смеялся над ним.

Иван Федосеев

РАДОСТЬ

Такой сегодня добрый снег,
что можно делать всё для всех!
И вот — завод
и пароход.
Хотите — торт?
Берите. Вот.

И стул,
и стол,
и дом
с окном,
и хорошо, уютно в нём.

Но оседает что-то печь,
и что-то крыша стала течь...
Но радость
не растает!

А радость
нарастает,
что вот снежок, снежок, снежок,
что так сегодня хорошо,
что вот такой хороший снег,
что можно делать всё для всех!

Э. Мошковская

СНЕГ-ПРОКАЗНИК

Снег кружит,
Играет,
Пляшет!
Я такому снегу рад.
Точно хлопья простокваши
С неба весело летят!

Прячь лицо своё, прохожий!
Зазеваешься, и — рраз! —
Получай снежок хороший
В ухо,
В нос
И даже в глаз!

Е. Кай

КОМАРЫ-КОМАРИКИ

Рассказ

День выдался морозный. Высунешь из дому нос — юрк в тепло! А папа обрадовался.

— Пойдём, — говорит, — дрова колоть: мороз в этом деле лучший помощник.

Пошли — и впрямь: только топор коснётся полена, как оно тут же на половинки. Я подставляю чурку за чуркой — папа посмеивается:

— Не я, мороз колет.

А я уже приустал. Присел на бревно и вижу: у самого комля вроде дупла, а в нём мох не мох, но что-то мохнатое. Потянул за конец и вытянул плотный комок. Всмотрелся: комары! Попрятались, видать, в дупло перед зимней спячкой.

Любопытно: оживут они на тёплой печке? Я взглянул на папу и прикусил язык: не позволит! Но ведь так инте-

ресно: зимой, в такую стужу — и комары. Это всё равно что летом снег.

Я засунул комариный комок в карман, а когда закончили с дровами, положил находку на печь, возле трубы — там теплее.

Мы поужинали, спать легли, а от комаров моих ни слуху ни духу. Дохлые они, что ли?

В полночь зачесалась щека. Я проснулся: такой зуд! И тут услышал комариный писк: ожили, голубчики! Но кусаются, как собаки, — видно, с голоду.

Хлоп! — это папа себе по щеке спросонья. Я про себя посмеялся. Хлоп! — это уже мама. Тут не до смеха... Так и есть — мама встала, зажгла свет и ахнула:

— Комары! Отец, комары, говорю!

Папа протёр глаза и в изумлении стал следить, как на него садятся комары.

— Гм!.. Хм!.. Кхе... Ничего не понимаю. Постой-ка, мы дрова кололи? Кололи. Охапку дров принесли? Принесли. Наверное, вместе с дровами и комариное гнездо занесли. Комары на зиму в щели забиваются, в дуплах гнездятся.

— Правильно! — сорвалось у меня с языка. — Я комариное гнездо на печку положил.

Мама всплеснула руками. А папа рассмеялся:

— Много их там у тебя?

Я бросился к печной трубе: пусто!

— Не считал. Много! Все ожили! — в испуге прокричал я.

— Без паники! — сказал папа. — За шапки, за платки — бей комаров!

Комары-комарики!.. Было смеху в ту ночь!

Виталий Костылев

ФЕВРАЛЬ

Ещё лежат снега. Ещё ручей до дна
Промёрз.
Но чем-то свежим веет.
И на гумне солома уж видна —
На солнце отливая, золотеет...

В. Яковченко

Почему мы так говорим?

Волки — звери хищные. И как у всяких хищников, главное их «оружие» — могучие челюсти, острые клыки. А при чём же тут ноги? Да при том, что и могучие челюсти и острые клыки окажутся бесполезными, если волки не смогут бегать. Найдёт волчья стая след какого-нибудь зверя и пойдёт по этому следу. И километр, и два, и десять могут идти волки по следу. Очень крепкие у них ноги. И быстрые: если зверь, за которым они гонятся, попытается удрать — обязательно догонят.

«Ну, а почему же только волков ноги кормят? — можешь ты спросить. — А других хищников разве нет? Львов, например, или тигров?»

Конечно, ни лев, ни тигр, ни какой другой хищник не сможет охотиться без ног. Но никто из них не преследует добычу — все хищники прячутся в засаде и из укрытия нападают на других животных. А волки очень редко прячутся в засаде. Обычно они рыскают по лесу, выискивают следы и догоняют добычу.

Вот почему и говорят — волка ноги кормят.

Где раки зимуют — известно. И никакого секрета, никакой тайны тут нет. На дне реки или пруда, зарывшись в ил или забравшись в какую-нибудь ямку, проводят зиму раки. Почему же иногда мы слышим, как рассерженный человек говорит:

«Покажу ему, где раки зимуют!»? Непонятно. А ведь когда-то это была и понятная и страшная угроза.

Когда-то одним из излюбленных блюд на пирах у русских помещиков были свежие раки. Летом наловить раков — дело нехитрое. Но в том-то и суть, что любили удивлять помещики своих гостей и подавать к столу свежих раков зимой. А зимой где их взять? Там, где они зимуют, то есть достать со дна пруда или реки. Конечно же, помещики не сами лазали за раками — приказывали старосте или управляющему имением, а те, в свою очередь, заставляли крестьян. В лютый мороз, в стужу люди должны были лезть в ледяную воду, нырять на дно. Да не раз, не два и даже не десять раз опустится человек, пока добудет раков столько, сколько надо.

Часто добывать зимой раков заставляли крестьян в наказание за что-нибудь, иногда таким образом мстили старосты деревень или управляющие имениями непокорным людям.

Страшная это была месть, жестокое это было наказание! Недаром до сих пор живёт выражение «показать, где раки зимуют», хотя давно уже нет ни помещиков, ни управляющих их имениями.

Юрий Дмитриев

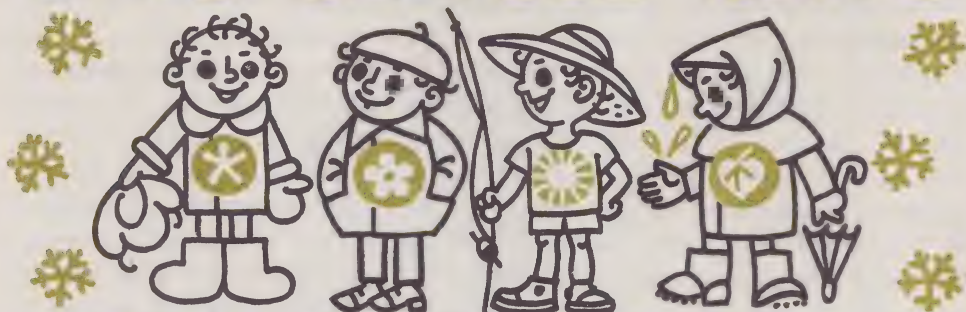

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Без труда не вынешь рыбку из пруда.
Большому кораблю — большое плавание.
В гостях хорошо, а дома лучше.
Волков бояться — в лес не ходить.
Всему своё время.
Дело мастера боится.

ИГРЫ БРАТЬЕВ КРУГО

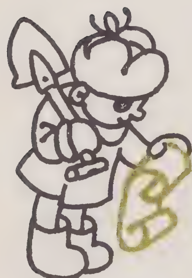
ИГРЫ БРАТЬЕВ КРУГО

Мы похожи друг на друга:
Уши, нос, глаза и рот,
И зовут нас братья Круго,
То есть братья Круглый Год.
Если дождик или вьюга
Вас прогонят со двора,
Есть всегда у братьев Круго
Интересная игра.

Но запомни: интересней
И полезнее играть,
Если взять с собою вместе
Карандашик и тетрадь.
Это очень пригодится,
Чтобы долгие года
Сами книжные страницы
Были чистыми всегда!

Никита Разговоров

ГДЕ ЗАРЫТ КЛАД?

Много лет тому назад
Мы в лесу зарыли клад.
Мы зарыли под сосной,
Но не скажем под какой.
Знает мудрая сова
Наши тайные слова:
«Лупа, утка, крот, лиса,
Рама, море, сноп, роса,
Клад!»

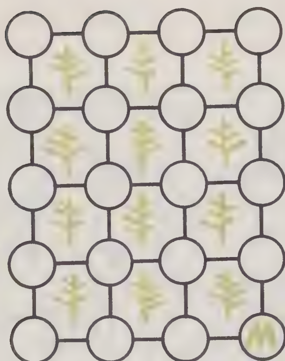

Помнит стрелка часовая,
Как мы пели, зарывая:
«Рама, море, сноп, роса,
Лупа, утка, крот, лиса,
Клад!»
Вот рисунок, вот таблица,
Отыщи, где клад хранится,
И запомни: буква «м»
Путь указывает всем!

СПОР

Спор идёт упорный, жаркий,
Нужен срочно острый взгляд:
Восемь рыб, и все на марке
Непременно жить хотят.

Семь напрасно мутят воду:
То длиной, то шириной
Их размеры не подходят,
Марка впору лишь одной!

Кто найдёт её мгновенно?
Повнимательней смотри,
Не теряй секунд, я время
Засекаю:
Раз, два, три!

КТО Я?

Среди мишек пятерых
Я не выше всех других.
Лапы — также вам скажу —
За спиной я не держу.
И запомните, друзья:
Самый маленький — не я.
И не толст я, и не худ,

Крепышом меня зовут!
Кто же я? И где стою?
В середине? На краю?
В шляпе я? Или без шляпы?
Если в шляпе, то в какой?
Не нашли ещё? Пора бы!..
Все приметы под рукой!

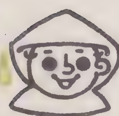
```
  1 4 🐫 🐫
  🐫 6 🐫 1
  🐫 🐫 4 6
  4 8 4 🐫
—————————
1 🐫 2 5 🐫
```

ЧЕМУ РАВНЯЕТСЯ ВЕРБЛЮД?

Последний трюк! Всего два слова,
Простите, очень тороплюсь,
Задачка не совсем готова,
Я не успел поставить плюс.
Надеюсь, все и так найдут,
Чему равняется верблюд!

Никита Разговоров

зим • вес • лет • ос

СЧАСТЛИВАЯ ИВА

Отчего сегодня ива
И шумна,
И говорлива,
Ведь пока ещё она
Без листвы,
Совсем черна?
Оттого, что услыхала
Ива,
Как невдалеке
Треснул лёд,
И сразу стало
Неспокойно на реке.
Значит, скоро,
Очень скоро
Будет тёплая пора,
И зима без разговора
Уберётся со двора.
Будет солнце,
Будут ветры,
Будет неба синева,
И опять украсит ветви
Серебристая листва.
И опять увидит ива,
Как по зеркалу реки
Поплывут неторопливо
Звёзд оживших
Огоньки...

Герман Ходырев

ВЕСНА

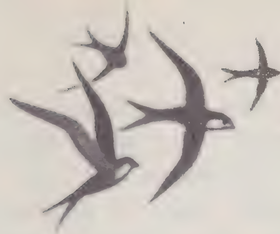
Зима недаром злится,
Прошла её пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора...

Ф. И. Тютчев

* * *

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потоплённые луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея, блещут небеса.
Ещё прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

А. С. Пушкин

СВЕТЛАЯ КАПЕЛЬ

Солнечный луч на железной крыше создаёт нечто вроде горного ледника, из-под которого, как в настоящем леднике, струится вода рекой, и от этого ледник отступает. Всё шире и шире темнеет между ледником и краем крыши полоса нагретого железа. Тоненькая струйка с тёплой крыши попадает на холодную сосульку, висящую в тени на морозе. От этого вода, коснувшись сосульки, замерзает, и так сосулька утром сверху растёт в толщину. Когда солнце, обогнув крышу, заглянуло на сосульку, мороз исчез, и поток из ледника сбежал по сосульке, стал падать золотыми каплями вниз, и это везде на крышах, и до вечера всюду в городе падали вниз золотые интересные капли.

Далеко ещё до вечера стало морозить в тени, и хотя ещё на крыше ледник всё отступал и ручей струился по сосульке, всё-таки некоторые капельки на самом конце её в тени стали примерзать и чем дальше, тем больше. Сосулька к вечеру стала расти в длину. А на другой день опять солнце, и опять ледник отступает, и сосулька растёт утром в толщину, а вечером в длину: каждый день всё толще, всё длиннее.

М. Пришвин

ЛОСЁНОК РОДИЛСЯ

Лосёнок родился за полдень; было пасмурно и свежо — цвела черёмуха. Лосиха-мать лежала на лесной укромной полянке, усталая, отмаявшаяся. Среди молодой зелёной травы она была похожа на огромный серый валун, и только высоко вскинутая голова с ушами, похожими на рабочие рукавицы, поворачивалась влево-вправо, выдавала радость и тревогу. Выпуклый глаз налился густой темнотой, через большие мохнатые чёрные ресницы изливалась теплота и нежность; лосёнок, её первенец, лежал у левой задней ноги, касаясь своим влажным боком её тёплого тела, по которому ещё прокатывалась нервная дрожь.

«Э-э-э-э...» — то ли стонала, то ли звала, то ли обадривала лосиха телёнка, а он отвечал ей слабым поскуливанием: «И-и-и-и. . .», шевелился, пробовал поднять голову и разобраться соловелыми, ещё не обострившимися глазами в том мире, который только что принял его.

Перед малышом был лес — его будущий дом, его страж. Молча стояли сосны с красивыми красными стволами, у елей, стоявших полукругом, смыкались ветви, на берёзе (её выпустили вперёд) слегка шевелились листья чёткого выреза и терпкосмолисто пахнувшие, черёмуха истомно свешивала белые кисти цветов, излучая ласковый свет.

Прилетела сорока, села на берёзовую ветку и онемела от удивления: знакомая лосиха

с красивыми длинными белёсыми ногами и гордой шеей, всегда поражавшая её грациозным бегом (казалось, она как бы плыла по воздуху), теперь смиренно лежала, а подле неё ворочался нескладный коричневый комок. У комка были уши, глаза, горбоносая голова и тонкие, как жёрдочки, ноги. «Как он похож на неё!» — хотелось прострекотать сороке, но тут лосиха повернула к живому комку голову, потянулась и быстро сдержанными толчками стала облизывать своего первенца языком; сорока сочла неуместным вступать сейчас в разговор со знакомой лосихой, прерывать её тайную и удивительную работу, качнулась на ветке и подалась оповещать лес и всех в лесу о том, что она видела своими зорко-строгими сорочиными глазами.

Облизав у новорождённого головку и шею, лосиха-мать толкнула малыша верхней вислой тёплой губой: дескать, вставай, двигайся. Не разлёживайся.

Удивительное дело: лосёнок принял сигнал и приподнял головку, и выпростал передние ножки, и опёрся ими о землю. Ножки разъехались в стороны.

«Э-э-э-э...» — подала голос лосиха.

Малыш успокоился. Снова подтянул свои ножки-жёрдочки и опёрся на них. И — удержался. Но тут, вероятно, он вспомнил, что у него есть ещё и задние ноги, и сразу же вознамерился воспользоваться и ими. Подтянулся весь, встал, но голова качнулась, а ноги, и передние и задние, пошли враскоряку — так и распластался на траве. Затих. Затих только на одно мгновение. И — упорный всё-таки, лосиной породы! — снова заворочался, разобрал, как полагается, свои ноги, подтянул их к себе, ткнулся в бок матери мордой. Вздохнул, пошевелил губами.

Лосиха подышала на него, обласкала взглядом, и лосёнок, откуда и силёнки привалили, снова стал подниматься... На третий или четвёртый раз, после невероятных усилий, встал на землю всеми четырьмя ногами. Покорил. Всё тельце от возбуждения пронизала судорога. Пришлось прилечь и отдохнуть. Шоколадная шёрстка уже обсохла. Но есть лосёнку ещё не хотелось — мало поработал.

Теперь он поднялся увереннней и, раскачиваясь, переступил ногами. Сам, без материнской помощи, постиг удивительное открытие: он может двигаться!

Падал, поднимался, передвигался. Снова падал. Сно-

ва поднимался. Снова передвигал ногами. До чего ж они у него высоки! Сразу отдаляют от земли.

Стал хитрить. Устанут передние ноги, опускается на коленки. Отдыхает. Устанут задние — ложится. Но желание двигаться у него, видимо, было самым сильным сейчас. Может, ему захотелось обойти по кругу мать и разглядеть её? Может, ему было холодно и хотелось согреться?.. Вот он опять на ногах. Тихо поскуливая, пошатываясь, идёт, идёт. Как трудно даётся движение, болят ноги, шея, спина. Хочется лечь и тихо лежать. Он пересиливает это желание, двигает светленькие копытца вперёд. Дошёл. К самой маминой голове. Потёрся о неё, заглянул в глаза. А мать щекочет языком его лёгкое подбрюшье. Подбадривает.

Солнце проломилось сквозь тучи. Замер на месте, ушки закинул назад: это ещё что такое? Чем грозит? А-а, теплее стало, веселее. Ну, свети, свети. И солнце светило лесу, лосихе и — в первый раз — лосёнку, который путешествует уже по-за спиной матери. Сколько ещё шагать! Такая у него огромная мама!

Тельце бьёт дрожь. От возбуждения? От непривычки ходить по земле? От страха — кругом такой загадочный лес? От голода? Так

страшно захотелось есть.

Обходя мать, он, конечно, не раз ложился, отдыхал. Но — умник! — сам поднимался, сам, без материнского понукания или зова. Вот и вернулся на прежнее место. Вернулся, но не лёг, а пал на колени и проворно ткнулся к материнской задней ноге. Шерсть попала в рот. Это его не смутило. Он искал то, чего хотелось, — вымя, ведь где-то тут завораживающе пахнет молочком. И нашёл, и поймал горячими губами сосок, и потянул в себя сладкое, тёплое, успокаивающее материнское молоко...

Можно жить дальше. Ещё из одного соска жадно попил. А до двух других не успел дотронуться. Почему? Очень просто: мать неожиданно поднялась. Поднялась, развернулась, обнюхала малыша, подышала теплом, лизнула в губы и пошагала в лес. Он понял её — заковылял следом.

Вся первоначальная школа была пройдена за полчаса.

Шевельнулись еловые ветки, пропустили лосиху и лосёнка и сомкнулись. Укрыли надёжно. И — надолго...

В Ковальцовском лесу на лося стало больше.

Василий Бочарников

КОСУЛЯ

У косули маленькие рожки
И большие грустные глаза.
Верба
клонит
к ней свои серёжки,
Серебрит копытца ей роса.
У косули маленькие рожки,
А во взгляде столько доброты!..
Посмотри, как рады ей дорожки,
Мостики,
лужайки и цветы!

Т. Белозёров

ГЛАВНОЕ СЛОВО

Какое самое первое слово?
Какое самое светлое слово?
Какое самое главное слово?
Его никогда не напишут
с ошибкой.
На первой странице
оно в букваре,
Его произносят повсюду
с улыбкой,
И каждый малыш
говорит во дворе...

Какое самое первое слово?
Какое самое светлое слово?
Какое самое главное слово?
Шепни его тихо, скажи
его звонко.
Главное слово
любого ребёнка —
ма-ма.

Наталия Бромлей

МОЛОТОК

Это было давно, когда я был маленький.

Однажды, возвращаясь с улицы, я поднимался по лестнице и вдруг на подоконнике увидел молоток. Хороший! Как раз то, что мне было нужно.

Я оглянулся по сторонам. Схватил молоток — и скорее побежал домой.

Вечером мама увидела его у меня в руках и спросила:

— Откуда это у тебя?

— Нашёл, — буркнул я.

— Где нашёл?

— На лестнице.

И тут мама сказала очень серьёзно:

— Я прошу тебя, сейчас же напиши записку и повесь на том месте, где лежал этот молоток. Что надо написать, я думаю, ты догадываешься.

Я сразу понял, что спорить бесполезно, и написал такую записку: «Я нашёл молоток, и он мне пригодился. Мы с мамой живём в кв. 20».

Этот листок я приклеил на лестнице около окна.

Через несколько дней к нам зашёл электромонтёр нашего дома дядя Миша. А я как раз чинил скамейку. Дядя Миша посмотрел на мою работу и сказал:

— Оно, конечно, лучше на клей посадить. Но и так неплохо. Вижу, молоток не валяется.

Я сел на скамейку и подпрыгнул — скамейке хоть бы что.

— Вот ваш молоток, — сказал я.

А мама сказала:

— Вы уж нас извините.

Но дядя Миша сказал:

— Пусть стучит на здоровье.

Так и остался молоток у меня.

Этот молоток до сих пор у меня живёт. Я очень его полюбил.

ПРО УМНУЮ СОБАКУ

Когда я был маленьким, у нас жила собака. Она была очень умная и любила маму. Собака всегда поджидала, когда мама придёт с работы. Она узнавала по шагам, хорошее у мамы настроение или плохое. Если хорошее, собака повизгивала и бежала навстречу. А если плохое, то уходила на своё место, за шкаф, и там тихо сидела.

Однажды мама пришла очень усталая, сняла туфли и прилегла на диван.

— Поставь чайник, — попросила мама.

Я сказал:

— Сейчас, — а сам стал приклеивать трубу к пароходу.

А собака взяла в зубы одну тапочку и принесла маме.

Мама сказала:

— Спасибо.

Потом собака принесла вторую тапочку.

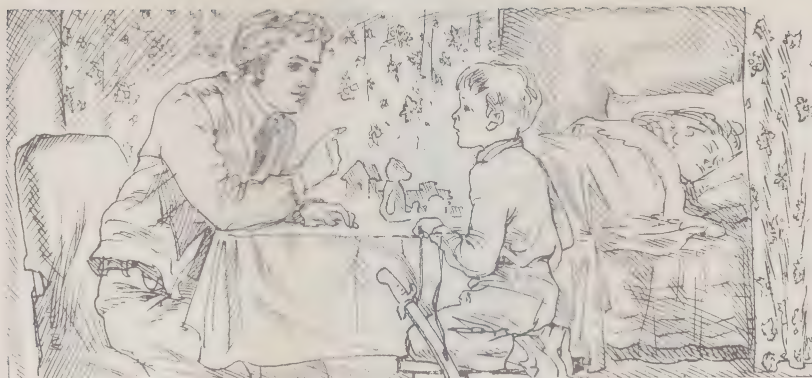
Мама сказала:

— Умница, — и погладила собаку.

А мне она ничего не сказала. Только посмотрела на меня и вздохнула.

Сейчас-то я понимаю, что когда человек устал, нужно ему помочь.

А тогда не понимал. А жалко. Может быть, сейчас моя мама не была бы такой старенькой.

ТИХО-ТИХО

Мальчик и отец не заметили, как мама уснула.

— Смотри, папа, — сказал мальчик чуть слышно, — у мамы около брови морщинка. Откуда она взялась?

— А помнишь, как ты поколотил маленькую девочку? — спросил папа.

— Помню.

— Так вот, на другой день у мамы появилась морщинка.

— А около губ морщинка тоже моя?

— Наверное, твоя.

Папа задумался. А потом посмотрел на маму и сказал:

— Вот и на лбу морщинка появилась.

Мальчику стало грустно.

Папа сказал:

— Мы с тобой оба виноваты. Давай не огорчать маму.

— И морщинок совсем не будет? — спросил мальчик.

— Совсем, — сказал папа.

Мама спала, а отец с сыном сидели тихо-тихо.

Пролетел сердитый шмель, и мама проснулась.

— Что вы на меня так смотрите?

— Мы ничего, — сказал папа.

— Мы просто так, — сказал мальчик.

Арсений Седугин

ВЕСЕЛОЕ СДЕЛАЛОСЬ ГРУСТНЫМ

Яблоко
Стало невкусным.
Весёлое
Сделалось грустным.
Сахар —
Несладкий.
Соль —
Не солёная.
Дождик —
Не мокрый.
Трава —
Не зелёная.
Гром
На кого-то
С неба
Ворчит.
Мама не хочет
Со мной разговаривать.
Мама молчит.

Л. Николаенко

ТРУД НЕ В ТЯГОСТЬ, А В РАДОСТЬ

Скворцы прилетали и улетали, прилетали и улетали. И каждый раз приносили птенцам то улитку, то гусеницу, то слизняка...

— В это время с утренней зари до полудня они каждые три минуты прилетают, — сказал Тополь, — каждые три минуты!

— А что, у тебя часы есть? — спросила Аринка.

— А Солнышко разве не часы? Я уже привыкло... то есть привык. И все мои ветки привыкли следить за временем по Солнышку.

— Значит, как три минуты — так улитка, ещё три минуты — гусеница, — сказал Лёня. — Сколько же они за день перетаскают?

— Вот и сосчитай.

Лёня взял палочку, стал чертить на земле, хотел сосчитать, но не сумел.

— Я бы сосчитало... я бы сосчитал, — прошелестел Тополь, — но ведь я не учился. После полудня они тоже всё время таскают. Только поменьше, через каждые пять минут.

— Ой-ёй-ёй! — Аринка всплеснула руками. — А если бы не скворцы, так все бы эти улитки и гусеницы живы остались! Они бы по всей земле расползлись!

— И всё бы кругом пожрали, — сказал Лёня. — Интересно, а почему же мы этим птицам «спасибо» не говорим?

— А человек редко кому говорит «спасибо». — Тополь чуть-чуть загрустил. — Разве говорит он «спасибо» дереву, например, или траве за то, что мы очищаем воздух? Без нас ведь и дышать нечем было бы! За то, что мы кормим животных? За то, что мы и человека тоже кормим?

В это время прилетел Скворец, отдал птенцу до-

бычу и сел на ветку отдохнуть.

— Беда! — сказал он весело. — Богатырский аппетит у наших детей! Спел бы песенку, да не успеваю...

— Да ведь ты же устал, какие тебе песенки? — крикнул Лёня.

Скворец посмотрел вниз.

— Устал? Пустяки. Как пропоёшь что-нибудь, так и усталость пропадает. Да вот некогда, некогда, некогда. Шесть ртов открыто!

Скворец сорвался с ветки и скрылся в кустах. Но тут же прилетела Скворчиха с гусеницей в клюве.

— А вот и мама! — прошелестел Тополь. — Мама Скворчиха...

— Отдохни немножко, мама Скворчиха! — крикнула Аринка.

— Я не могу отдыхать, детки хотят есть! — ответила Скворчиха.

И снова улетела.

Лёня задумался и молчал.

— Тополь, как ты думаешь, как это они могут? — не унималась Аринка.

— Я думаю, это потому, что у них очень хороший характер, — ответил Тополь. — Им легче трудиться, потому что они трудятся весело. И потому, что они очень любят друг друга. И потому, что они очень любят своих деток. И ещё — они очень любят свою родину и так радуются, что они снова здесь, дома. Ведь им приходится так далеко улетать на зиму. В какую-то Африку улетают.

— Это за морем, — сказал Лёня.

— Вот и через море они летят, — продолжал Тополь. — Они мне рассказывали. Очень тяжело лететь через море — ведь не сядешь на воду, не отдохнёшь! Они ведь не чайки. И не утки.

— Ой, бедные! — вздохнула Аринка.

— А всё-таки летят домой. Но могли бы и не прилетать. Там ведь, в этой Африке, снегу не бывает. Но вот — летят. Домой летят, на родину. А как прилетят, то и поют, и радуются, что вот они дома! — И Тополь прошелестел тревожным шелестом: — Я очень люблю своих скворцов. И всё боюсь, не обидел бы их кто. Тут и куница, и ястреб... Да и человек. Ведь сами знаете — не всякий человек бывает Человеком.

— Наш Лёня теперь будет слабых защищать! — сказала Аринка. — Только он сам не очень сильный. Корней сильнее.

— Ничего, ещё и твоему Корнею достанется, — сурово сказал Лёня. — Я тоже буду сильный.

— Да, Лёня, да, Лёня, — зашумел Тополь, — доброму

нужно быть сильным. Потому что добрый своей силой зла не наделает да и от злого защитит. Пожалуйста, будь сильным, будь сильным!

— Буду, — твёрдо ответил Лёня.

В это время в бессчётный раз прилетел Скворец. Он отдал детям слизняка и сел на ветку отдохнуть:

— Полдень. Передышка. Можно и песенку спеть.

И он тут же запел, зачирикал воробьём, зазвенел жаворонком, закудахтал курицей, заскрипел калиткой, залился соловьём... Ведь известно, что скворцы умеют всех передразнивать и все звуки, которые слышат, умеют повторять в своей песенке.

Скворец пустил соловьиную трель и поглядел вниз.

— Ну как, повеселил я вас?

— Повеселил, спасибо! — сказал Лёня.

— Спасибо! — повторила и Аринка.

— А теперь за работу! — крикнул Скворец. И улетел.

— Вот милый какой! — сказала Аринка. — Сколько трудится, а всё весёлый!

— Да ведь только лодырям работа всегда в тягость, — прошелестел Тополь, — а настоящим людям труд не в тягость, а в радость.

Л. Воронкова

ПЕРВАЯ ТРАВКА

Проклюнулся листочек
И тихо прошептал:
«Играет с ветром травка,
Я слишком долго спал».

ОКУНЬКИ

Шуршат весною льдинки,
Светятся деньки,
Небо ярко-синее,
Играют окуньки.

Арсений Седугин

СБЕЖАЛИ БОЙКИЕ РУЧЬИ

Сбежали бойкие ручьи,
И снег везде растаял.
В полях, над пашнями, грачи
Летают низко, стаями.
Гудят под солнцем трактора,
Свивают гнёзда птицы.
Пришла горячая пора:
Начался сев пшеницы.

Василий Алфёров

УПРЯМЫЕ СОСУЛЬКИ

Срезает солнышко сосульки
Огнём игольчатых лучей.
Их целый день в волнистой люльке
Несёт разбуженный ручей.

Сосульки ночью вновь родятся.
Свисают, словно бахрома.
О, как же хочет удержаться
За крыши пальцами зима!

Г. Люшнин

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ (1776) В МОСКВЕ БОЛЬШОГО ТЕАТРА СССР

цене, тонко и взволнованно ередавая в танце характер воей любимой героини. И вся узыка сказки, перенесённой а сцену, представляла собой узыкально-фантастический и оучительный рассказ в живых образах об искренности, оброте и скромности.

И что бы вы, мои друзья, и смотрели и ни слушали Большом театре: балет ли . И. Хачатуряна «Спартак», рогательную оперу-сказку І. А. Римского-Корсакова Снегурочка» или оперу гениального русского композитора І. И. Глинки «Руслан и Люд-

...театр далеко не молод: в 1976 году ему исполнилось 200 лет!

...Очень давно, в 1775 году, московский прокурор, любитель искусства князь Урусов, в прошении к царице Екатерине II писал о своём намерении создать в Москве постоянный музыкальный театр, в котором собирался «завести хороших русских артистов».

28 марта 1776 года Урусов получил разрешение «быть содержателем всех театральных в Москве представлений». Этот день и стал днём рождения Большого театра. Правда

ЮБИЛЕЙ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Большой театр Союза ССР! Вряд ли найдётся человек, который бы не знал, не видел или не читал о Большом, главном театре нашей страны!

Многочисленные иностранные гости столицы, люди, приезжающие в Москву из разных концов нашей огромной Родины, стремятся непременно побывать у Большого театра, полюбоваться монументальным зданием с восьмью беломраморными колоннами по фасаду, посмотреть на четвёрку бронзовых коней на его фронтоне, запряжённых в колесницу, которой правит бог Аполлон — по преданиям Древней Греции, покровитель искусств: поэзии, пения, музыки.

Театр красив и величествен не только снаружи, прекрасен он и внутри. Если вы окажетесь в его пятиярусном зрительном зале, то обязательно обратите внимание на красоту его куполообразного потолка, расписанного великими художниками прошлого, на огромную, как сверкающий цве-

коллектив артистов. Сейчас в труппе Большого театра более полутора тысяч человек. И спектакли, балетные и опер-

СБЕЖАЛИ БОЙКИЕ РУЧЬИ

Сбежали бойкие ручьи,
И снег везде растаял.
В полях, над пашнями, грачи
Летают низко, стаями.
Гудят под солнцем трактора,
Свивают гнёзда птицы.
Пришла горячая пора:
Начался сев пшеницы.

Василий Алфёров

здание и его красота. Театр— это прежде всего слаженный

Народная артистка СССР Ирина Архипова в роли Кармен из оперы Жоржа Бизе «Кармен».

В тот вечер в Большом театре шла первая послевоенная и потому особо радостная премьера балета С. С. Прокофьева «Золушка» (по сказке Шарля Перро).

...Отзвучало нежное, задумчивое оркестровое вступление, и поднялся тяжёлый шёлковый занавес. На сцене Золушка. После отъезда мачехи и сестёр на бал она осталась одна. Представив себе сверкающий огнями дворец принца, Золушка в мыслях видит себя на балу весёлой, нарядной, счастливой. Поддавшись настроению, она сначала нерешительно и робко, потом всё увлекаясь, начинает танцевать. В тот ноябрьский вечер Зо-

Золушку исполняла наша прекрасная балерина Галина Уланова. Легко, грациозно, словно на крыльях, порхала она по сцене, тонко и взволнованно передавая в танце характер своей любимой героини. И вся музыка сказки, перенесённой на сцену, представляла собой музыкально-фантастический и поучительный рассказ в живых образах об искренности, доброте и скромности.

И что бы вы, мои друзья, ни смотрели и ни слушали в Большом театре: балет ли А. И. Хачатуряна «Спартак», трогательную оперу-сказку Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка» или оперу гениального русского композитора М. И. Глинки «Руслан и Людмила», — вы не только будете восхищаться музыкой и декорациями спектакля, но вас покорит великая жизненная сила, торжествующая молодость труппы театра. Вы никогда не почувствуете возраста Большого, а ведь театр далеко не молод: в 1976 году ему исполнилось 200 лет!

...Очень давно, в 1775 году, московский прокурор, любитель искусства князь Урусов, в прошении к царице Екатерине II писал о своём намерении создать в Москве постоянный музыкальный театр, в котором собирался «завести хороших русских артистов».

28 марта 1776 года Урусов получил разрешение «быть содержателем всех театральных в Москве представлений». Этот день и стал днём рождения Большого театра. Правда, именовался театр тогда Знаменским (от названия улицы Знаменки). Здесь в доме покровителя и любителя ис-

Балет П. И. Чайковского «Лебединое озеро». В роли Одетты Т. Голикова.

Балет П. И. Чайковского «Щелкунчик». В роли Маши народная артистка СССР Н. Бессмертнова.

Народная артистка СССР Галина Уланова. Балет «Шопениана», музыка Фредерика Шопена.

кусств графа Воронцова ставились первые спектакли нового театра.

Девять актрис и тринадцать актёров, составившие первую труппу Большого, были крепостными. В те давние времена почти каждый помещик или дворянин имел в своём поместье хор или оркестр, а иногда и целый театр из крепостных артистов. Наиболее талантливые из них покупались на государственную сцену, оставаясь крепостными! Только с 1825 года покупка крепостных в государственные театры прекратилась, и артисты Знаменского театра «были обращены в свободное состояние», как писалось в Указе того времени.

В 1780 году театр был переведён в здание по улице Петровке и стал называться Петровским театром. Был он деревянным, освещался свечами и совсем не походил на сегодняшний Большой театр.

С первых шагов своей жизни театр стремился ставить

Сцена из оперы Сергея Прокофьева «Война и мир». В роли фельдмаршала М. И. Кутузова народный артист СССР А. Ведерников.

Опера М. П. Мусоргского «Борис Годунов».
В роли царя Бориса народный артист СССР Иван Петров.

спектакли на русские темы. Так, в музыке самой ранней, дошедшей до нас оперы «Перерождение» звучали семь русских народных песен. Опера музыканта М. М. Соколовского «Мельник, колдун, обманщик и сват» рассказывала о жизни русского народа. Однако создатель настоящей русской оперы, Михаил Иванович Глинка, тогда ещё не родился.

В 1805 году, из-за небрежности работника театрального гардероба, театр сгорел дотла, и несколько лет спектакли его шли в домах московских любителей искусства.

На месте сгоревшего здания известный русский архитектор Осип Иванович Бове по проекту архитектора А. А. Михайлова начал строить новое театральное здание. 18 января 1825 года театр вновь открыл свои двери для зрителей. Теперь он стал значительно больше и красивее своего предшественника. По величине его даже считали вторым после Миланского оперного театра — «Ла Скала» (Италия) и потому стали называть Большим Петровским театром. С годами слово «Петровский» исчезло, и театр стал называться просто Большим.

За свою долгую жизнь деревянное здание театра не один раз подвергалось разрушительной силе пожаров, но отстраивалось вновь, продолжая оставаться любимым театром русской публики.

Народные артисты СССР Е. Максимова и В. Васильев. Сцена из балета П. И. Чайковского «Щелкунчик».

Во второй половине XIX века было решено подвести под здание каменный фундамент и все деревянные своды — во избежание пожаров — заменить каменными. В 1856 году гипсовые кони на крыше здания сменились бронзовыми, а зрительный зал уже мог вместить более полутора тысяч зрителей. В таком примерно виде театр дожил до наших дней. И сейчас это ценнейшее здание находится под постоянным наблюдением архитекторов.

В XIX столетии часть русского общества была увлечена итальянскими певцами, часто приезжавшими в Россию. Дирекция российских театров отдавала сцены Большого в Москве и Мариинского — в Петербурге в аренду итальянским оперным артистам. Но русские музыканты-патриоты во главе с П. И. Чайковским повели решительную борьбу с этим чрезмерным увлечением столичной публики. Борьба за русскую музыку, начатая ещё М. И. Глинкой с создания им двух истинно русских опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила», окончилась победой отечественной музыки и постановкой на сцене Большого театра балетов П. И. Чайковского: в 1877 году — «Лебединого озера», оперы «Евгений Онегин» в 1891 году и в 1899 — «Спящей красавицы», лучшего, красивейшего балета композитора.

С этого времени на сцене Большого театра идут с постоянным успехом оперы и балеты русских композиторов: А. П. Бородина, Н. А. Римского-Корсакова, М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского, А. С. Даргомыжского, А. Н. Серова.

После Великой Октябрьской революции, несмотря на трудности гражданской войны, коллектив артистов театра работал с обычным для труппы вдохновением. Ставились новые спектакли; только теперь в зрительном зале сидели солдаты, командиры Красной Армии, рабочие, революционная молодёжь.

В 1919 году на сцене театра был поставлен чудесный, пол-

ный сказочных превращений балет П. И. Чайковского «Щелкунчик», любимый балет детей и взрослых.

В Большом театре пели прославленные русские певцы Ф. И. Шаляпин, А. В. Нежданова, Л. В. Собинов, танцевали звёзды русского балета Е. В. Гельцер, В. Д. Тихомиров.

В здании театра происходили многие партийные и советские съезды.

С 1918 по 1922 год со сцены Большого театра 36 раз выступил перед гражданами Республики Советов великий вождь трудящихся В. И. Ленин. Последнее выступление Ильича на пленуме Моссовета состоялось 20 ноября 1922 года.

И сейчас в дни больших и знаменательных праздников, важных событий нашего государства в Большом театре проводятся торжественные заседания, выступают выдающиеся деятели Коммунистической партии, правительства, герои труда, лучшие люди страны.

За годы Советской власти в театре выросло не одно поколение талантливых артистов, их имена известны во всём мире. Это певцы Н. А. Обухова, И. С. Козловский, С. Я. Лемешев, балерины Г. С. Уланова, О. В. Лепешинская. Марина Семёнова, Софья Головкина, Майя Плисецкая. В расцвете творческих сил находятся и более молодые артисты Большого театра: Ирина Архипова, Елена Образцова, Александр Огнивцев, Марис Лиепа, Михаил Лавровский.

В суровые годы Великой Отечественной войны концерты с участием лучших артистов Большого театра на заводах Урала, в затемнённой Москве, среди развалин Сталинграда и во фронтовых землянках рождали в сердцах воинов великую любовь к своей прекрасной Родине и неистребимую ненависть к зарвавшемуся врагу. И не удивительно, что многие артисты Большого театра заслуженно носят боевые награды.

Многие годы на сцене театра с большим успехом идут музыкальные спектакли, написанные советскими композиторами: опера И. Дзержинского «Тихий Дон», балет Р. Глиэра «Медный всадник», опера В. Мурадели «Октябрь». К 30-летию Великой Победы над фашизмом Большой театр поставил оперу К. Молчанова «А зори здесь тихие...» по повести того же названия писателя Б. Васильева.

На сцене театра можно увидеть и услышать лучшие оперы и балеты зарубежных композиторов: В. Моцарта, Дж. Верди, Л. Делиба, А. Адана, Ж. Бизе, Ш. Гуно.

Много раз Большой театр выезжал в зарубежные страны со спектаклями и концертами. Театр побывал в ГДР и ФРГ,

в Австралии и Франции, в Японии и Соединённых Штатах Америки. И повсюду советских артистов горячо и благодарно принимали любители и знатоки великого искусства оперной сцены. Всемирное признание завоевал и балет Большого театра, который зарубежная публика любовно и просто зовёт Большим балетом.

Одной из давних и благородных традиций Большого является передача опытными артистами своего мастерства молодым актёрам. Так, народные артисты Советского Союза Н. Д. Шпиллер, Е. Д. Кругликова, П. С. Лисициан и другие обучают молодых певцов, растят себе достойную смену.

Есть у Большого театра младший брат — Московское ордена Трудового Красного Знамени хореографическое училище.

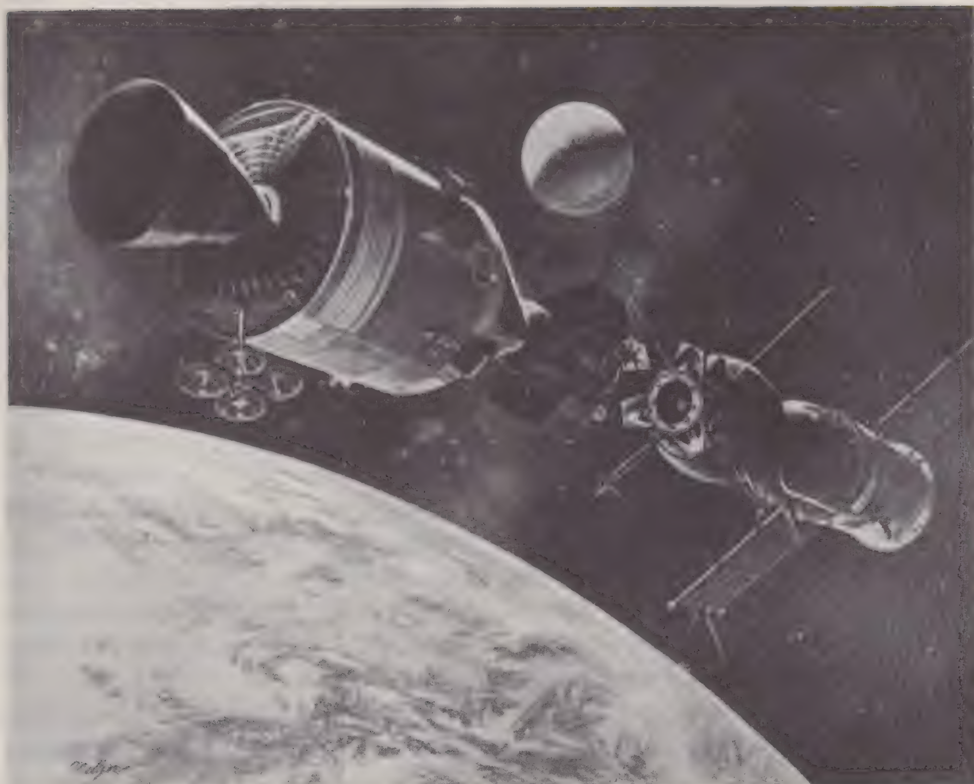
В классах прославленного училища мальчики и девочки с девяти лет учатся быть артистами балета и в первую очередь — балета Большого театра. Из училища пришли на сцену прославленного театра замечательные мастера советского балета, народные артисты СССР Майя Плисецкая, Владимир Васильев, Екатерина Максимова...

Юные танцоры и певцы, подрастая в стенах училища и театра, словно молодые побеги в старом лесу, делают Большой театр вечно молодым, прекрасным, устремлённым в будущее.

Татьяна Доступова

Сцена из балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

ВСТРЕЧА НАД ПЛАНЕТОЙ

Предположим, каждому из нас сегодня не десять, а шестьдесят лет. Вечером, придя с работы, включаем телевизор, и на экране появляются тревожные слова: «Передаём экстренное сообщение! Слушайте все!» На экране появляется космический корабль. Он возвращается с Марса, на борту 100 пассажиров — учёные, путешественники и весь седьмой «А» класс одной из московских школ, который отправился на экскурсию к Марсу во время летних каникул.

Вблизи Луны корабль оказался вплотную с крупным метеоритом, возможно, нарушена обшивка, есть опасность утечки воздуха.

Сигнал тревоги приняли космические корабли многих стран. И некоторые из них, те, что находились ближе, изменили курс и бросились на выручку терпящим бедствие.

И вот на экранах телевизоров мы видим, как один ко-

рабль причаливает к другому.

— Какое счастье, — говорит диктор, — что пятьдесят лет назад, в июле 1975 года, советские и американские специалисты разработали единый стыковочный узел. Если бы его не было, то корабли не смогли бы соединиться в космосе.

Фантастика?

Отчасти, конечно, да. Но, во-первых, она не столь уж нереальна. В недалёком будущем люди будут путешествовать на Луну, Марс, в космическом пространстве точно так же, как сегодня они ездят в туристические поездки на все материки Земли. Разве фантастично звучит, например, что, вылетев на самолёте «Ил-62», всего через несколько часов ты можешь оказаться в Индии, Африке или Америке? А для ребят, которые жили всего 50 лет назад, это казалось неосуществимым — ведь чтобы добраться тогда до Индии, требовалось много месяцев.

И, во-вторых, если уж кораблей будет много, значит, они должны приходить на помощь друг другу. Как сейчас в океане моряки, услышав SOS, сразу же торопятся на выручку.

Почти 15 лет летали в космос советские и американские космонавты. Но если бы что-либо произошло с «Союзом» или «Аполлоном», то космонавты одного корабля ничем не могли бы помочь своим коллегам. Даже если бы, к примеру, «Союз» нашёл в безбрежном космическом океане терпящий бедствие «Аполлон», оба корабля не соединились бы — у каждого из них был собственный стыковочный узел. У американского — американский, у советского — советский.

В 1972 году между Правительствами СССР и США было подписано Соглашение о совместном советско-американском эксперименте «Союз — Аполлон». Учёные, инженеры и космонавты начали подготовку к интереснейшему эксперименту в космосе.

Сначала с космодрома Байконур стартовал «Союз». Он вышел на заранее рассчитанную орбиту (она называется монтажной), и два советских космонавта — Алексей Леонов и Валерий Кубасов — начали поджидать своих американских коллег.

С космодрома во Флориде вскоре поднялся в небо «Аполлон». Его пилотировали три астронавта: Т. Стаффорд, Д. Слейтон и В. Бранд.

Между кораблями была сразу же установлена радиосвязь, и они начали постепенно сближаться. Вспыхнули специальные световые маяки.

Земля тщательно контролировала работу экипажей.

Американские и советские наземные станции слежения работали по единой программе. Они помогали «Союзу» и «Аполлону» найти друг друга в космосе. Сначала автоматические устройства включали двигатели, и «Аполлон» «перепрыгивал» с одной орбиты на другую. А затем, когда корабли сблизились на несколько сот метров, командир «Аполлона» Томас Стаффорд взял управление на себя. Экипажи контролировали весь процесс стыковки на экранах телевизоров.

Наконец корабли соединились. Между ними своеобразный «коридор». Прежде чем войти в него, надо убедиться, нет ли утечки в космос воздуха. Оба экипажа тщательно следили за показаниями приборов. Всё в порядке. Теперь, как хорошие соседи, космонавты начали ходить друг к другу в гости. Правда, это сделать было не так уж просто: ведь в «Союзе» и «Аполлоне» различные «атмосферы». Сначала американские астронавты перебрались в «коридор», закрыли люк в свой корабль и ждали, пока воздух и давление не стали такими же, как в «Союзе». Только после этого астронавты открыли люк. Алексей Леонов и Томас Стаффорд протянули друг другу руки. Космическое рукопожатие! А затем Леонов пригласил астронавтов в «Союз». Несколько часов спустя советские космонавты перешли в американский корабль. Эти взаимные визиты — не только дань вежливости. В совместном полёте космонавты провели множество экспериментов. Вот один из них. Со стороны он покажется очень странным. Космонавты приходили в гости и начинали... скрести кожу у хозяев с помощью специальных скребков. Каждую пробу аккуратно укладывали в ампулу. После возвращения на Землю космонавты передали эти ампулы биологам, и учёные внимательно исследовали их: какие именно микроорганизмы «наскребли» космонавты во время полёта?

Это очень важный эксперимент. Каждый человек живёт в окружении своих собст-

венных микроорганизмов. В космосе они под действием невесомости, в частности, могут изменяться. Причём микробы, к которым «привык» экипаж одного корабля, вдруг становятся опасными для другого. Правда, при коротких полётах эти изменения незначительны — их можно обнаружить лишь с помощью сложных приборов. Но если корабли будут находиться в космосе многие месяцы, то микрофлора может измениться так сильно, что им нельзя соединиться. Учёные уже сегодня заботятся о будущих полётах, и поэтому на «Союзе» и «Аполлоне» и был запланирован «микробный эксперимент».

Много различных исследований провели космонавты во время совместного полёта. Они организовали даже «солнечное затмение».

Когда Луна перекрывает Солнце и по Земле бежит её тень, астрономы внимательно изучают корону Солнца. С помощью своих телескопов они разглядывают гигантские взрывы на Солнце, фотографируют их, исследуют поверхность нашего дневного светила. Астрономы говорят, что о Солнце они узнают что-либо достоверное только во время затмений. И поэтому в те районы Земли, где ожидается полное затмение, снаряжаются экспедиции. Правда, им не всегда удаётся наблюдать Солнце — то тучи затянут небо, то снег или дождь неожиданно пойдёт. И хотя они много лет готовятся к такой экспедиции, приходится возвращаться ни с чем...

Когда в космосе два корабля, «солнечное затмение» можно организовать в любое время.

«Аполлон» и «Союз» расстыковались и полетели рядом. Затем «Аполлон» начал выполнять роль Луны. Он летел между «Союзом» и Солнцем. «Аполлон» закрыл солнечный диск, а экипаж «Союза» сфотографировал корону...

Почти неделю советский и американский корабли работали в космосе. Кроме совместных опытов, каждый экипаж выполнил и самостоятельные исследования. Советские космонавты провели метеорологические, биологические и технические эксперименты.

Сегодня исследования за пределами Земли стали общими не только для учёных различных специальностей, но и многих стран мира. Полёт советского «Союза» и американского «Аполлона» — это лишь первый шаг в объединении усилий двух народов в освоении космоса.

Владимир Губарев

Памятная медаль, «собранная» космонавтами и астронавтами во время полёта.

Корабли начинают стыковку.

Дональд Слейтон, Томас Стаффорд, Венс Бранд, Алексей Леонов, Валерий Кубасов.

Первая международная орбитальная станция «Союз — Аполлон».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЛЕНИНА

Над крутизною жёлтых косогоров
тот день овеян половодьем был.
Водою окружённый, волжский город,
сверкая на горе, казалось, плыл.

Над яблонями, над домами ветер
дул от реки, где шёл белёсый лёд.
С симбирских круч широк пространств разлёт.
Был горизонт с водою слит и светел.

Весна брала свои права и власть.
Всё затопила водная стихия:
как будто, лёд ломая, поднялась
не Волга вешняя, а вся Россия.

Вдали чернели избы деревень,
разбросанных затопленных селений.
Леса синели. В тот весенний день
в приволжском городе родился Ленин.

Степан Щипачёв

ЖЁЛТЫЙ ЧЕМОДАН

— Что-то давно от Володи нет писем. Последнее было от пятого декабря, а сегодня уже двадцать третье. Завтра сочельник, через неделю наступит тысяча восемьсот девяносто шестой год. — Мария Александровна сняла очки, отложила книгу и вопросительно посмотрела на дочь.

Анна Ильинична давно уже заметила, что мать держит раскрытую книгу перед глазами, но не читает, не переворачивает страницы, о чём-то думает.

— Напрасно ты, мамочка, беспокоишься. Мы сами спутали ему все карты, написали, что ты собираешься к тёте Ане, а ты ехать раздумала. Уверена, что в Казани тебя ждёт письмо.

Неуютно было на сердце матери последние дни. И к сестре в Казань отказалась ехать из-за какого-то чувства беспокойства, и здесь, в Москве, себе места не находила. Такое состояние у неё было весной, когда Володя заболел воспалением лёгких. Беда никогда не застигала мать врасплох, приближение её она чувствовала издали. Однажды только обманулась. Саша в Петербурге заболел тифом, а сердце ей ничего не подсказало. Может быть, потому, что болезнь он перенёс легко и заминки в письмах не было. Увидев, что Аня побледнела, подосадовала на себя — нельзя было выказывать своей тревоги. Теперь Аня будет переживать вдвойне: и за Володю и за неё, мать. В шестьдесят лет матери надо уметь уединяться и со своим горем и недугами и прикрыть панцирем сердечные раны. Иначе жизнь молодых станет невыносимой. А у них всё впереди — и радости и кручины.

— Да, Анечка, ты права. Конечно, Володя послал мне письмо в Казань, а за это время переменил квартиру и последнего моего письма не получил. Как это я раньше не додумалась. Иди-ка поставь самовар, а я почитаю, уж больно книжка интересная попалась. — Мария Александровна протёрла очки, раскрыла книжку.

Аня пошла хлопотать по хозяйству. Сама она волновалась за судьбу брата не меньше матери. Владимир Ильич в последнем письме к матери писал, что «...комнатой не очень доволен — во-первых, из-за придирчивости хозяйки; во-вторых, оказалось, что соседняя комната отделяется тоненькой перегородкой, так что всё слышно и приходится иногда убегать от балалайки, которой над ухом забавляется сосед... Останусь ли я тут ещё на месяц или нет, — пока не знаю...».

Мария Александровна всё поняла буквально. Сетовала на Володину хозяйку — чем может досаждать ей такой деликатный, во всём аккуратный и скромный квартирант, негодовала на соседа-балалаечника.

Для Ани же это было условное сообщение. И «придирчивая хозяйка» и «сосед-балалаечник» означали, что полицейская слежка за Владимиром идёт отчаянная и долго ли он продержится на свободе — неизвестно. И вот после этого письма уже больше двух недель никаких известий.

Третий год живёт Владимир Ильич в Петербурге. О том, какую огромную работу он ведёт там по собиранию, просвещению и организации революционных сил, знает только сестра Аня. Мария Александровна догадывается. Не зовёт же он мать к себе в гости. Иногда сам появляется в Москве на короткое время и здесь постоянно чем-то занят. Летом пять месяцев был за границей. Приехал оттуда полный впечатлений, деятельный и чем-то озабоченный. Славно они провели тогда несколько вечеров на даче под Москвой. Всем Володя привёз подарки: Мите — астрономический атлас, Маняше — французские книги, а ей, матери, — кружевную наколку на волосы.

Чего она, право, нагоняет на себя страх? Надо пойти выпить ландышевых капель.

Звонок в дверь.

Кто это мог быть? Митя — в университете, Маняша — в гимназии, Марк Тимофеевич — на работе. Рано им ещё. Наверное, почтальон.

— Аня, Анечка, скорей открой дверь!

Анна Ильинична побежала вниз по лестнице. Отодвинула задвижку, распахнула дверь и радостно ахнула:

— Надежда Константиновна! Какими судьбами? Почему не предупредили — мы бы вас встретили.

Надя приложила палец к губам.

— Владимир Ильич арестован, — только и успела шепнуть она.

Мария Александровна стоит на площадке лестницы, смотрит вниз.

— Кто это там, Аня?

— Надежда Константиновна к нам в гости пожаловала, — и, целуя Надю в щёку, шепчет: — Не говорите маме.

— Какая неожиданная радость, — откликается Мария Александровна. — Добро пожаловать! — И, видя, что в руках Нади только ридикюль, спрашивает: — Что это вы так налегке, где же ваш чемодан?

— Приехала на один день. Сегодня же вечером обратно, в Петербург. И, кстати, куплю здесь чемодан, жёлтый, с красивыми застёжками, — это она говорит уже для Ани.

— Неужто в Петербурге чемоданов нет? — недоверчиво смотрит на Надю Мария Александровна. — Раздевайтесь. Рассказывайте. Как здоровье вашей матушки? Как там Володя? Давно ли его видели?

— Последний раз видели восьмого декабря, — отвечает Надя.

И это правда. Руководители петербургских социал-демократов собрались вечером восьмого декабря, чтобы смонтировать и окончательно отредактировать первый номер первой рабочей газеты в России. В ту же ночь Владимир Ильич и многие товарищи из руководства социал-демократической организации Петербурга были арестованы.

— Как Володя выглядит? Он не болен? — допытывалась мать.

— Нет, нет. Выглядел отлично и совершенно здоров. — Наде трудно было под пытливым взглядом Марии Александровны. — Где у вас можно помыть руки? Проводите меня, пожалуйста, — попросила она Анну Ильиничну.

На кухне Надя моет руки и шепчет Ане, стоящей рядом с полотенцем в руках:

— Владимир Ильич сидит в «предварилке» на Шпалерной... Получила от него шифрованное письмо. Позавчера был первый допрос. Следователь потребовал предъявить чемодан, с которым он вернулся из-за границы. Он дал показания, что чемодан оставил в Москве, у матери. Жёлтый чемодан с какими-то замысловатыми застёжками... Его надо немедленно купить. Полиция может к вам явиться с минуты на минуту. Если чемодан не будет предъявлен, Владимир Ильич будет считаться арестованным. Всё дело, пишет он, в этом чемодане... Надо срочно ехать в магазин.

— Нет, нет... — шепчет Аня. — Выпейте чаю. И маму подготовим. Она должна узнать это от нас, а не от полиции.

Мария Александровна ждала их за столом.

— Что же вы, Надежда Константиновна, на один день приехали? Я думала, вы у нас погостите.

— Я приехала по делам. По поручению Владимира Ильича, — отвечает Надя. — Я должна купить для него жёлтый чемодан, с которым он приехал из-за границы. На всякий случай. Он считает, что им может заинтересоваться полиция, а чемодан он кому-то отдал.

Мария Александровна горько усмехнулась.

— Он его не отдал, а разрезал на куски и сжёг в печке. В этом чемодане было двойное дно, в котором он привёз нелегальную литературу. Прости, Анечка, но я нечаянно услышала твой разговор с Володей на даче.

Этот чемодан волновал Владимира Ильича с момента переезда границы. Таможенный чиновник вынул все вещи из него, перевернул вверх дном и щёлкнул по нему пальцем. «Ну, думаю, влетел», — рассказывал Владимир Ильич. Таможенник не спеша аккуратно уложил все вещи в том же порядке и сказал: «Вы свободны». Владимир Ильич решил, что полиция предпочла проследить его связи и «взять» не одного его.

...Аня наливала чай. От взора матери не укрылось, что носик чайника мелко-мелко бьётся о край чашки и что их гостья уж очень сосредоточенно рассматривает узор на скатерти.

— Володя арестован, — не столько вопросительно, сколько утвердительно прозвучал голос матери, заставляя Надю поднять глаза.

Аня выскочила из-за стола. Она не могла сдержать слёз. Тревожное томление матери обернулось бедой. А в беде она всегда сильна, сильнее всех её близких.

— Он не арестован, он временно задержан, — выдавливает наконец из себя Надя. — Всё дело в этом злосчастном чемодане. Мы его купим, вы его предъявите полиции, и всё обойдётся.

— Всё обойдётся, — машинально повторяет мать. «Всё обойдётся», — говорила она, когда внезапно занемог Илья Николаевич. «Всё обойдётся», — твердила она детям, когда получили сообщение об аресте Саши... «Всё обойдётся», — когда заболела Оля...

Мария Александровна вынула из-за пояса часы Ильи Николаевича, глянула на них, щёлкнула крышкой, засунула обратно. Наде показалось, что это щёлкнуло сердце матери, закрылось на замок.

— Аня, вам надо спешить. Чай вы допьёте после. Немедленно идите в магазин и без чемодана не возвращайтесь. Пойдите на Кузнецкий мост, там найдёте, что нужно. А я поеду в банк за деньгами. Надо действовать... Нанять адвоката... Попытаться взять Володю на поруки под залог... Всё обойдётся, всё обойдётся...

Зоя Воскресенская

МУЗЕЙ ХУДОЖНИКА В МОСКВЕ

Есть в Москве старинный район — Замоскворечье. Он называется так, потому что находится за Москвой-рекой. Здесь много тихих переулков, зелёных, разросшихся палисадников и старых особняков: розовых, зелёных, жёлтых. В одном из таких особняков открыт небольшой музей. И хотя существует он совсем недавно, но москвичи и приезжие хорошо знают его. В его комнатах всегда толпится народ. Музей этот посвящён знаменитому русскому художнику Василию Андреевичу Тропинину. В музее собраны не только картины самого Тропинина, но и других художников — его современников и предшественников. Дом, в котором разместился музей, и около 350 произведений русского искусства XVIII и первой половины XIX столетия подарил государству известный московский коллекционер Ф. Е. Вишневский.

Портрет А. В. Тропинина — сына художника. Около 1818.

В. А. Тропинин был крепостным сначала графа Миниха, а потом графа И. И. Моркова. Барин заметил выдающиеся способности мальчика и девяти лет определил его в ученики Академии художеств в Петербурге, куда он был зачислен «посторонним учеником». Учителем Тропинина был выдающийся русский живописец-портретист С. С. Щукин.

В 1804 году Тропинин выставил портрет воспитанника Академии—Винокурова. И хотя картина эта имела большой успех, Тропинин по воле графа Моркова вынужден был оставить Академию и поселиться вместе с хозяином в Москве, а затем в его имении на Украине. Он продолжал работать, был уже известным художником, но по-прежнему оставался слугой Моркова, выполняя самые разнообразные обязанности и поручения графа. И только когда Тропинину было уже более 40 лет, Морков дал ему вольную.

Кружевница. 1823.

В 1823 году Василий Андреевич представил в Академию три свои работы, которые до сих пор являются гордостью русской живописи: картину «Кружевница», этюд «Старик нищий» и портрет гравера Е. С. Скотникова. Работы эти были высоко оценены, и В. А. Тропинин получил звание «назначенного» в Академию.

На следующий год он при-

ехал в Петербург. Там он написал портрет академика Леберехта. Точно схваченное сходство, выразительность и законченность портрета не могли не вызвать всеобщего восхищения, и Тропинину было присвоено звание академика.

Старик нищий. 1823.

Василий Андреевич создал ряд портретов своих выдающихся современников. И среди них первое место занимает всемирно известный портрет Александра Сергеевича Пушкина.

Писался этот портрет в 1827 году по заказу самого Пушкина для его друга С. А. Соболевского. Отправляясь в заграничное путешествие, Соболевский мечтал взять этот портрет с собой. Один из современников вспоминает: «Соболевский был недоволен приглаженными и припомаженными портретами Пушкина, какие тогда появились. Ему хотелось сохранить изображение поэта, как он есть, как он бывал чаще, и он попросил Тропинина, одного из лучших тогдашних портретистов Москвы, если только не России, нарисовать ему Пушкина в домашнем платье, растрёпанного, с заветным мистическим перстнем на большом пальце одной руки».

Старуха с курицей. 1856.

Художник с большим воодушевлением взялся за работу. Пушкин ходил позировать к нему в мастерскую, где Тропинин делал много зарисовок и нарисовал подготовительный этюд. На основе этих работ был написан портрет и

А. С. Пушкин. 1827.

передан заказчику. Но здесь начинается какая-то странная история. Неожиданно откуда-то появляется копия этого портрета, которую все принимают за оригинал. Судьба же оригинального портрета долгое время оставалась загадочной. В конце XIX века он попал в Третьяковскую галерею, а сейчас хранится во Всесоюзном музее Пушкина в Ленинграде, и только советским исследователям удалось установить, что это и есть оригинальная работа Тропинина.

А подготовительный этюд оставался в мастерской художника до самой его смерти, напоминая о встречах с великим поэтом.

Тропинин написал Пушкина в халате, сидящим у стола с бумагами, одна рука лежит на столе так, что виден перстень. И нам именно этой своей домашностью, будничностью дорог этот портрет.

За свою жизнь Тропинин создал около трёх тысяч картин и рисунков. Это портреты не только замечательных лю-

дей — Пушкина, Гоголя, Брюллова и других. Тропинин рисовал и простых крестьян, таких же крепостных, каким был он сам, — «Старик с палкой», «Слуга со штофом», «Старуха с курицей», «Покупка яблок». Но, пожалуй, самую широкую известность завоевал портрет сына художника, крепостного мальчика. Мягкая гамма красок как бы подчёркивает грусть, светящуюся в его глазах, умных и прекрасных. В портрете мы чувствуем и тревогу отца за судьбу своего сына.

Произведения Василия Андреевича Тропинина не стареют, они доносят до нас дыхание давно ушедшего времени, воскрешают перед нами картины прошлого, рассказывают о судьбах людей, и за всё это мы с благодарностью чтим его память.

Л. Либединская

КАРАКУМЫ [1]

Каракумы —
Чёрные пески:
Край печали,
Горя и тоски...

Кто вас так назвал
Давным-давно,
Мне теперь, пожалуй,
Всё равно.

Знаю только,
Зря он сделал это:
Каракумы —
Край тепла и света!

Веселы, красны,
А не угрюмы
В час весны цветущей
Каракумы.

Не скупы, а щедры
Их пески
И светлы,
Как яблонь лепестки.

Их богатств невиданных
Не счесть:
В них и газ, и нефть,
И уголь есть.

А черны в них
Многие года
Лишь овец
Несметные стада...

Если хочешь,
В гости приезжай
В Каракумы —
В солнечный мой край!

Нуры Байрам

[1] Каракумы — в переводе с туркменского «Чёрные пески».

ВЕРБЛЮЖОНОК

По степи,
Высок и тонок,
Ковыляет
Верблюжонок.
Тихо-тихо,
Еле-еле —
Ведь ему
Лишь две недели.
Да и степь,
Вдали от дома,
Широка
И незнакома.

Потому-то,
Что ни миг,
Раздаётся
Громкий крик:
«Бо-бо-бо!
Трава пропала...
Бо-бо-бо!
Ручей утёк...»
Хоть травы
Вокруг немало,
А ручей
Бежит у ног.

Нуры Байрам

1 МАЯ — День международной солидарности трудящихся

МАЙСКОЕ УТРО

Собирайтесь на поверку
Утром праздничным весны,
Пионер и пионерка,
Пионеры всей страны!

Внуки русских коммунистов,
Дети нынешнего дня,
Барабанщики, горнисты,
Боевая ребятня.

Все пускай услышат страны,
Пусть узнают стар и млад,
Как по нашим барабанам
Наши палочки стучат.

Изо всех краёв просторных,
Из-за дальних рубежей
Созывают наши горны
Рано утром всех детей.

Полон силы и отваги,
Песню майскую поёт
Пионерский краснофлагий,
Красногалстучный народ.

Ярослав Смеляков

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

У писателя Николая Николаевича Носова, книги которого вы все хорошо знаете и любите, есть внук Игорь. Они часто встречались и много времени проводили вдвоём. С тех пор как Игорь произнёс свои первые слова и начал ходить, они вместе играли, рисовали, что-нибудь мастерили, ходили в лес, на реку, в поле, ловили бабочек, тритонов, ящериц и вели бесконечные разговоры. О чём? Да обо всём на свете! Ведь ребят интересует всё. Им так много нужно узнать о жизни, о людях, о природе, о том, что их окружает, и о самих себе. И лучшего собеседника, лучшего товарища в играх Игорю трудно было бы и найти. Он многое узнавал от дедушки, а Николай Николаевич, невольно наблюдая за внуком и его друзьями, тоже много узнавал о детях. Он видел, как мальчик рос, замечал, что ему нравилось, что не нравилось, что радовало, что печалило, что с годами появлялось нового в его поведении, как постепенно развивался его характер. Всё любопытное, всё, о чём стоило рассказать другим людям, писатель записывал. Прошли годы — и из этих записей получилась целая книга: «Повесть о моём друге Игоре».

Это книга коротких рассказов о маленьком мальчике, о его мыслях, чувствах, играх, занятиях, о его тревогах и заботах, возникающих от соприкосновения с жизнью. Но не только об этом. Книга эта также о самом Николае Николаевиче: о хорошем, умном, добром воспитателе, который умел воспитывать ненавязчиво, без надоедливых поучений, а просто своим хорошим примером, своим добрым отношением к людям, что так много даёт для обогащения детской души.

Ребёнок всегда чувствует благодарность за внимание, доброту, помощь, ласку, и у Игоря нашлись слова, которыми он сумел выразить свою благодарность дедушке, когда сказал: «Мы с тобой друзья, дедушка!»

Мы хотим познакомить вас, ребята, с несколькими рассказами недавно скончавшегося писателя Николая Николаевича Носова о его внуке Игоре, который теперь уже школьник.

„МЫ С ТОБОЙ ДРУЗЬЯ, ДЕДУШКА!“

ВСЕХ ЖАЛКО

Вечером, перед тем как лечь спать, мы сидим с Игорем за столом и занимаемся рисованием. Я рисовал ему первобытных людей в пещере. Вокруг были разные звери, птицы и, конечно же, мамонт. Один доисторический человек стрелял в мамонта из лука. Увидев это, Игорь сказал:

— Не надо!

Отняв у меня карандаш, он нарисовал, как стрела обогнула мамонта, полетела в стоявшего на пригорке оленя, но и у него перед самым носом свернула вверх, полетев в утку, которую он тоже пожалел, в результате чего стрела обогнула утку и полетела вниз. Падая, она опять-таки попадала в мамонта, но обогнула его и в конце концов ещё раз упала на землю, так и не убив никого.

ОТЧЕГО БЫВАЕТ ТЕПЛО?

Однажды мы с Игорем ходили на болото ловить тритонов. Когда вернулись домой, Таня спросила:

— Игорь, тебе не холодно на дворе было?

— Сначала, когда шли на болото, было холодно, — сказал Игорь, — и потом, когда пришли, было холодно, а как только поймали одного тритончика, сразу стало тепло.

КРОКОДИЛ

Игорь приносит мне слепленное им из пластилина подобие крокодила с широко разинутой зубастой пастью.

— Угадай, — говорит, — что это?

— Крокодил, — говорю.

— Не угадал! Подъёмный кран. Хочешь, и тебе такой сделаю?

— Хочу.

— Хочешь, сделаю тебе красивее, чем этот?

— Конечно, хочу.

ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ

Игорь в детском саду учится кататься на велосипеде. Я говорю:

— Ты не езди по асфальтовым дорожкам. Если упадёшь, можешь больно удариться об асфальт. Езди по земляным дорожкам. Там падать мягче.

— А там у нас молодое деревцо посажено. Вдруг я упаду да прямо на деревцо. Евгения Анатольевна сказала, зелёные насаждения беречь надо.

ЗАБОТА О ЛЮДЯХ

Удили рыбу в пруду, вокруг которого сидели во множестве такие же незадачливые, как и мы с Игорем, рыболовы. Игорь сказал:

— Надо будет наловить рыбы в реке и напустить в этот пруд, а то люди приходят, сидят, сидят...

СГОВОРЧИВОСТЬ

— Летом ты куда на дачу поедешь? — спрашивает Игоря Таня. — Наверно, опять к тёте Оле?

— Наверно, — без особенного энтузиазма говорит Игорь.

— А с нами бы ты поехал на дачу?

— У! Поехал бы! — заметно оживляясь, отвечает Игорь.

— Но у нас, видишь ли, там реки нет.

— Ну ничего. Будем на пруд ходить.

— Но у нас, знаешь, и пруда-то ведь нет.

— Ну что ж, будем в лес ходить.

— Да у нас, понимаешь, и леса-то почти совсем нет.

— Что же у вас там? — с явным возмущением говорит Игорь. — Лягушки хоть есть?

— Лягушки есть.

— Ну ладно, поеду. Будем лягушек ловить.

И ТАКИЕ ЛЮДИ БЫВАЮТ!

На даче у Игоря мечта завязать дружбу с сидящим на цепи хозяйским сторожевым псом Пиратом. Собрав от обеда остатки, он идёт к собачьей конуре покормить Пирата. Возвращаясь с пустой тарелкой, говорит:

— Дедушка, Пират всё съел и даже не лаял, а смотрел на меня весёлыми глазами и хвостом махал. Я скоро смогу уже его даже погладить. А помнишь, как в первый раз на меня лаял?

— Собака, — говорю, — понимает, кто ей добро делает. Она благодарна тому и любит его. Так же как и человек. Он же не станет делать зло тому, кто сделал ему добро.

— Но ведь и такие люди бывают?!

— Бывают. Редко, правда, но всё же бывают, — приходится согласиться мне.

— А собаки не бывают, дедушка, правда?

— Собаки? Нет, не бывают, пожалуй...

— ...Дедушка! Ну, а раз Пират меня полюбил, может быть, ему ещё что-нибудь дать?

— На, отнеси ему сахару.

Положив сахар в карман, Игорь снова идёт к Пирату. Возвратившись, рассказывает:

— Дедушка, Пират съел весь сахар, а один кусочек я незаметно бросил ему в конуру. Пусть, когда я уеду вечером, он найдёт этот сахар, и ему станет весело. Ему же скучно весь день на цепи сидеть!

„МЫ С ТОБОЙ ДРУЗЬЯ, ДЕДУШКА!"

Летом у нас с Игорем все дни проходят в работе. Мы делаем из сосновой коры лодочки. Воображая себя доисторическими людьми, лепим из глины горшки, миски, кувшины и, просушив, обжигаем их на костре. Отливаем из свинца средневековые медали, монеты...

— Мы с тобой умельцы, дедушка, — с гордостью говорит Игорь.

Но вот возникает идея сделать парусный корабль: какой-нибудь средневековый фрегат, бригантину или трёхмачтовую каравеллу, на которой Христофор Колумб достиг берегов Нового Света.

Чуть ли не весь день потрачен на выпиливание и выстругивание из бесформенной деревяшки корпуса корабля. Сидя в саду за столом, мы оснащаем корабль тремя мачтами, делаем реи, на которые навешиваем паруса из выпрошенной у Тани тонкой белой материи.

И корабль наконец готов. Оснащённый парусами, которые висят на реях один над другим в три ряда, он действительно похож на готовый тронуться в путь средневековый фрегат.

Игорь поднимает корабль одной рукой кверху, и налетевший порыв ветра вздувает паруса. Взявшись за руки, мы несём корабль с наполненными ветром парусами в дом. И Игорь говорит голосом, в котором слышится глубокое чувство:

— Мы с тобой друзья, дедушка!

Николай Носов

ЗАВЕТ

В час испытаний
Поклонись Отчизне
По-русски,
В ноги,
И скажи ей:
— Мать!
Ты жизнь моя!
Ты мне дороже жизни!
С тобою — жить,
С тобою — умирать!

Будь верен ей.
И, как бы ни был длинен
И тяжек день военной маеты, —
Коль пахарь ты,
Отдай ей всё, как Минин,
Будь ей Суворовым,
Коль воин ты.
Люби её.
Клянись, как наши деды,
Горой стоять
За жизнь её и честь,
Чтобы сказать
В желанный час победы:
— И моего
Тут капля мёда есть!

Дмитрий Кедрин

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

(Из повести „Мой генерал")

Москва!

Счастливые же всё-таки ребята, которые в Москве живут! Счастья своего не понимают. Каждый день могут на Красную площадь приехать! В Зоопарк сходить! Мороженого в «Детском мире» поесть! Им и в голову не приходит, наверное, что такого мороженого больше нигде нет. Что, например, сибирские ребята другим обходятся. Похуже. И ничего! Не переживают.

А дома́ какие в Москве! Калининский проспект, например. Метро!.. Да чего там! Про Москву разве расскажешь!..

Я только одно расскажу— как мы к Неизвестному солдату ходили.

...Мы стояли на каменных ступенях. У Солдата пылал Вечный огонь. Дождь идёт, а огонь горит. Снег валит, а огонь не гаснет.

Мы постояли у каменной звезды, в которой вечное пламя сияет. Дед честь Солдату отдал. Я — пионерский салют.

Это всё-таки грустно. Жил человек. Имя у него было. Мать. Может, жена была, дети. А потом погиб. Так погиб, что никто об этом не узнал. Но он не пропал. Он стал Неизвестным солдатом. Его, может, ждут до сих пор. Думают о нём.

Вспоминают. Зовут про себя по имени. А он без имени. Он— для всех Неизвестный солдат.

Я смотрел, как подходят к могиле женщины. Старухи. Пионеры. Как кладут цветы на красный мрамор. Как стоят, задумавшись глубоко. . .

Я беру за рукав деда. Заглядываю ему в лицо. Как хорошо, что мой дед жив и его не убили фашисты! Как хорошо, что он со мной стоит! . . И я его за рукав взять могу. . . Дед сказал тогда очень правильно! Жалко, что так получилось! Жалко, что я его не видел так долго и совсем даже не знал!

Я прижимаюсь к дедову рукаву. Он обнимает меня за плечо. Мы идём медленно к Красной площади.

Мавзолей закрыт, но рядом толпится народ. Мы подходим поближе. Разглядываем голубые ёлочки. Блестящие стены. Лица солдат.

И вдруг я вздрагиваю. Протираю глаза. Не может быть! Я дёргаю деда за руку.

— Гляди! Это же Борис Егоров! Наш вожатый.

— Откуда он тут взялся?— пожимает плечами дед.

Действительно, откуда? Конечно, он солдат, в армии теперь служит — танкистом или, может, моряком. Но тут? Тут Мавзолей, шутка ли?

Я ещё глаза тру. Может, показалось? Конечно, показалось! Откуда тут Егорову взяться? Но всё-таки кричу:

— Егоров!—и машу рукой.

Солдат стоит неподвижно. И плечи у него, кажется, застыли. Дедушка смеётся:

— Ты что? Думаешь, он откликнется?

Слышатся шаги. Грохочут по асфальту. Люди у Мавзолея оживляются. Я вижу, как печатают шаг трое военных. Идут медленно, торжественно. Взмахивают руками в белых перчатках. Винтовка у плеча. Подходят к дверям. Часы на башне под звездой отсчитывают удары. Солдаты меняются. Щёлкают прикладами. Новые остаются, те, что стояли, уходят. Смена караула.

Опять грохают шаги. Я бегу за солдатами. Жадно запоминаю каждое их движение. И ещё меня подмывает крикнуть опять солдату. Позвать его: может, это Егоров?

Но солдаты смотрят перед собой. Никого не видят. Скрываются в воротах.

Мы идём с дедушкой по Красной площади. Смотрим на собор Василия Блаженного. Разглядываем Лобное место.

— Мы с твоей бабушкой,— говорит дед, — тогда тоже сюда пришли.

— Когда тогда? — спрашиваю я.

— Когда познакомились,— улыбнулся он. — В Кремле. Хотя познакомились мы, конечно, раньше.

Альберт Лиханов

БУКЕТ МАКОВ

(Рассказ)

Каждое утро с восходом солнца Галя выбегала в сад, с нетерпением и надеждой смотрела на клумбу, на которой вот-вот должны были вспыхнуть яркими огоньками красные маки. Ведь через неделю день рождения старой учительницы-пенсионерки Анны Петровны!

«Хоть бы расцвели», — беспокоилась девочка...

Однажды бывший подпольщик коммунист Комаров рассказал детям, что муж учительницы и их единственный сын в день рождения всегда дарили Анне Петровне её любимые цветы — маки. Это было давно, ещё до войны, с которой муж и сын не вернулись...

Услыхав эту историю, колхозные пионеры сразу же начали выращивать красные маки.

...В воскресенье празднично одетые Галя, Тарасик и Надя направились к знакомому дому на краю села. В руках у Нади пламенно и нежно трепетали три мака на тонких стебельках.

— Очень мало... Ведь Пётр Петрович и Володя дарили большой букет, — задумчиво проговорила Галя.

— Всем классом только эти и вырастили. Другие не успели расцвести, — вздохнул Тарасик. — А мы так старались...

Дальше шли молча, медленно, будто несли хрупкую хрустальную вазу.

— Куда это вы — такие торжественные, как в праздник? — спросила знакомая доярка тётя Катя.

Пионеры рассказали, и всегда спокойная пожилая женщина вдруг словно помолодела. Взволнованно вскочила, побежала во двор и через минуту принесла цветок мака.

— Возьмите, пожалуйста! Я когда-то училась у Анны Петровны. И Пётр Петрович меня учил... Володю тоже помню. Мечтал стать астрономом.

К ребятам подходили люди, останавливались.

— Спасибо вам, ребята. Это вы по-хорошему придумали, — тихо сказал седой старик. — Подождите, я хочу добавить к вашему букету свои цветы...

И букет маков рос и рос. Он казался горячим, как пламя. И неугасимым, как наша память о тех, кто не вернулся с войны.

Бэла Белова

ПИОНЕРСКИЕ ДЕЛА — ДЕЛА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ

КОГДА ЧЕЛОВЕК РАСТЕТ?

Они живут на Псковщине

Летом человек растёт быстрее. Он становится не только выше ростом, он становится умнее, самостоятельнее, лучше понимает других.

Ребята, о которых я расскажу, — мои друзья. Они живут в Псковской области; я приехала туда, и мы познакомились и подружились. На Псковщине тяжёлые дубы и синие озёра. В лесах партизанские тропы, а в реках до сих пор находят старые снаряды, оставшиеся со времён Великой Отечественной войны, а иногда — наконечники копий времён Александра Невского. Старинная земля, достойная земля, мудрая земля.

Деревня Старая Москва

Летом пионеры, как всегда, ходили в походы по местам боёв. Часто слышали ребята о том, что на войне сражались и погибали солдаты за счастье будущих поколений. Но только пройдя по тем же дорогам, увидев те же места, где сражались мужественные воины, где защищали свою землю от врага, ребята до конца поняли, что будущие поколения — это и есть они: Лена, Серёжа, Алёша, Виталик. Когда уви-

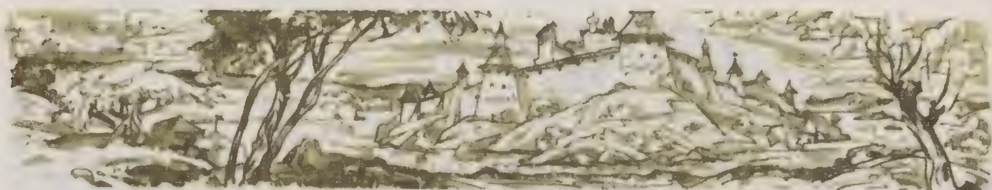
дишь всё своими глазами, героизм становится ближе, понятнее.

Была на Псковщине деревня, называлась Старая Москва. Когда пришли сюда фашисты, они сожгли деревню — само имя Москвы было им ненавистно. Получилось так, что после войны вернулся в деревню только один солдат. Оглядел он пепелище — никого, ничего. И сказал: «А всё-таки я буду жить здесь». И поставил дом. Обзавёлся семьёй. А потом рядом ещё кто-то построил дом. Возродилась деревня. Стоит теперь на старом месте новая деревня, а называется по-прежнему — Старая Москва.

Каждый год на Кургане Дружбы собираются бывшие партизаны. Внизу шумит лес. Партизаны негромко поют старые песни, некоторые плачут: было много подвигов и много потерь.

Курган — целая гора, поросшая травой, кустами, цветами. До сорок четвёртого года кургана не было. Когда освободили эту землю, партизаны трёх республик — России, Латвии и Белоруссии — носили землю в шапках, в ладонях и своими руками насыпали огромный холм — Курган Дружбы. А потом посадили три аллеи; деревья разрослись и, как три дороги, приводят теперь с разных сторон на курган. Липовая аллея — из Латвии, берёзовая — из Белоруссии, кленовая — из России.

Ребята тоже сидели на этом кургане, тоже пели, разговаривали и думали о самом главном в жизни.

Тимуровцы умеют помогать

Летом в селе Карамышеве работает сводный тимуровский отряд. Что такое сводный отряд? Все, кто на лето остался в Карамышеве — старшеклассники и ребята поменьше, — все в одном отряде. Человек семьдесят. И для всех есть работа: помогают на ферме, ходят на прополку, возят зерно на элеватор.

Маленькие, как всегда, больше всех всё знают. Прибежали к командиру отряда, де-

вятикласснику Толе, и докладывают:

— На краю села поселилась старушка. Сколько ей лет, сама не знает, но на вид очень много. Мы ей помогать хотели, а она нас прогнала. Вредная старушка. Мы октябрята, мы тимуровцы, а она прогоняет.

Надо в этом деле разобраться. Комиссар отряда, Люба, повесила объявление:

Тимуровцы!

Кто хочет помогать пожилой женщине, приходите к пяти часам к оврагу.

Она думала, что придёт человек пять, а пришёл весь отряд. Все и отправились.

Бабушка оказалась маленькая и хитроглазая. Сначала встретила их неприветливо, стала кричать:

— Уходите отсюда!

А потом увидела, что вместе с первоклассниками пришли люди постарше, и стала слушать.

— Мы вам помочь хотим, — сказала Люба.

— А кто вас послал? — недоверчиво спросила бабушка.

Как ей объяснить?

— Директор школы! — на всякий случай прокричал Павел из второго класса.

Старушка засмеялась:

— Делать, что ли, нечего? Ой, не могу!

А потом говорит:

— Ступайте, ничего мне не надо. И воды у меня полный бак. И всё у меня есть. И пол я сама мою каждую субботу.

— А сколько вам, бабушка, лет? — спросила Люба.

— Девяносто, наверное,— сказала бабушка, — а может, семьдесят, не помню.

Люба заглянула в бак и говорит:

— Девчонки, ни водинки нету!

— Ни водинки, ни водин-

ки, ну и что же? — смутилась старушка. — Бак вот такенный, а вы дети. Вам не натаскать.

Павел из второго класса закричал:

— А нас зато вон сколько! Мы — тимуровцы!

Быстро натаскали воды, вымыли полы. Бабушка притихла. Потом призналась:

— У меня и дрова не наколоты. — И снова взъерошилась: — Я и сама-то могу, только некогда было.

Мальчишки накололи дров. Бабушка радуется, чуть не пляшет.

Клад и кадка

В июне в Псков приехала работать археологическая экспедиция из Ленинграда. Ребята пришли к начальнику и сказали:

— У нашей школы договор с Псковским историко-архитектурным музеем.

Шестиклассники работали на раскопках Мирожского монастыря. Монастырь этот особенный. Уже семьсот лет стоит он при впадении речки Мирожки в реку Великую. Сначала это была военная крепость. Каждый мальчишка в Пскове знает, что Мирожский монастырь защищал Русь от набегов иноземных захватчиков. Знали-то знали...

Сколько раз ходили зимой кататься на санках с заснеженной кручи, а летом купаться в прогретой солнцем реке Великой; перед глазами у них стояли толстые, тяжёлые, старые стены из белого камня. Но только когда стали работать вместе с учёными, вдруг ожили старые камни и как будто заговорили. И привиделись мальчишкам древние воины в островерхих шлемах, каменная мостовая, крестьяне, въезжающие в крепость на ярмарку. А там, где Андрей Зверев нашёл большие, позеленевшие медные монеты, крестьяне платили торговую пошлину и, вероятно, роняли деньги. Андрей нашёл целых шесть монет, и археологи подарили ему одну на память.

Внутри монастыря учёные под слоем красок обнаружили древние и очень ценные фрески. Фреска — это роспись прямо по мокрой штукатурке. Фресок такой древности и такой красоты в России мало сохранилось. Гена Локтев рассказывал:

— Краски потускнели. Сколько веков прошло! Теперь художники будут реставрировать роспись. До фресок нам дотронуться не дали, но мы строили леса.

Мирожский монастырь знаменит ещё и тем, что здесь монахи-грамотеи переписывали прекрасное произведение древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Почему переписывали? Потому что люди

ещё не умели печатать книги. Почему монахи? Потому что они были чуть ли не единственными грамотными людьми на Руси. Как стало известно, что именно здесь? В нескольких рукописных экземплярах «Слова о полку Игореве» исследователи нашли слова псковского диалекта. Так говорили только в этих землях. Значит, и переписчики были псковские жители. Работать к археологам ребята, честно говоря, шли с одной тайной мыслью — найти клад. Но руководитель раскопок, человек серьёзный и даже суровый, как будто прочитал их мысли:

— К побрякушкам не стремитесь. Нам с вами важно найти кладку. Под нами древний город занесло землёй, но мы его отыщем.

Они копали. Стукнет лопата о камень — то ли просто камень, то ли старинная стена. Если камень — можно вышвырнуть, если стена — надо аккуратно. Сразу не разберёшься. Думаешь, кладка, ходишь вокруг на цыпочках, а потом окажется, что просто каменюка валяется, ничего в нём интересного нет.

После работы ребята купались, смеялись, как все люди в каникулы.

Стройотряд идёт по городу

Когда они шли по Пскову в стройотрядовской форме, Володя надеялся, что их принимают за студентов. Хотя, честно говоря, трудно восьмиклассника принять за студента.

Сначала выдержали бой с родителями. Мамы не хотели отпускать детей за сто километров от города. Спать они будут в каком-то клубе. Питаться неизвестно чем и где. Но семнадцать самых упорных всё-таки отпустили.

Девчонки ночевали в клубе, мальчишки — в сарае на сеновале. А работы было много. Копали силосные ямы и загружали силос. Помогали взрослым на покосе. А когда приходили с работы, дежурные кормили их таким вкусным обедом, какого дома и не бывает.

Они провели в колхозе целый месяц. А потом получили благодарность правления колхоза и райкома комсомола.

Отряд называется «Прометей». Это значит, что ребята готовы щедро делиться с людьми теплом и светом.

Наталья Хмелик

У нас в гостях

НА ГОРИЗОНТСКИХ ОСТРОВАХ

На весёлых,
На зелёных
Горизонтских островах,
По свидетельству учёных,
Ходят все
На головах!

Говорят,
Что там живёт
Трёхголовый Кашалот,
Сам играет на рояле,
Сам танцует,
Сам поёт!

По горам
На самокате
Ездят там
Бычки в томате!
А один учёный кот
Даже водит
Вертолёт!

ПОГРАНИЧНИКИ

На ветвях заснули птицы,
Звёзды в небе не горят.
Притаился у границы
Пограничников отряд.

Пограничники не дремлют
У родного рубежа:
Наше море,
Нашу землю,
Наше небо сторожат.

С. Маршак

Я ЕДУ К ОКЕАНУ

Я взял на работе отпуск и поехал в родные места посмотреть на тайгу, на океан, повидаться с друзьями. А край у нас морской, охотничий, пограничный. Вот и друзья у меня пограничники, моряки, охотники, лётчики.

Собрал я кое-какие вещи, запасся продуктами, уложил всё в маленький зелёный «газик» и тронулся в путь.

Почти весь день я ехал по таёжной дороге, усыпанной жёлтыми листьями. Из-под колёс то и дело вылетали белобокие сороки, серые рябчики. Потом из кустов выскочила лиса, и я прибавил скорость: «Догоню!» Но тут впереди показался шлагбаум — весь в красных и зелёных полосках, а из зелёной будки вышел пограничник:

— Документы!

Меня уже давно заметили с наблюдательной вышки.

Как только я подъехал к заставе, навстречу выбежал мой товарищ — начальник заставы капитан Щербаков, обнял и повёл домой, приказывая на ходу:

— Сегодня отдыхай, а завтра утром в наряд, на границу! С Пахомовым.

Я обрадовался. На границу! В наряд!

И сказал:

— С Пахомовым так с Пахомовым.

— Нет, ты спроси, с каким Пахомовым! — гордо сказал Щербаков.

— А с каким? — спросил я и остановился, потому что прямо нам навстречу по двору шла настоящая дикая коза. Косуля. Она аккуратно перебирала тонкими ножками и осторожно разглядывала нас.

— Знаешь, кого она ищет? — сказал Щербаков. — Пахомова. Он её у рыси чуть ли не из когтей вырвал. Десять километров на спине раненую нёс. Вот и не отходит теперь от него. Да его тут любая зверушка в тайге знает, белки на руки садятся... А недавно у него был такой случай!

— Какой? — подхватил я.

Но Щербаков только повёл головой: «Потерпи. Сейчас некогда. Служба».

А вечером мы пили в пограничной столовой чай, и Щербаков рассказывал мне самую настоящую пограничную историю.

Вот какой Пахомов!

В наряд Пахомов отправился рано утром. Следом за ним шёл его товарищ — Щеглов. Солнце поднялось только на минуту, тронуло деревья в лесу и тут же нырнуло в облако. Слева из-за сопок, по которым тянулась граница, поднялся туман, потом заморосил дождь. Стало слышно, как с листьев берёзы в папоротник срываются холодные капли—кап-кап-кап,—а справа за кустарником журчит по нашей земле речушка.

Пахомов быстро шёл по тропе в гору и внимательно оглядывал окрестность. Но между делом, по таёжной привычке, присматривал, какому дереву подпилить старые сучья, какому расчистить место, чтоб просторней было расти.

— Чудак ты, Пахомов, — говорили ему товарищи. — Чего ты красоту наводишь? Тайга ведь.

— А охраняем что? — отвечал Пахомов.—Землю, реки, моря, тайгу...

Он и сейчас приметил кривенькую ёлочку: не так растёт. Шагнул к ней, нагнулся и сразу взмок: след! Под ёлкой оттиснулся глубокий чёткий след. За ним спускался с сопки второй, третий, уже полный воды. Три человека разом прошли! Такого на участке ещё не бывало.

— Сообщай на заставу! — крикнул Пахомов товарищу.

В тумане у перевала виднелась сосна, к которой совсем недавно они тянули телефонный кабель, и Щеглов бросился к ней. Но вдруг остановился: впереди на тропе тоже отпечатались три следа, только шли они в обратную сторону!

Пахомов проверил следы: одинаковые! Он прошёл к пограничной полосе. И там были глубокие крупные следы: три пары туда и три обратно. Будто нарушители побывали на нашей стороне и опять вернулись за границу.

— Звони! — крикнул Пахомов младшему, а сам побежал по следу.

Навстречу ему всё сильней слышалось журчание нашей речки.

Возле реки след как раз и поворачивал обратно.

«Ну нет! — подумал Пахомов. — Не за водой же вы к нам ходили!»

Он осмотрелся... Ничего. Только ползёт по реке туман, на камне надул щёки бурундук, вертится на сосне сойка...

Смотрит — на воде, у берега, качаются листья папоротника.

Пахомов наклонился. Листья-то примятые! Значит, кто-то за них хватался.

Пахомов с камня на камень перебежал через речку, глядит — у самых ног снова

следы. И опять: туда и обратно. Чем дальше, тем след свежей!

Пахомов вскинул автомат и быстро пошёл по следу. Но прошёл час, а нарушителей не видно. И дождь прибавился. Вот-вот смоет следы.

Пахомов снял сапоги. Бегом!

Потом сбросил гимнастёрку. Бегом!

Наконец остановился у дерева и слышит: шелестят кусты, потрескивают ветки. Может, зверь? Да нет! Зверь ходит мягче, зверь по-человечески не шепчет!

Обошёл он этот шум стороной, лёг за кустарником и видит: прямо на него идут шестеро! Только трое лицом вперёд, а трое спиной пятятся. Всё ещё хитрят. Вот оно почему три следа обратно показывают!

Пахомов присмотрелся — оружия в руках не видно. Но, может быть, прячут. Он притих. И только нарушители подошли поближе, как выскочит, как крикнет:

— Руки вверх! Ложись!

Подоспела на помощь тревожная группа. Торопятся: следов-то много. Как он один справится? Прибежали, а нарушители все лежат на земле. Трое носами в одну сторону, трое — в другую. А над ними стоит Пахомов и автоматом из стороны в сторону поводит.

В пограничном наряде

— Вот, брат, с каким Пахомовым пойдёшь, — сказал мне Щербаков и ушёл отправлять наряд. Служба.

Полночи я ворочался на койке. За окном горела луна, скрипел снег под валенками часового, и по стёклам проплывала его тень.

Сменялись дозоры, а я всё думал: какой же он, Пахомов? И всё представлял, как лежат в траве нарушители и стоит над ними громадный человек с автоматом в руках.

А едва я уснул, как меня стали будить.

Открыл глаза, а передо мной невысокий щупленький паренёк. На погонах — по тоненькой полоске, на груди — медаль. Представился:

— Ефрейтор Пахомов! — И говорит: — Нам пора! В дорогу!

Я быстренько собрался. Надели мы с Пахомовым валенки, маскировочные халаты, Пахомов проверил автомат.

Щербаков осмотрел нас строго и сказал:

— Приказываю выступить на охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!

Мы вышли из помещения и направились к калитке.

Тут из-за угла вдруг выскочила козочка, косуля, — и прямо к Пахомову. Подбе-

жала, потёрлась о ногу и мордочкой в карман лезет. Пахомов оглянулся, достал из кармана кусок печенья, протянул косуле, и мы вышли за ворота.

На елях сверкал молодой снег, лёгкий ветер раскачивал длинные бороды лишайников. Рядом шумела незамерзающая речка. Я смотрел, нет ли где следов, и ждал, что Пахомов вот-вот расскажет, как брал нарушителей.

Но Пахомов молчал, тоже внимательно осматривал сугробы, а иногда останавливался и слушал. Вот протяжно и скрипуче запела сосна. Вот раздалось: тук... тук... А потом как из пулемёта: тук-тук-тук! И по ёлке побежал дятел... А вот послышалось: крак, крак... На головы нам пропеллерами посыпалась шелуха от шишек, и с ветки на ветку перелетела белка... Мы поднимались на сопку, подъём был крутой, трудный. Но наконец мы его одолели, и я увидел всю полоску границы. Налево от неё тянулись лес, река, белые заснеженные поля. А внизу, у подножия сопки, зеленел квадратик — застава.

«Маленькая, — подумал я, — как Пахомов. А никого не пропустит».

Виталий Коржиков

ПО ГРИБЫ

Шёл грибник
Издалека...
А в корзине —
Ни грибка!

Ни единого
Грибочка —
Только травка
Да листочки.

Утомился
Грибничок
И уселся
На пенёк:

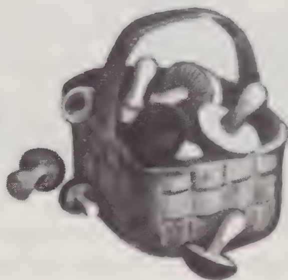
— Ты скажи,
Скажи мне, лес,
Ты с грибами
Или БЕЗ?

Поглядел
На грибника
Лес дремучий
Свысока,

Покачался —
Скрип да скрип! —
Показал под ёлкой
Гриб.

— Я с грибами, —
Молвил лес. —
А ты с глазами
Или БЕЗ?

Л. Мезинов

ЁЖ ПРОСНУЛСЯ

Под пенёчком на горе
ёж всю зиму спал в норе.
Вдруг почуял:
в норку с горки
натекает под иголки.

Встал.
Немножко позевал.
Гриб сушёный пожевал.
И пошёл с горы шажком
на свидание с дружком.

Вот коряга.
Вот нора.
Пар идёт.
Он тут. Ура!

«Хорошо
друзей иметь!..»
Входит в дом,
а там... медведь!

Говорит медведь ему:
— Вы к кому?
— Я?.. К ежу... Иду к ежу...
Я к медведям не хожу!

— Впредь к ежу ищи дорогу, —
посоветовал медведь, —
обходя мою берлогу!
Сон не дал мне досмотреть!

Василий Фетисов

ЧЕРЕЗ ЭТО НАДО ПЕРЕШАГНУТЬ

На уроке физкультуры мы ходили друг за другом, поднимали и опускали руки, приседали, прыгали.

Юля-Нина стояла посреди зала, показывала упражнения, считала, чтоб мы ходили в ногу и всё делали в лад. Но получалось не в лад.

Уселись передохнуть. Юля-Нина посмотрела на нас как-то печально и сказала:

— Решила я отдать вас учителю физкультуры Николаю Петровичу. Спортсменка я никудышная и очень об этом сожалею. Плохо, когда человек ничего не умеет. А вот Гусаков Боря (это Бодька)— как урок физкультуры, так ему мама форму стирает. Ему больше нравится на лавочке сидеть. Зачем хитрить? Не получается? Так вы всему ещё можете научиться.

— А вы? — выскочил Бодька, будто и не о нём речь.

— А я, наверное, уже нет. У меня был плохой учитель физкультуры.

Мы построились. Юля-Нина позвала Николая Петровича:

— Отдаю вам свой класс. Хочу, чтоб все мои ребята были такими же ловкими и сильными, как вы.

Николай Петрович — настоящий спортсмен, это сразу видно. Красиво, когда человек — настоящий спортсмен.

Николай Петрович проверил наши спортивные данные, и я совсем скис: ничего-то я не умею. Ни бегать, ни прыгать. Даже ходить. Куда левая нога — туда и левая рука, куда правая рука — туда и правая нога, будто ниткой связаны.

Мне было стыдно. И нисколько не легче оттого, что не у меня одного не получалось.

Николай Петрович сказал:

— Выходит, никто из вас к труду и обороне не готов. Но всё зависит от вас. Тренировка, тренировка и ещё раз тренировка! . .

Уроки физкультуры два раза в неделю. Я решил тренироваться дома.

Натянул между стульями шнурок, прыгнул... Стулья лежали вверх ножками, мама поливала мою коленку зелёнкой.

— Не годится, — сказал папа. — Тренироваться — во дворе.

Я вспомнил свои «физкультурные данные» и вздохнул.

Папа меня понял.

— Через это надо перешагнуть, — сказал он, — иначе ничего не выйдет. Надевай спортивную форму — и во двор. Бегом — вокруг дома, прыгать — в песок на детской площадке.

— Идём со мной, — попросил я.

— Мне на работу. А ты — действуй.

Спортивную форму надеть просто и во двор спуститься не трудно, а вот как всё остальное?

Я набрал в грудь побольше воздуха и побежал «спортивным бегом», как показывал Николай Петрович. Остановился за углом, выглянул — никого. Никто не смеётся. Пробежал ещё круг. Из подвала вышел дворник дядя Митя, одобрительно сказал:

— Тренируешься? Валяй-валяй...

Я приободрился.

Но бег — это пустяки. Под балконами не так заметно. А вот на площадке, где песок, — у четырёх домов на виду.

Не глядя по сторонам —

будь что будет! — я ринулся к площадке.

Начертил линию — место толчка, посмотрел на свои ноги — какая же из них толчковая? — разбежался, толкнулся, прыгнул! .. Ничуть не лучше, чем на уроке физкультуры. Ещё раз разбежался, толкнулся... То же самое! Так можно до старости тренироваться.

— Чудик! — крикнул с балкона восьмиклассник Серёжа. — Что ты прыгаешь, будто палку проглотил? Нужно собраться, напружиниться, вложиться в толчок, и ноги — как можно дальше вперёд!

Я собрался, напружинился, вложился... Толчок — я лежу на спине, а надо мною облака проплывают.

— Вставай, чемпион, — сказал Серёжа, протягивая мне руку. — Смотри, как это делается...

Во двор набежало полно ребят из соседних домов; мы вместе тренировались, бегали, прыгали, теннисный мячик бросали. Серёжа был вроде нашего тренера.

И почему я решил, что надо мной смеяться будут?

Про свои тренировки я рассказал в классе. Кто-то из девочек протянул:

— Как-то неудобно во дворе...

Я вспомнил, как сам топтался под балконом, вспомнил папины слова и сказал:

— Через это надо перешагнуть.

Каждое утро, в любую погоду, выходим мы на тренировку. Впереди бежит папа, потом — Серёжа-восьмиклассник, мой друг Серёжа, потом я, потом ребята из нашего двора и из нашего класса. Ведь мы все живём в одном микрорайоне.

А один раз я оглянулся и увидел в хвосте Юлю-Нину.

Я догнал папу и попросил:

— Беги, пожалуйста, потише, пусть Юля-Нина привыкнет.

Николай Петрович сказал, что если мы всегда будем такими упорными, то нормы ГТО — готов к труду и обороне — сдадим непременно.

Майя Фролова

„ЧЕЧЕВИЦУ ВИДИТЕ?"

Раз поутру, во второй половине мая, вышел на крыльцо, а меня кто-то спрашивает:

— Чечевицу видел?

Чуть погодя настойчивый вопрос повторился:

— Чечевицу видел?

«Ну, ну, — подумал я, глядя на деревья. — Вот и чечевица к нам в Подмосковье пожаловала!»

Среди птичьей весёлой разноголосицы голос чечевицы, громкий, несколько отрывистый, разносился далеко окрест. Казалось, пичуга сидит где-то рядом — не то на кусту сирени, не то на молодом клёне, и, не уставая, то и дело спрашивает:

— Чечевицу видел?

В начале июня у птицы как будто изменился несколько голос, и она вопрошала более мягко, чуть-чуть врастяжечку:

— Чечевицу ви-дите? Чечевицу ви-идите?

Возможно, пел другой самец, не тот, первый, возвестивший о прилёте чечевицы из далёкой Индии.

В одной солидной книге — определителе птиц нашей страны — было написано: оперение чечевицы-самца сплошь ярко-красное, зоб имеет карминный оттенок, крылья — бархатисто-малиновые.

Много раз, заслышав пение чечевицы, осторожно крался к кусту, на котором, по моему предположению, пряталась красивая пичуга, чтобы хоть одним глазом глянуть на неё. Но стоило мне приблизиться к шиповнику или сирени, как чечевица замолкала, а чуть погодя её звучный голос раздавался в другом месте.

Так до сих пор мне ни разу не удалось увидеть таинственную чечевицу. И теперь, заслышав где-то рядом: «Чечевицу видите?» — мне уже чудится в голосе птицы добродушная насмешка.

Виктор Баныкин

ЧИБИСЫ

Не знаете, что это за птица такая — чибис? О, это очень забавная и самая интересная птица. Её зовут не только чибисом, а ещё — пигалицей и пивиком. Брюшко, шейка у чибиса — белые, на грудке чёрный фартучек, на головке шапочка-хохолок, а ножки яркие, как малиновые. Все маленькие ребятишки поют про чибиса любимую песенку:

«У дороги чибис,
У дороги чибис,
Он кричит, волнуется, чудак:
«А скажите, чьи вы?
А скажите, чьи вы?
И зачем идёте вы сюда?»

Прилетают к нам чибисы рано, как только сойдёт снег, и живут в лугах, около воды. Ни одна птица так не радуется весне, как чибисы. В воздухе они затевают весёлую игру, взлетают то вверх, то вниз, кружатся, перевёртываются с боку на бок и всё время громко кричат вот так:

«Кыбы-кууыб! Кыбы-кууыб!»

На чибисином языке это, наверное, означает:

«Здравствуй, весна!»

А когда чибисы делают себе гнёзда, и если в это время увидят поблизости человека, то непременно полетят ему навстречу и вежливо спросят:

«Чьи вы, чьи вы?»

В августе подрастают чибисята. Все они, и молодые и старые, собираются в стайки и кочуют в лугах, около озёр и речушек. А в сентябре их уже не видно. Вон посмотри, как они полетели. Далеко-далеко полетели, в тёплые края.

— До свиданья, чибисы, до будущей весны!

Василий Алфёров

Энанси-рыбак

Ганская сказка

В Западной Африке, в местечке Ашхенти, расположенном на краю большого леса, жил-был человек по имени Энанси. Его знали на много миль вокруг, хотя он не был ни знаменитым охотником, ни первым на селе работником. Нет! Он прославился другим — он был известен своей ленью и хитростью.

Он любил обманывать людей и пожить за их счёт. Но

поскольку все его давно знали, то никто с ним не связывался, и ему приходилось придумывать всё новые и новые хитрости и уловки.

Однажды Энанси встретил человека по имени Оусанса.

— Эй! — окликнул он его. — Послушай-ка, что я тебе скажу. Давай-ка забросим в море невод. Наловим рыбы, продадим её — враз разбогатеем.

Но Оусанса был достаточно наслышан об Энанси, поэтому сказал:

— Нет, добра у меня и без того достаточно, хватит и попить и поесть, так что рыбачь-ка один.

— Ха, рыбачить одному?! Так тогда мне придётся самому всё делать. Нет, мне бы найти такого дурака, который сделал бы всё за меня.

Оусанса ушёл, а спустя некоторое время Энанси повстречался Анени.

— Послушай, приятель! — остановил его Энанси. — Давай-ка вдвоём пойдём и забросим в море невод. Наловим рыбы, продадим её и станем богаты, а?

Анени также хорошо знал Энанси, однако он его внимательно выслушал и сказал:

— Что ж, это неплохо придумано. Двое всегда могут поймать рыбы больше, чем один. Я, пожалуй, согласен.

Новость, что Анени идёт на рыбалку вместе с Энанси, быстро облетела всех. Оусанса, встретив Анени, сказал ему:

— Ходят слухи, что ты собираешься рыбачить вместе с Энанси. Смотри, как бы он тебя не обманул. Ведь он хочет, чтобы кто-то работал, а он бы только денежки загребал.

— Не беспокойся, Оусанса, — возразил ему Анени, — я не глупее Энанси.

На следующий день, рано утром, Анени и Энанси пошли в лес нарубить пальмовых ветвей, чтобы связать из них сети. Энанси всю дорогу шёл и думал, как бы обмануть Анени и заставить его сделать бóльшую часть работы. Пришли они в лес, и вдруг Анени ему говорит:

— Энанси, друг мой, дай-ка мне нож, я пойду нарублю ветвей. Ведь мы с тобой напарники, так ведь? Значит, нам надо разделить работу поровну. Моя доля — рубить ветви, твоя — уставать за меня.

— Постой-постой, дай-ка мне подумать, — возразил Энанси. — Почему это я должен за кого-то уставать?

— А как же иначе? Ведь когда что-нибудь делают, все-

гда устают, — заметил Анени. — Если я рублю, то ты должен хотя бы уставать за меня.

— Э-э, нашёл дурака, — сказал Энанси. — Отдай-ка назад нож. Лучше я сам пойду рубить ветви, а ты уставай за меня.

И Энанси начал усердно обрубать ветви деревьев. Анени же уселся в тени и принялся тяжело охать и вздыхать, словно от усталости. Энанси ударит ножом по ветке — Анени громко охнет. Энанси ударит — Анени охнет. Так продолжалось до тех пор, пока Энанси не нарубил достаточное количество ветвей и не увязал их в большую вязанку. После этого Анени, держась за спину и охая, поднялся с земли и сказал утомлённым голосом:

— Ох, Энанси, друг, дай-ка теперь я понесу вязанку, а ты уставай за меня.

— Нет, друг мой Анени, — возразил ему Энанси, — я не так уж глуп. Я понесу вязанку сам, а ты по-прежнему уставай за меня. — И он, взвалив вязанку на плечи, зашагал в деревню.

Анени шёл рядом и всю дорогу охал и стонал:

— Эй, эй, Энанси, полегче, не спеши! Ох, ох!..

Когда они пришли в деревню, Анени сказал ему еле слышным голосом:

— Энанси, дружище, давай хоть на сей раз поменяемся местами. Я буду вязать сети, а ты уставай за меня.

— Нет, нет! — опять не согласился Энанси. — Ты уж раз взялся, так и продолжай своё дело.

Он принялся вязать сети, тогда как Анени, охая и вздыхая, улёгся в тени и даже закрыл глаза — словно очень устал.

Энанси, пока вязал сети, не раз хитро поглядывал на пластом лежащего Анени, строил ему всякие рожи и даже раза два показал язык. «Анени тоже, наверное, считает себя умным, — говорил про себя Энанси, — а сам дурак, просто умирает от усталости. Смотри, как охает и стонет».

Когда сети были связаны, Анени с трудом поднялся на ноги и сказал:

— Ох, Энанси, дай хоть теперь я понесу сети, а ты уставай за меня.

— Э, нет, ты иди рядом и делай, что тебе положено.

Так они и отправились к морю: один нёс сети, а другой охал от усталости. На берегу моря Анени сказал:

— Подожди, Энанси. Надо подумать. Тут плавают акулы.

Давай-ка я пойду в море один и поставлю сети, а ты, если меня схватит акула, умрёшь за меня.

— Вон чего захотел! — рассердился Энанси. — Нет, лучше я сам пойду и поставлю сети, а ты, если меня схватит акула, умирай за меня.

И он потащил сети в море.

На следующий день Энанси и Анени пошли осматривать сети и нашли в них четыре рыбы. Анени тут и говорит:

— Энанси, здесь всего лишь четыре жалких рыбёшки. Возьми их себе. Завтра рыб наверняка будет больше, и уж те возьму я.

— Как бы не так! — с негодованием ответил ему Энанси.— Ты думаешь, я такой уж лопух, что меня каждый легко может обвести вокруг пальца? Сам бери эту дрянь, а я возьму то, что мы поймаем завтра.

Анени недолго думая взял четыре рыбины, отнёс их в город и продал.

На другой день они вытащили сети и нашли в них восемь рыб. Анени и говорит:

— Посмотри-ка, Энанси, тут только восемь рыбёшек, и я рад, что сегодня твоя очередь, ведь завтра наверняка улов будет больше, и его возьму я.

— Ну нет! — опять не согласился Энанси. — Возьми-ка лучше ты эти рыбы сам, а я возьму те, что будут завтра.

Анени взял ещё восемь рыбин, отнёс их в город и продал.

Так продолжалось несколько дней. Анени преспокойненько забирал себе рыбу, а Энанси дожидался ещё большего улова.

Наконец однажды, проверив сети и вытащив попавшуюся в них всего одну рыбину, они увидели, что сети прогнили насквозь.

— Ну сегодня уж определённо твой черёд, Энанси, — сказал Анени, — и я этому очень рад. Ты бери рыбу и продай её в городе, а я возьму себе сеть и также продам. За неё, я полагаю, можно будет получить превосходную цену. Ну как, здорово я придумал?

— Хм... — пробормотал Энанси. — Подожди, зачем так спешить. Дай-ка лучше я возьму сеть и продам её, а ты бери рыбу.

И они отправились в путь. Придя в город, Анени быстро продал свою рыбу, а Энанси долго ходил взад-вперёд по городу, громко крича:

— Кому, кому гнилую сеть! Продаю прекрасную гнилую сеть!

Наконец эти крики услышал начальник города. Он страшно рассердился и приказал привести Энанси к нему.

— Что это ты в моём городе делаешь? — строго спросил он его.

— Я продаю гнилую сеть, — невозмутимо отвечал Энанси. — Это прекрасная гнилая сеть.

— Ты что, с ума сошёл? За кого ты нас считаешь? Твой напарник Анени принёс и продал хорошую рыбу, а ты стараешься всучить моим людям всякий хлам, место которому на свалке. Ты что же, издеваешься над нами? — разгневался начальник города и приказал страже побить его палками и выкинуть из города.

Ох и вопил же Энанси!

А когда, наконец, он очутился за воротами, Анени сказал ему:

— Впредь это тебе будет наукой. Ты искал дураков и сам оказался в дураках.

Энанси печально кивал ему головой.

— Да, да, твоя правда, — сказал он, почёсывая бока и спину, а потом добавил: — А ты тоже хорош напарник! Не мог взять на себя боль, когда я получал тумаки!

Почему мы так говорим?

Трудно себе представить, что такое немножко странное выражение связано с нашим милым и всем хорошо знакомым растением — одуванчиком. Но это так: научное название одуванчика — «тараксакум официане».

Известна болезнь, которую когда-то, очень давно, врачи называли «тараксис». Лечили её соком одуванчика. За это растение и получило такое мудрёное научное имя. Сок одуванчика едкий и, попадая в глаз, заставлял человека широко раскрывать глаза. Вот и получалось: попадёт в глаз сок «тараксакума», и человек широко раскрывает глаза. Теперь мы говорим — «таращит» их. Давно уже забыли люди и про эту болезнь и про лекарство из одуванчиков. На память о них остались лишь научное название растения да вот это выражение — «таращить глаза», которое ещё существует у нас.

Юрий Дмитриев

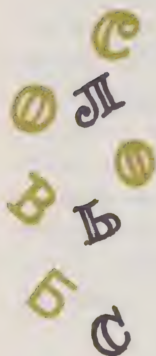

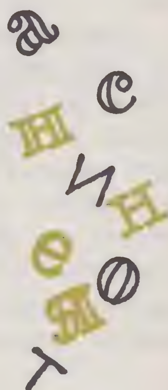
ИГРЫ БРАТЬЕВ КРУГО

ИГРЫ БРАТЬЕВ КРУГО

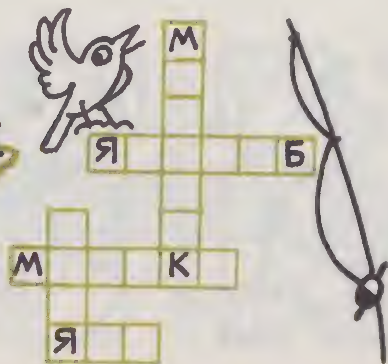
СОЛОВЬЯ БАСНЯМИ НЕ КОРМЯТ

Вот задача не простая,
Для смышлёных лучший спорт:
Надо буквы переставить
Из пословицы в кроссворд.
В нарушенье строгих правил:
«Без подсказок! Прямо в бой!» —
Я шесть букв уже поставил,
А шестпадцать — за тобой.
Не спеши! И помни твёрдо:
Вся пословица уйдёт
На строительство кроссворда.
Труден только первый ход!

ЧЬЯ ВОЗЬМЁТ?

За один конец канат
Тянут четверо ослят.
За другой его конец
Дружно тянут пять овец.

Видят мудрые слоны:
Силы спорщиков равны.
Раскраснелись два пирата,
А другой конец каната
Изо всех своих силёнок
Тянут овцы и ослёнок.

Видят мудрые слоны:
Силы спорщиков равны.
Снова тянут с двух сторон.
Спор пока что не решён,
Но слониха говорит:
«Знаю, кто-то победит!»

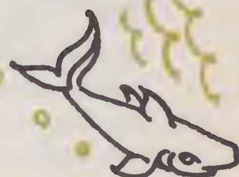
Рассчитайте поскорей,
Чья компания сильней!

ГДЕ ВОСЬМОЙ СНИМОК?

Я со скалы на дно нырнул
В подводной полутьме.
Скользя, как тени, семь акул
Навстречу плыли мне.

Успел я каждую заснять.
Когда же шёл со дна,
То, должеп честно вам сказать,
Попалась лишь одна.

На весь улов подводный мой
Спокойный бросьте взгляд:
Какая хищница восьмой
Смотрела в аппарат?

РЕМЕНЬ БАРМАЛЕЯ

Сто баранов за пять дней
Пожирает Бармалей.

Он в четверг трубил победу:
— На шесть больше съел, чем в среду!

Крикнул в пятницу: — Ура!
На шесть больше, чем вчера!

В том же темпе Бармалей
Ел баранов все пять дней.

Я хочу спросить у вас:
Сколько ел он каждый раз?

Напишите на ремне
И ремень пришлите мпе.

Никита Разговоров

ЧУДЕСНАЯ СОЛОНКА

У меня дома на полке стоят сросшиеся между собой кубики прозрачных кристаллов. Похожи они на башню маленького ледяного замка. Рядом с ними лежит белая каменная сосулька.

«Что это за камни такие?» — часто спрашивают меня. «А вы их лизните», — отвечаю. Пробуют осторожно языком и тут же удивляются: «Неужели соль?!» — «Да, говорю, самая настоящая». Вот о ней и пойдёт рассказ.

СОЛЬ В ПРИРОДЕ

Наша хорошо всем знакомая соль — минерал. Называется этот минерал галитом. Если положить соль в воду, она быстро растворится, а вода станет на вкус солоноватой.

В природе соль и вода часто неразлучны. Ведь своему рождению соль обязана воде. Путешествует она по земле тоже вместе с водой. Вернее, в воде, в которой она растворена.

Миллионы лет назад древние реки несли свои воды в древние моря и океаны. В заливах этих морей вода испарялась быстрее, чем в открытом море. В жаркое время года дно их покрывалось кристаллами соли. Чем больше испарялось воды, тем больше соли осаждалось на дне.

В разные времена истории земли облик её менялся. Там, где были древние моря, возникли горы и пустыни. А где же моря? Исчезнувшие моря находятся теперь глубоко под землёй. Остатки морских

животных и соль, скапливавшиеся на морском дне, превратились в соляные пласты и другие горные породы.

Текущие по земле воды и по сей день не прекращают свою работу. Реки и ручейки размывают соляные пласты и породы и, так же как миллионы лет назад, выносят соль в моря и океаны.

А на земле и под землёй существуют ещё и соляные горы. Обычно они имеют округлую форму и поэтому называются куполами. Образуются купола на большой глубине из отдельных пластов и скоплений каменной соли древних морей. В толще земли давление и температура очень большие. Под их действием твёрдая каменная соль становится текучей. Иначе говоря — пластичной. Попробуйте сильно сжать кусок нагретого пластилина в кулаке. Пластилин потечёт в щели между пальцами. Так и большая масса соли, ставшая пластичной, выжимается давлением горных пород и медленно поднимается к поверхности земли.

Застывшие у земной поверхности огромные массы соли образовали соляные горы.

Встречаются отдельные соляные горы и на поверхности земли. Одна из них находится в Таджикистане. Называется она Ходжа-Мумын. Высота её 880 метров.

Но не только горы из соли есть на земле. В степной части нашей страны находится очень много соляных озёр. Самые крупные из них называются Индер, Эльтон и Баскунчак. Это «сухие» озёра. Их котловины целиком заполняют пласты соли. По гладкой, блестящей поверхности такого озера летом можно ходить, даже не замочив ног.

ПРО ТО, КАК СОЛЬ ВАРЯТ

«Разве можно соль варить?» — спросите вы. Оказы-

вается, можно. На Руси начали варить соль ещё семьсот лет назад и до сих пор варят.

Давным-давно стояли по берегам Белого моря, на Каме и Вычегде, Балахне соляные варницы. Там варили, а вернее, выпаривали морскую воду и подземные рассолы.

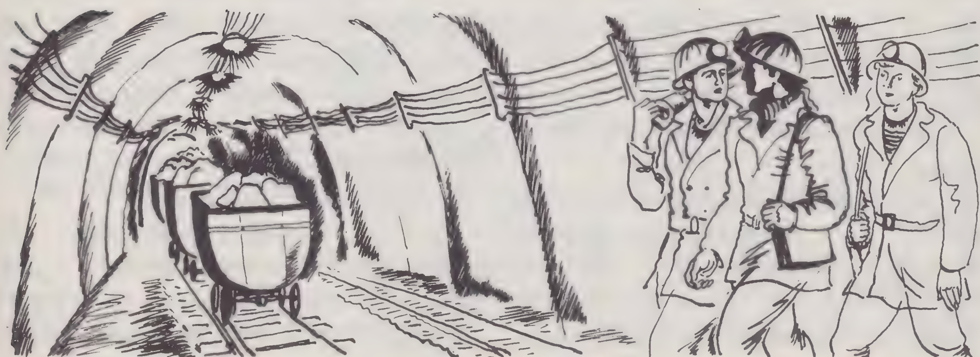
Варница — это деревянный сарай или сруб, в котором помещался похожий на сковороду большой четырёхугольный котёл. Под котлом устраивалась печь, которую топили дровами.

Рядом с варницей стояли лари для рассола и соляные амбары. В котёл заливали рассол из ларя, разжигали печь. Варничный мастер брал скребок на длинной ручке и вставал у котла. Как только рассол закипал, окутывая паром варницу, мастер мешал скребком в котле, чтобы знать, начала ли появляться в нём соль.

Долго булькал и кипел рассол, пока не густела «соляная каша». Потом печь гасили, выгребальщики вынимали лопатами готовую соль из котла и просушивали.

Так варили соль в старину; людей же, что на варницах работали, звали солеварами. Сохранилось и поныне несколько старых соляных заводов с варницами. Только сейчас на варницах люди механизмами управляют.

Варят соль больше на крупных заводах. Таких, как Усольский, что на Ангаре. Там рассол кипит и варится не в котлах-чренах, а в вакуумных аппаратах. Это специальные котлы, из которых выкачивают воздух, чтоб рассол кипел быстрее, а соль была мельче. Техника и машины на выварочном заводе самые современные. Теперь вместо солеваров операторы, аппаратчики, технологи работают. Чтобы этой сложной техникой управлять, учиться надо.

НА СТАРОМ РУДНИКЕ

Близ реки Яик, которую называют сейчас Урал-река, у подножия горы Тустеби находили когда-то кочевники-казахи куски каменной соли. Меняли они соль на хлеб и скот, оружие и украшения.

Молва о чудесной горе разнеслась далеко вокруг и достигла нашей древней столицы. И вот приказные дьяки заносят соляную гору на первую карту Российского государства — «Большой чертёж». А через столетие потянулись к соляному богатству, что лежало у поверхности земли, жадные купцы, промышленники, царские чиновники. Вслед за ними пришли в степи солдаты и казаки, сгоняя с родных мест башкир, казахов, татар.

Добывать же соль в ямах-копях они заставляли ссыльных и каторжников.

Почти сто пятьдесят лет была каторга в Соль-Илецке. Теперь же старинный захолустный город не узнать. За годы пятилеток новая жизнь пришла на соляной рудник.

Чтобы посмотреть, как добывается соль под землёй, давайте побываем в одной из шахт Илецкого рудника.

При входе в шахту, в ламповой комнате, нам дадут шахтёрскую каску и лампу. Потом подъёмная клеть быстро и плавно опустит нас на дно шахты. Здесь, на глубине трёхсот метров, по широким туннелям-штрекам гуляет прохладный ветерок. Это мощные вентиляторы гонят воздух, чтобы он всегда был чистым и свежим. Повсюду нас окружает белая, блестящая каменная соль. Где немного влажно, со сводов подземных галерей свисают соляные сосульки — сталактиты. Кажется, будто мы попали в ледяной дворец...

Под ногами — рельсы. По ним ездят электровозы с вагонетками. Вот мы свернули в короткий подземный коридор и вошли в громадный зал.

В этом зале (шахтёры называют такие залы камерами) добывают соль.

Сначала с трудом веришь, что залы сделаны человеком, — настолько велики их размеры. Потолок и стены зала сверкают в лучах прожекторов бесчисленными гранями соляных кристаллов. Вскарабкавшись по глыбам соли к потолку зала, мы увидим, как шахтёры бурят в нём скважины и кладут в них взрывчатку. Это делается для того, чтобы отбить куски и глыбы от соляной горы. Погрузочная машина — скрепер захватывает куски соли и грузит в вагонетки. Электровоз цепляет их и увозит к подъёмному стволу шахты. Там вагонетки поднимаются наверх. А потом мелют соль на мельнице. Молотую же соль автоматы насыпают в мешки и картонные пачки. Их-то мы с вами и покупаем в магазине.

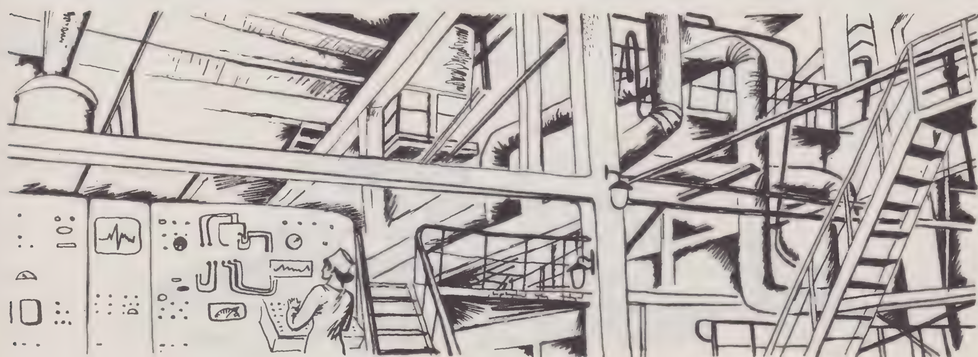
ЧУДЕСНАЯ СОЛОНКА

Чудесная солонка — это удивительное озеро Баскунчак. Из века в век добывали на Баскунчаке соль. Раньше это делали вручную. Теперь же пришли на озеро Баскунчак соляные комбайны. Они заменяют труд тысячи рабочих и добывают в год миллионы тонн соли.

Почти половину всей поваренной соли, которую вырабатывают в нашей стране за год, даёт озеро Баскунчак. За это называют его иногда «Всесоюзной солонкой».

Эшелоны и составы непрерывно везут соль с Баскунчака. День и ночь, весной и летом работают здесь комбайны.

Они движутся по железнодорожным путям, проложенным прямо в озере. Комбайн рыхлит соляной пласт, засасывает соль по трубам в дро-

билку, размалывает и промывает её. А после грузит чистую соль в стоящие рядом вагоны.

Медленно, словно корабль, движется комбайн по озеру. Рядом с ним остаётся глубокая борозда, в которой была соль.

Когда комбайн полностью вырабатывает около себя соляной пласт, надо передвинуть рельсы, и он снова будет добывать соль.

У озера Баскунчак есть чудесное свойство. Через несколько лет глубокие траншеи-борозды полностью зарастают солью. И вновь появляется на нём гладкая и ровная поверхность. Поэтому считают Баскунчак неисчерпаемым — чудесной солонкой. Черпают из озера соль, а она опять в нём появляется.

НАШЕ БОГАТСТВО

Нелёгким был путь к соляному богатству. Сотни лет владели соляными варницами, промыслами, заводами купцы, монастыри, царская казна, капиталисты.

Соли добывали мало, стоила она дорого.

И так было до тех пор, пока Октябрьская революция не покончила навсегда с соляной каторгой и гнётом. Шли годы. . .

В нашей стране геологи открыли много новых соляных месторождений. Рабочие построили мощные соляные заводы и шахты. Инженеры и учёные изобрели умные машины для её добычи. Соль стала дешёвой. Миллионами тонн добывается она теперь. А промышленности её с каждым годом нужно всё больше и больше. Поэтому строят всё новые соляные заводы и шахты. Добывают и перерабатывают не только поваренную соль, но и другие минеральные соли. Из них получают удобрения, редкие металлы, вырабатывают строительные материалы.

Так соли древних морей служат людям, помогают им получать ценные вещества.

В. Чечель

ЛЕТО

Ясно утро. Тихо веет
Теплый ветерок;
Луч как бархат зеленеет,
В зареве восток.

И. С. Никитин

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра тёплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил её края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Всё сердитей и смелей.

Солнце раз ещё взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

Ф. И. Тютчев

ЦВЕТУЩИЕ ТРАВЫ

Как рожь на полях, так в лугах тоже зацвели все злаки, и, когда злачинку покачивало насекомое, она окутывалась пыльцой, как золотым облаком.

Все травы цветут, и даже подорожник. Какая трава подорожник, — а тоже весь в белых бусинках. Раковые шейки, медуницы, всякие колоски, пуговки, шишечки на тонких стебельках приветствуют нас.

Сколько их прошло, пока мы столько лет жили, и не узнать; кажется, всё те же шейки, колоски, старые друзья.

Здравствуйте, милые, здравствуйте!

М. Пришвин

ЗАРАСТАЮЩАЯ ПОЛЯНКА

Лесная поляна. Вышел я, стал под берёзкой... Что делается! Ёлки, одна к другой, так сильно густели — и вдруг останавливались все у большой поляны. Там, на другой

стороне поляны, были тоже ели и тоже остановились, не смея двинуться дальше. И так, кругом всей поляны, стояли густые высокие ели, каждая высылая впереди себя берёзку. Вся большая поляна была покрыта зелёными бугорками. Это было всё наработано когда-то кротами и потом заросло и покрылось мохом. На эти взрытые кротами холмики падало семя и вырастали берёзки, а под берёзкой, под её материнской защитой от мороза и солнца, вырастала тенелюбивая ёлочка. И так высокие ели, не смея открыто сами высылать своих малышей на полянку, высылали их под покровом берёзок и под защитой переходили поляну.

Пройдёт сколько-то положенных для дерева лет, и вся поляна зарастёт одними ёлками, а берёзы-покровительницы зачахнут в тени.

М. Пришвин

Друзья

Школьники вошли в маленькую комнату, в которой лежал их больной товарищ. Он уже поправился, но врач велел ему провести в постели ещё денёк-другой.

— Рассаживайтесь! — сказал хозяин комнаты. Тут же он рассмеялся. Рассмеялись и гости.

Рассаживаться было не на чем. Вся обстановка комнаты состояла из кровати, стула, ночного столика и комода.

Всё же расселись: двое сели на стул, двое в ногах больного, двое примостились на подоконнике.

Не удалось устроиться только одному из гостей. Он был менее поворотлив, чем остальные, и в борьбе за места оказался побеждённым.

Впрочем, он ничем и не выразил своего недовольства. Как видно, уже одно то, что он находился в этой комнате, делало его счастливым. Он, не спуская глаз, смотрел на хозяина комнаты, и взгляд его был полон любви.

— Пушкин, — спросил он, когда шум улёгся, — ты сочинил новые стихи?

— Да, Виленька, — ответил хозяин комнаты.

— Ну прочти! Прочти же! — воскликнул неповоротливый гость. Теперь его неповоротливость исчезла. Он перебегал

А. С. Пушкин

от одной группы школьников к другой, размахивая руками, как будто хотел обнять и тех, и других, и третьих. Обнять от радости, что его товарищ сочинил новые стихи.

— Да будет тебе, Виленька, — сказал кто-то. — Ну, читай, Пушкин!

Пушкин уже не лежал, а сидел на постели.

Лучи заходящего солнца косо падали на стену, у которой он сидел, и в этих лучах лицо его казалось золотым.

В руках у него появилась тетрадка. Он перелистал её и, найдя то, что искал, громко прочёл заглавие. С первых же слов школьники поняли, что сейчас они услышат стихи, в которых будет говориться о них. Так оно и оказалось. Пушкин читал стихи о своих товарищах.

Они находились тут же, в комнате, и слушали, не сводя с него глаз.

Все эти мальчики тоже сочиняли стихи, но, слушая стихи Пушкина, они понимали, какая огромная разница между тем, что сочиняли они, и тем, что сочинял их удивительный сверстник. Разница была такая, как между оловянным солдатиком и живым воином на вздыбившемся, с разлетающейся гривой коне.

На этот раз им особенно нравилось то, что читал Пушкин. Ещё бы, ведь в этих стихах он вёл с ними товарищескую беседу, называя каждого из них по имени! То и дело раздавались взрывы хохота. Школьники узнавали свои смешные черты в том или ином стихе этой весёлой песни:

И. И. Пущин

Дай руку, Дельвиг! Что ты спишь?
Проснись, ленивец сонный!

Больше всех восхищался тот, кого называли Виленькой. Поэзию он считал призванием своей жизни, и вместе с тем ничего не было для него труднее, как написать стихотвор-

ную строчку. Он сочинял стихи и во время уроков, и по ночам, но, как ни старался, строчки у него получались такие, что их даже трудно было выговорить. Но упорно жёг он свечу в своей комнате. Он верил, что когда-нибудь и у него из-под пера вылетит стих, такой же лёгкий, такой же звонкий и так же попадающий в сердце, как стих Пушкина.

В. К. Кюхельбекер.

Пушкин любил Виленьку за его преданность поэзии, за трудолюбие, за непобедимое желание во что бы то ни стало добиться цели.

Ясно было, что стихотворение, посвящённое товарищам, не обойдётся без упоминания о Виленьке. Все ждали: что же именно скажет Пушкин о злополучном поэте? Всегда есть в сердце школьников один, над которым посмеиваются. Хоть и любят, но всё же посмеиваются. В школе, где учился Пушкин, посмеивались над Виленькой.

Виленька, наслаждаясь, слушал звонкую речь поэта. О том, что Пушкин, может, упомянет и его, он меньше всего думал. Он вообще забыл о себе, весь отдавшись поэтическому восторгу. Он чувствовал по голосу поэта и по его жесту, что чтение подходит к концу, и очень страдал от этого: ему хотелось, чтобы Пушкин читал вечно!

И вдруг он увидел, что Пушкин смотрит на него. Он понял, что сейчас прозвучат строчки, которые относятся прямо к нему. Он весь превратился в слух. Но услышать помешали ему остальные слушатели. Они разразились таким громким хохотом, что он даже поднял руки к ушам.

Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее!

Все бросились тормошить Виленьку. Ему повторили то, что прочёл Пушкин.

— Вот какие ты стихи сочиняешь! — крикнул кто-то. — Такие скучные, что от них заснуть можно!

А. А. Дельвиг.

— Давайте-ка хором! Хором! — крикнул кто-то другой и запел:

Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее!

Виленька, как сквозь туман, видел вокруг себя синие мундирчики школьников, их красные воротники. И, словно издали, доносились до него их весёлые голоса, певшие хором:

Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее!

Но тут белая рубашка появилась среди синих мундирчиков. Пушкин, вскочив с постели, подбежал к другу.

— Что я должен сделать, чтобы ты простил меня? — воскликнул он. — Ну, говори! Что же ты молчишь? О, как я себя презираю! Что я должен сделать?

Глаза Пушкина горели. Маленькими руками он комкал рубашку на своей широкой груди. Видно было, что он готов на всё.

— Что я должен сделать? Ну, говори!

— Я тебя прощу, если ты...

— Ну?

— Если ты...

— Ну, говори!

— Если ты ещё раз прочтёшь это дивное стихотворение! Ах, Пушкин, Пушкин...

И Виленька обнял друга.

— Ах, Пушкин! — повторял он. — Ведь я знаю, что ты добрый друг! А если судишь меня строго, то ведь это потому, что ты знаешь, как высок долг поэта. Ты и себе строгий судья, а что я перед тобой? Ну, прочти, прочти ещё раз! Тебя можно слушать вечно, Пушкин!

Юрий Олеша

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как ду́ша, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

А. С. Пушкин

МОРСКАЯ ДУША

(Из фронтовых записей)

Шутливое и ласкательное это прозвище краснофлотской тельняшки, давно бытовавшее на флоте, приобрело в Великой Отечественной войне новый смысл, глубокий и героический.

В пыльных одесских окопах, в сосновом высоком лесу под Ленинградом, в снегах на подступах к Москве, в путаных зарослях севастопольского горного дубняка — везде видел я сквозь распахнутый как бы случайно ворот защитной шинели, ватника, полушубка или гимнастёрки родные сине-белые полоски «морской души». Носить её под любой формой, в которую оденет моряка война, стало неписаным законом, традицией. И, как всякая традиция, рождённая в боях, «морская душа» — полосатая тельняшка — означает многое.

Так уж повелось со времён гражданской войны, от орлиного племени матросов революции: когда на фронте нарастает опасная угроза, Красный флот шлёт на сушу всех, кого может, и моряки встречают врага в самых тяжёлых местах.

Их узнают на фронте по этим сине-белым полоскам, при-

крывающим широкую грудь, где гневом и ненавистью горит гордая за флот душа моряка — весёлая и отважная краснофлотская душа, готовая к отчаянному порой поступку, незнакомая с паникой и унынием, честная и верная душа большевика, комсомольца, преданного сына Родины.

Морская душа — это решительность, находчивость, упрямая отвага и неколебимая стойкость. Это весёлая удаль, презрение к смерти, давняя матросская ярость, лютая ненависть к врагу. Морская душа — это нелицемерная боевая дружба, готовность поддержать в бою товарища, спасти раненого, грудью защитить командира и комиссара.

Морская душа — это высокое самолюбие людей, стремящихся везде быть первыми и лучшими. Это удивительное обаяние весёлого, уверенного в себе и удачливого человека, немножко любующегося собой, немножко пристрастного к эффектности, к блеску, к красному словцу. Ничего плохого в этом «немножко» нет. В этой приподнятости, в слегка нарочитом блеске — одна причина, хорошая и простая: гордость за свою ленточку, за имя своего корабля, гордость за слово «краснофлотец», овеянное славой легендарных подвигов матросов гражданской войны.

Морская душа — это огромная любовь к жизни. Трус не любит жизни — он только боится её потерять. Трус не борется за свою жизнь — он только охраняет её. Трус всегда пассивен — именно отсутствие действия и губит его жалкую, никому не нужную жизнь. Отважный, наоборот, любит жизнь страстно и действенно. Он борется за неё со всем мужеством, стойкостью и выдумкой человека, который отлично понимает, что лучший способ остаться в бою живым — это быть смелее, хитрее и быстрее врага.

Морская душа — это стремление к победе. Сила моряков неудержима, настойчива, целеустремлённа. Поэтому-то враг и зовёт моряков на суше «чёрной тучей», «чёрными дьяволами». Если они идут в атаку — то с тем, чтобы опрокинуть врага во что бы то ни стало.

Если они в обороне — они держатся до последнего, изумляя врага немыслимой, непонятной ему стойкостью.

И когда моряки гибнут в бою, они гибнут так, что врагу становится страшно: моряк захватывает с собой в смерть столько врагов, сколько он видит перед собой.

В ней — в отважной, мужественной и гордой морской душе — один из источников победы.

Л. Соболев

ФЕДЯ С НАГАНОМ

В раскалённые дни штурма Севастополя из города приходили на фронт подкрепления. Краснофлотцы из порта и базы, юные добровольцы и пожилые рабочие, выздоровевшие (или сделавшие вид, что выздоровели) раненые — все, кто мог драться, вскакивали на грузовики и, промчавшись по горной дороге под тяжкими разрывами снарядов, прыгали в окопы.

В тот день в Третьем морском полку потеряли счёт фашистским атакам. После пятой или шестой моряки сами кинулись в контратаку на высоту, откуда немцы били по полку фланговым огнём. В одной из траншей, поворачивая против фашистов их же замолкший и оставленный здесь пулемёт, краснофлотцы нашли возле него тело советского бойца.

Он был в каске, в защитной гимнастёрке. Но когда, в поисках документов, расстегнули ворот — под ним увидели знакомые сине-белые полоски флотской тельняшки. И молча сняли моряки бескозырки, обводя глазами место неравного боя.

Кругом валялись трупы фашистов — весь пулемётный расчёт и те, кто, видимо, подбежал сюда на выручку. В груди унтер-офицера торчал немецкий штык. Откинутой рукой погибший моряк сжимал немецкую гранату. Вражеский автомат, все пули которого были выпущены в фашистов, лежал рядом. За пояс был заткнут пустой наган, аккуратно прикреплённый к кобуре ремешком.

И тогда кто-то негромко сказал:

— Это, верно, тот... Федя с наганом...

В Третьем полку он появился перед самой контратакой, и спутники запомнили его именно по этому нагану, вызвавшему в машине множество шуток. Прямо с грузовика он бросился в бой, догоняя моряков Третьего полка. В первые минуты его видели впереди: размахивая своим наганом, он что-то кричал, оборачиваясь, и молодое его лицо горело яростным восторгом атаки. Кто-то заметил потом, что в руках его появилась немецкая винтовка и что, наклонив её штык внерёд, он ринулся один в рост к пулемётному гнезду.

Теперь, найдя его здесь, возле отбитого им пулемёта, среди десятка убитых фашистов, краснофлотцы поняли, что́ сделал в бою безвестный черноморский моряк, который так и вошёл в историю обороны Севастополя под именем «Феди с наганом». Фамилии его не узнали: документы были неразличимо залиты кровью, лицо изуродовано выстрелом в упор.

О нём знали одно: он был моряком. Это рассказали сине-белые полоски тельняшки, под которыми кипела смелая и гневная морская душа, пока ярость и отвага не выплеснули её из крепкого тела.

Л. Соболев

СЕРДИТЫЙ ВЕТЕР

И небо синело, и солнце пекло,
И море сверкало, как в окнах стекло.
Но ветер погоде решил насолить:
Собрал в небе тучи и море стал злить.
Волна за волною спешит к берегам
И с пеной на гребнях ложится к ногам.
Уж мелкая галька сердито шуршит,
А море всё больше от ветра штормит.
Внезапно луч солнца сквозь тучи проник,
И ветер обжёгся, затих и поник...
Обиделся ветер на солнечный луч,
И спрятал его в глубине чёрных туч.
И снова на море обрушил он шквал,
Со злости и тучи на части порвал.
Заплакали тучи обильным дождём:
«Чем с ветром бороться, мы лучше уйдём!»
Очистилось небо, и солнце зажглось,
А ветер в испуге забыл свою злость.
Оставил он море, улёгся в траве
И весь растворился в дневной синеве.

В. Романов

Поющая лапша

Я вышел на палубу.

Краны молчали. У японских грузчиков начинался ужин. Одни из них сидели на корточках у стены пакгауза и быстро ели из пластмассовых коробок палочками рис. Другие ловко макали в коричневую соевую подливу листья морской капусты, деловито отправляли их в рот и от удовольствия покачивали головой. Кто приправлял свой ужин кусочками рыбы, кто ракушками.

Небо становилось фиолетовым, поздним. А тишина — дальней-дальней, на весь залив.

В это время из-за пакгауза донёсся звон колокольчика: динь-дон, динь-дон... Он повторился, и на причал въехала маленькая коляска с ящиком. Вёз её невысокий хрупкий мальчуган. Рубашка у него была выпущена поверх брюк и раскачивалась в такт шагам... Смотрел он по сторонам нерешительно, даже застенчиво, будто чувствовал себя не очень ловко.

Но вот кто-то из грузчиков окликнул его и подбежал с коробкой в руке.

Мальчик остановился, открыл ящик, из которого дохнуло облачко пара, зачерпнул поварёшкой и положил в коробку порцию лапши. Грузчик бросил мальчику монетку, а тот уже доставал новую порцию: к нему торопился второй грузчик и от стены поднимался ещё один.

Мальчик положил им тоже и окинул взглядом остальных: не хочет ли ещё кто.

Но грузчики больше не обращали на него внимания. Одни прикорнули на часок в проходе на палубе, другие,

расстелив газеты, ложились вздремнуть прямо на бетонном причале. И мальчик быстро покатил тележку к другим судам.

— В прошлый раз старик ездил, — сказал кто-то из матросов.

— Может, дед заболел,— предположил вахтенный. — Или просто послал парнишку учиться делу. Жить-то надо! Каникулы. . . — грустно усмехнулся он. — «Лапша под песню». Идёт поёт: «Лапша, лапша!» И повозка-то называется «Поющая лапша».

Издалека, в самом деле, как однообразная песня, доносился тонкий крик мальчика.

Быстро наступил вечер, стало прохладно. Иероглифы на зданиях запылали, как под ветром уголья в костре. Вдалеке, справа, неоновым сиянием засветился Токио.

Грузчики взялись за работу. А внизу, за трапом, снова раздалось: динь-дон, динь-дон. . . Мальчик опять толкал свою тележку — в обратную сторону.

Теперь он шагал устало и только изредка всё ещё поглядывал вверх в надежде на случайного покупателя.

Но покупателей не было, и он, сонно пригнувшись, шёл дальше.

— Так и будет ездить, пока всё не распродаст. Куда денешься? — сказал вахтенный.

Я постоял ещё, прислушиваясь к плеску воды, и отправился в каюту.

Наступала ночь.

Я прилёг на койку и смотрел в иллюминатор.

Вот засветилось на небе несколько звёзд. Потом под резкий заунывный гудок по пакгаузу пробежал синий свет — по причалу проехала ночная полицейская машина. Крикнула испуганная чайка и успокоилась.

Только с палубы иногда раздавался мерный скрип троса.

А с причала, то издалека, то совсем рядом, всё слышалось: динь-дон, динь-дон, как грустная колыбельная, от которой невозможно было уснуть.

Внучка Фудзиямы

Как-то в маленьком японском порту рабочие пригласили нас в посёлок, к самой Фудзияме, рассказать о Советской стране, посмотреть на Фудзи, которую, как человека, с уважением называют «Фудзи-сан».

Мы собирались было извиниться: некогда. Но японцы зашумели: «Сёкай—дружба!» И мы поехали.

Сначала всё вокруг забивал туман. Не только Фудзиямы, а и дороги не видно — такой туманище!

Провожатые виновато шутили:

— Не видно Фудзи! Фудзи-сан сегодня не в настроении.

Но вот пробежал поверху ветер, смахнул туман, облака. И среди неба забелела снегами величественная, красивая гора. Как белая шляпа над Японией. Засияла, заискрилась.

Японцы сразу оживились:

— О, видите, Фудзи-сан развеселилась! Гостей встречает!

У подножия горы на зелёных полях старательно наклонялись к земле крестьяне. А на головах у них сияли островерхие шляпы — совсем как маленькие Фудзиямы.

Народу вечером набилось в рабочий клуб — ступить

некуда. Кто в красивом халате, кто в робе — после работы маленькую «фудзияму» на коленях держит.

Вышли мы на сцену, рассказали о Москве, о Владивостоке. О том, как живём, работаем. Даже спели. Раз просят, отчего не спеть!

Японки наградили нас цветами. А японцы поклонились, говорят:

— Теперь наши песни послушайте!

Один старичок сыграл на старинной флейте.

Потом паренёк то ли песню спел, то ли стихотворение рассказал.

А под конец поднялся рабочий — прямо в робе — с двумя дочками. Засмеялся весело и объявил:

— Сейчас мы споём для друзей японскую народную песню «Катюша».

Тут засмеялись и мы и японцы, зааплодировали. И все запели!

И не успели допеть песню — выбежала на сцену ещё одна девчушка. Совсем маленькая, в большой «фудзияме».

Третья дочка!

Замахала ладошкой на сестёр в обиде, заплакала: отчего не подождали. Ей тоже перед гостями выступить хочется!

Подождали бы, да ведь нам некогда! «Сёкай—дружба!» — хорошо, но пора на судно!

Окружили нас друзья, вручили букеты и повели к автобусу. Усадили нас, а сами взялись за руки, раскачиваются и кричат:

— Дружба — сёкай!.. Дружба — сёкай!..

И мы было ответили. Да слышим, девчоночий голосок в окно доносится.

Выглянули, а это маленькая певунья забралась отцу на плечи и что есть силы для нас японскую песню затягивает! Всех перекричала, пересилила.

— Ну, боевая! — развеселились мы. Собрали все цветы в один букет и протянули девочке. Заработала! Всю букетом закрыли, одна соломенная «фудзияма» над цветами высится.

Я потом не раз проплывал мимо этих мест. Выйду, бывало, на палубу, смотрю в сторону гор и всё вижу: шумит вокруг нашего автобуса толпа, а над ней — две Фудзиямы.

Одна вдали, большая, снежная. Сияет над всей Японией. А другая — маленькая, словно её внучка — сидит на отцовских плечах за букетом цветов, и только громкий голос из-под шляпы доносится. Для друзей поёт!

Виталий Коржиков

ОТВЕЧАЙТЕ, ПРАВДА ЛИ?

В этот час, весёлый час,
Вам загадок я припас,
Адандáли-дáндали!

Вам загадок я припас,
Уж поспрашиваю вас,
Адандали-дандали!

Вьюга поле замела,
И чинара вся бела.
Отвечайте,
Правда ли?

В марте стаял снег и лёд.
Это к нам зима идёт.
Отвечайте,
Правда ли?

Любит кошка на обед
Виноград и винегрет.
Отвечайте,
Правда ли?

Ночью в дождик, как пастух,
Вывел кур гулять петух.
Отвечайте,
Правда ли?

Лебедь плавает в пруду —
Спит на яблоне в саду.
Отвечайте,
Правда ли?

Шерсть смотали мы в моток.
Выйдет шёлковый платок.
Отвечайте,
Правда ли?

Хоть улитка и мала,
Целый домик унесла.
Отвечайте,
Правда ли?

Закудахтал пёс Барбос
И в гнезде яичко снёс.
Отвечайте,
Правда ли?

Лапой — хвать, зубами — щёлк!
Хищник — тигр и хищник — вол
Отвечайте,
Правда ли?

Верно, дети! Молодцы!
Всем в награду леденцы.
Адандали-дандали!

Вот растаял леденец,
И стихам пришёл конец.
Адандали-дандали!

Адандали-дандали!

Гиви Чичинадзе

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. Ф. КОКОРИНОВА, РУССКОГО АРХИТЕКТОРА.

ДРУГ ДЕТЕЙ И ХУДОЖЕСТВ

В тот вечер на углу Невского проспекта и Малой Садовой улицы собралось много любопытных жителей Петербурга.

Всякое доводилось им видеть, но такого не могли припомнить даже старожилы.

Все взоры были обращены на недавно построенный дворец. На его нарядном фасаде сверкали огни иллюминации. Свет из высоких окон лился потоками. Играла музыка.

К главному подъезду величаво подкатывали золочёные кареты. Выходившие из них вельможи и придворные дамы ступали на роскошные ковры и дорогие меха.

Граф Шувалов, всесильный фаворит императрицы Елизаветы Петровны, справлял новоселье.

— Ну как? — спросил хозяин дома Михаила Васильевича Ломоносова, когда тот очутился рядом с ним, выйдя из пёстрой толпы веселившихся гостей.

— Достойно оды. Вдохновляет, — ответил Ломоносов.

Михаил Васильевич не лю-

бил подобострастия и не льстил Шувалову, расхваливая дворец. Ему понравились великолепие и стройность здания, каменные узоры, убранство парадной лестницы, танцевальной залы, столовой.

За эти часы, проведённые на празднестве, Ломоносов не раз слышал, как гости обсуждали богатство и вкус Шувалова. Но с ещё большим изумлением произносилось имя архитектора, которое прежде никто и не знал: Александр Филиппович Кокоринов.

Петербургская знать, презиравшая народ, восторгалась всем иностранным, и теперь князья и графы пожимали плечами:

— Кто бы мог подумать, что такую красоту способен создать русский человек, родившийся, сказывают, на краю света!

Урал, откуда приехал Кокоринов, представлялся вельможам диким краем, где целый год лежит снег и обитают одни медведи.

— Знали бы вы, господа, Урал... — горько прошептал Ломоносов, пробираясь к раскрытому окну. Ему было душно среди всей этой разряженной глупости, чванства, лицемерия. Он видел не расшитые мундиры и крикливые маскарадные маски, а сказочно богатые горы, таившие в своих недрах самоцветы, золото, руду. Над тайгой подымались дымы заводских труб, скрипели огромные водяные колёса...

Сноровистый промышленник Демидов получил уральские земли в собственность от Петра Первого. С разных концов страны согнали сюда трудовой люд, и дело пошло. Строить приходилось много, поэтому Демидов решил завести своего архитектора — умного, но не именитого, чтобы на него во всём можно было положиться, а жалованья большого не платить.

Этим архитектором был отец Кокоринова. Сын пошёл по родительским стопам.

Вскоре об одарённом молодом человеке узнал Шувалов. Вызвал к себе, поручил строить дворец. Условие поставил одно: чтобы все, глядя на дворец, дивились и восторгались до слёз.

Во многих государственных делах преуспел Шувалов, но ни милости императрицы, ни лесть придворных не могли насытить его жажду славы. Он мечтал войти в историю как самый глубокий знаток науки и лучший ценитель искусств.

Чтобы достигнуть желанной цели, Шувалов покровительствовал Ломоносову, построил прекраснейший дворец, посоветовал императрице открыть Академию художеств, а себя назначить её начальником. Конечно, сам он не хотел

вникать в каждодневную деятельность этого учреждения. Шувалову требовался надёжный и верный помощник. Такого он нашёл в Кокоринове.

И вот у Александра Филипповича Кокоринова началась новая служба. Когда он познакомился с учениками и узнал, как ведутся занятия, то ужаснулся.

В Академию художеств набрали бедных подростков и малышей-сирот: богатые люди тогда считали, что рисовать и лепить ниже их достоинства.

Учителями поставили немцев и французов, которые заставляли малышей срисовывать картины заморских живописцев. Мальчики этого пока ещё не умели, а иностранный язык вовсе не знали. И их же нещадно наказывали. Каждый день секли розгами, ставили коленами на горох, рассыпанный по полу, запирали избитыми и голодными в тёмный и сырой чулан, где водились мыши.

Кокоринов запретил издеваться над учениками и заставил учить их по-русски. Он составил новую программу и читал с увлечением лекции, радуясь способностям и успехам начинавших художников. Те, почувствовав заботу, отдались искусству всем сердцем.

А занятия по-прежнему проходили в неудобном помещении. Наконец разнеслась долгожданная весть: императрица соизволила отпустить средства на постройку огромного здания для Академии художеств. Его проект поручили Кокоринову, и он блестяще справился с ним. О Кокоринове заговорили.

Общительный и жизнелюбивый Кокоринов подружился со многими известными петербуржцами. Аристократы считали за честь принимать его у себя. Уральский миллионер Демидов согласился выдать

замуж за преуспевающего архитектора свою дочь.

Но среди ясного неба грянул гром. На престол взошла новая императрица — Екатерина Вторая. Шувалов попал в немилость. Руководство Академией художеств поручили другому вельможе, который отнёсся к Кокоринову с неприязнью и подозрительностью. С удовольствием он выслушивал всякие сплетни и небылицы, которые сочинялись завистниками Александра Филипповича. Его слава многим колола глаза, а любовь к ученикам и преданность искусству раздражала тех, кто смотрел на службу в Академии художеств как на средство для получения чинов и наград.

Характер Кокоринова переменился. А когда его оклеветали, обвинив в воровстве, Александр Филиппович стал быстро худеть, избегать встреч и разговоров.

Всё больше и больше бледнело его лицо, сутулились плечи, мрачнел взгляд. И однажды сердце затравленного архитектора не выдержало...

А годы шли. Строительство нового здания Академии художеств подошло к концу. У невских вод вырос удивительный дворец. Но вновь петербургские вельможи и заграничные знаменитости разводили руками. Они не могли понять, что такое чудо сотворил не иноземец, а русский.

Постепенно о Кокоринове забыли. Но ученики, к которым так ласково и участливо отнёсся Александр Филиппович, возмужали и прославили своим творчеством родное искусство.

Многие наши художники учились в доме, которому Кокоринов отдал свои знания и любовь, о котором продолжал думать и в те печальные дни, когда от него, как от зачумлённого, отстранились недавние друзья.

И сегодня в этом величавом и стройном здании слышны молодые голоса, а по лестницам и коридорам спешат на занятия студенты с этюдниками и альбомами.

И. Купцов

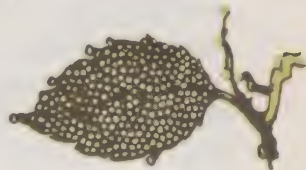

ЧУДО

С листьев утром я в лесу
В пригоршню стряхнул росу.
Капля к капельке легла,
Донесу ли до села?
У росинок синий взгляд,
Раскатились и звенят.
В каждой солнце кружится,
Вдруг столкнулись — лужица.
Нет, домой не понесу
Я разбитую росу,
Что была лесной красой,
Кто поверит — я с росой?!
Воду выплеснул — росинки
Вновь повисли на осинке.
Пусть они горят покуда.
Кто пройдёт — увидит чудо.

Иван Жупанов

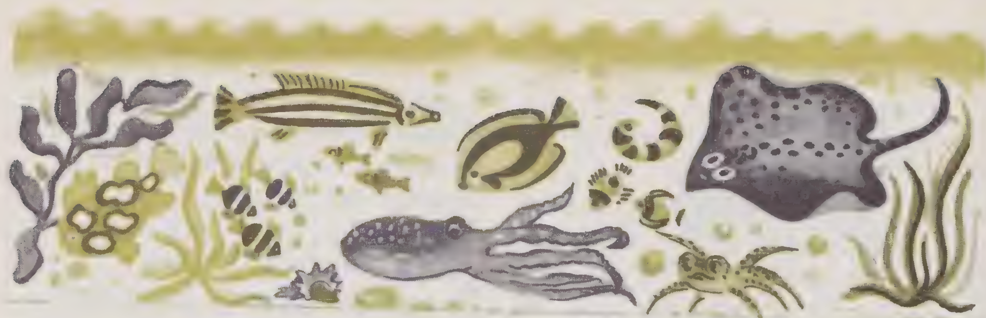

* * *

На вершинах горных
Запылали горны,
Запылали горны
Утренней зари.
И сверкнули косы
В серебристых росах,
В серебристых росах
Косят косари.
Вдох такой глубокий,
Взмах косы широкий,
Взмах косы широкий —
Строчкою трава.
Обвевает руки
Ветерком упругим,
Ветерком упругим
Дышит синева...

Виктор Яковченко

О СТРАШНЫХ И БЕЗОБИДНЫХ РЫБАХ

Рыбы-гиганты

В разных книгах про акул всегда пишут как о самых кровожадных созданиях. И вправду акулы, самые крупные рыбы, необыкновенно прожорливы. Они заглатывают всё. Живое и неживое, съедобное и несъедобное — всё поглощается ими. Чего только не находили в желудках пойманных акул! Разных рыб, морских черепах, птиц, части китов и тюленей, мешки с углем, рога оленей, кожаные сумки, консервные банки, бутылки, тряпки, большущие эмалированные кастрюли, огромные тыквы и арбузы. В желудке одной четырёхметровой акулы оказалось 45 килограммов добычи, а пятиметровая акула целиком проглотила своего двухметрового сородича. Быстрые и неутомимые пловцы, акулы мгновенно настигают облюбованную жертву. Очень долго акулы могут сопровождать быстроходные суда, питаясь корабельными отбросами. Многие акулы опасны для человека, они нападают на купающихся и на занимающихся подводной охотой.

Однако не следует думать, что чем больше акула, тем она страшней. Самые большие среди акул — это китовые и гигантские акулы. Их и назвали так из-за огромных размеров: рыбы длиной в 15 метров. И при этом колоссального веса. Даже при длине 11—12 метров китовая акула весит почти 14 тонн.

Самое удивительное, что эти гиганты питаются исключительно находящейся в воде

мелочью: малюсенькими рачками, моллюсками, икрой рыб. Попадая в рот с водой, пища задерживается, а вода вытекает через жаберные щели. За один только час акула процеживает около 1500 кубометров воды! Желудки и у этих акул чрезвычайно большие. У одной гигантской акулы в желудке оказалась целая тонна красноватой густой пасты из рачков.

Акулы-гиганты—очень миролюбивые рыбы. Многие аквалангисты вплотную подплывали к китовой акуле и не только фотографировали её, но и трогали руками. Находились даже смельчаки, которые садились на неё верхом и совсем не боялись.

Морские пегасы

Почти все знают, что Пегас — это сказочный конь. В мифах Древней Греции рассказывается, как крылатый конь Пегас ударом своего копыта выбил из горы источник. Тот, кто пробовал воду из этого источника, начинал говорить стихами. Отсюда появилось выражение «оседлать Пегаса» — значит сделаться поэтом.

Но мало кто знает, что, кроме этого мифического Пегаса, которого никто не видел, есть пегасы настоящие. Их можно увидеть в Индийском или Тихом океанах. Вот оседлать таких пегасов невозможно. Потому что это маленькие

рыбки, не длиннее 18 сантиметров. «Пегасами» их назвал два века тому назад шведский учёный Карл Линней, так как они напомнили ему крылатого коня. В самом деле, негнущиеся плавники этих рыб похожи на крылья и придают им сходство со знаменитым сказочным конём.

Из-за своего необыкновенного вида засушенные пегасы охотно раскупаются туристами как сувениры.

Надувные шары

Можно ли спрятать в кармане воздушный шарик? Конечно, если выпустить из него воздух. А когда захотелось поиграть с шариком, вынул его из кармана и надул. Так все делают, и ничего необык-

новенного в этом нет. Но удивительно, что так поступают и некоторые рыбы...

Есть рыбы, у которых от желудка отходит большой мешок. Рыба может заполнять его или воздухом, или водой.

Когда такую рыбу вытаскивают из воды, то она заглатывает воздух и сразу же раздувается в шар. Брошенная назад рыба-шар сначала плавает брюхом кверху и кажется совершенно беспомощной. Вдруг рыба с шумом выпускает воздух и быстро уходит под воду. Там она может спрятаться в каком-нибудь подходящем убежище.

Бывает, что рыбы раздуваются в шары и под водой. В этом случае свои мешки они заполняют водой. Это проис-

ходит тогда, когда рыбе угрожает опасность, а ей негде укрыться. Превращение в шар помогает ей спастись. Действительно, рыбы-шары почти неуязвимы: живой шар невозможно проглотить. А если хищная и неразборчивая рыба всё же попытается съесть раздутую в шар рыбу, то это плохо кончается для обеих. Хищных рыб находили мёртвыми с застрявшими у них в глотке жертвами.

Рыбы-барабанщики

Кто каркает? Конечно, вороны! Кто хрюкает? Разумеется, свиньи! А рыбы? Ну, про них говорят: «Молчит как рыба». Но оказывается, есть рыбы, которые могут и каркать, и хрюкать, и издавать разные другие звуки.

Тихой ночью у Атлантического побережья Америки рыбаки иногда слышат звуки, похожие на гудки, подаваемые судами в тумане. Но опытные моряки знают, что это гудит рыба. Из-за толстой приплюснутой головы и широкого рта она получила название «жаба-рыба». Каждую минуту раздаётся 2—3 гудка. Да каких! Вблизи рыбы эти гудки напоминают шум проходящего рядом поезда. После мощного гудка «бууп» следует короткое хриплое ворчание, заканчивающееся протяжным рычанием.

А рыбы бумперы, живущие у берегов Африки и Америки, тихо похрюкивают. Но если выловить бумпера на палубу, он начинает громко хрюкать. Как настоящая свинья, хрюкает и пойманная аргентинская умбрина. А золотистый каранкс умеет каркать не хуже вороны.

Среди рыб есть и умеющие отбивать барабанную дробь. Они так и называются — «морские барабанщики». По барабанным звукам рыбаки находят скопления этих рыб.

Получаются звуки у рыб благодаря особому устройству их плавательного пузыря; некоторые звуки они издают плавниками и даже зубами.

Рыбы звуками общаются друг с другом, подают разные сигналы, предупреждают об опасности, а иногда и устрашают. Кроме того, отражаясь от разных предметов, звуки дают рыбе представление о том, что вокруг неё находится.

Рыбы, издающие звуки, водятся только в тропических водах.

Рыбье молоко

Живущую в реках Южной Америки рыбку симфизодона назвали королевой рыб. Наряд её поистине королевский. Многие путешественники, восхищённые красотой симфизодонов, привозили этих пёст-

рых ярких рыбок к себе домой. Рыбок помещали в просторные аквариумы. Давали им отборный корм. Любители аквариумных рыб мечтали получить потомство от привезённых симфизодонов.

Вдали от родных мест рыбки успешно стали метать икру. Эту драгоценную икру бережно переносили в отдельные аквариумы — боялись, как бы взрослые рыбки её не съели. Из икринок благополучно выклёвывались личинки. Но вскоре все они погибали, отказываясь от любой пищи. Чего им не хватало, никто не знал. Некоторые шутили: «Наверно, личинок надо вскармливать рыбьим молоком». Шутники были близки к истине...

Потеряв всякую надежду вырастить этих рыбок, выметанную икру оставили в аквариуме со взрослыми симфизодонами. И тогда неожиданно для всех личинки начали поразительно быстро расти. Оказалось, что они питаются слизью, которая выделяется на коже обоих родителей. Чем не рыбье молоко? Подплывая то к отцу, то к матери, они с удовольствием поглощают это молоко. Кроме него, им ничего и не надо! Так во многих странах удалось развести симфизодонов.

М. Аспиз

РЫБОЛОВ

За город начал
Рыбак собираться.
Удочку взял,
Чтобы рыбу ловить,
Взял дождевик,
Чтобы им укрываться,
Взял самовар,
Чтобы чай кипятить.

Взял он кровать,
Чтобы спать на кровати.
Взял он ковёр,
Чтоб на нём загорать.
Взял он дрова,
Чтоб ему не искать их,
Взял чемодан, —
Почему бы не взять?!

Взял керогаз,
Полотенце,
Мочалку,
Книги,
Журналы,
Кресло-качалку,
Лампу,
Ружьё,
Сапоги,
Одеяло.
Взял он собаку,
Чтоб всё охраняла.

Ровно две тысячи
Нужных вещей
Стал он укладывать
В лодке своей.

Лодка качнулась,
Воды зачерпнула,
Перевернулась
И вмиг утонула.

Ровно неделю потом
Из реки
Вещи вытаскивали
Рыбаки.

И говорили:
— Послушай, чудак,
Ты кто угодно,
Но не рыбак.
Ведь для хорошего
Для рыбака
Удочка только нужна
И река!

Э. Успенский

КАЛАНЫ

Сумерки быстро опускались на грохочущий океан. Морские бобры, или, как их ещё называют, каланы, начали собираться в небольшие стада, чтобы отправиться на ночлег подальше от берега. Даже любимые каланами тихие бухты в эту ночь не дали бы спокойного приюта осторожным зверям.

А тут ещё появились на острове Уруп какие-то непонятные существа. И каланы поплыли прочь, в заросли морской капусты — ламинарии. Там было тише, чем всюду, даже в самый сильный шторм: заросли приглушали волну.

Каланы поплавали немного возле зарослей, потом стали укладываться на ночлег. Делали они это так: долго крутились волчком на одном месте, наматывая на себя толстый слой длинных и крепких листьев морской капусты. Так они привязывали себя на ночь, чтобы не унесли их в океан морские течения, и засыпали на спине...

Всё это наблюдали с берега те, которых каланы видели в первый раз.

Ночью к зарослям подплыла шлюпка, и люди забросили большую сеть с очень крупной ячеёй.

В сеть попало что-то тяжёлое, живое. Кто-то тихо и радостно сказал:

— Есть!..

Пойманный зверь яростно сопротивлялся, грыз сеть, барахтался в шлюпке, едва не опрокинул её.

Зачем же люди ловили каланов? Ведь промысел их давно запрещён! Дело в том, что это были не промысловики-зверобои, а научные работники, приехавшие на Курильские острова изучать жизнь редкого зверя.

Учёным повезло. Они поймали несколько каланов. Зверей, похожих на огромных речных выдр, поселили в специально построенную для них вольеру, прямо в прибрежной полосе, в морской воде. Это было хорошо и каланам, и учёным, и нашей киногруппе. Редкого зверя можно было наблюдать и снимать вблизи...

Утром все пошли смотреть каланов. Глядя на них, люди вспомнили легенду об их происхождении.

...Далеко-далеко, на островах, близ которых океан впервые встречается с землёй, жило красивое, сильное, доброе племя. Самый красивый и сильный юноша и самая

красивая девушка племени крепко любили друг друга. Вместе росли они в этих чудесных местах, вместе уходили на острова и в океан добывать зверя и рыбу...

Но на острове появились хитрые и вероломные чужеземцы. Их предводителю приглянулась красивая девушка, и он захотел взять её в жёны себе. Куда деваться бедным влюблённым? Кругом океан! Попросили они помощи у племени. Не могло помочь им племя. Что оно могло сделать с сильным, коварным и многочисленным врагом...

Так и не узнали юноша и девушка счастья на земле. А жить порознь не захотели. И, обнявшись, бросились в океан.

Когда их соплеменники подбежали к берегу, они уже никого не увидели. Только угрюмо шумели волны.

Потом на этом месте выплыли невиданные ранее звери. Два. Это были каланы. Больше всего звери боялись людей...

Это только легенда. Но когда смотришь на каланов, то постепенно начинаешь замечать, как много человеческого в их повадках!

Удивительно их отношение к малышам. Плавая на спине, они крепко держат детёнышей в передних лапах. Затем вдруг прижимают малышей к груди, ласково треплют. Иногда подкидывают вверх и ловят. Совсем как у людей. Есть, правда, разница: делается это не в тёплой и уютной квартире, а над грохочущей пучиной океана...

Каждое утро всё малочисленное население научного посёлка отправлялось на промысел готовить обед каланам. Одни ловили рыбу: на каждого калана надо полпуда свежей рыбы в день. Другие бродили по прибрежным отмелям, ворочали камни, осматривали заливчики и бухточки, искали морских ежей. Морские ежи у каланов такое же лакомство, как у детей сласти.

Поедают рыбу каланы так: переворчиваются на спину и, держа её в передних лапах, откусывают небольшими кусками. А из морских ежей вылизывают содержимое, скорлупу же отбрасывают в сторону. После обеда животные любовно разглаживают складки своей дорогой шубы, самой дорогой в мире. Массируют морду, грудь, живот.

Потом каланы взбираются на большие плоские камни и предаются каким-то своим мыслям. А позже дремлют. И борются с дремотой тоже, как люди. Сомкнут устало глаза, потом с трудом открывают их.

Однажды, когда каланы спали, кто-то поймал по ма-

ленькой экспедиционной рации джазовую музыку. Это был бешеный твист. Вдруг каланы, спавшие после обеда на камнях, встрепенулись, подняли вверх усатые морды и с шумом бросились в воду. Они гонялись друг за другом. Они много-много раз переворачивались — и вокруг своего туловища, и через голову, и через хвост. Они выделывали такие фигуры, что сам король твиста умер бы, наверное, от зависти, увидев этот танец каланов...

Да, удивительно много человеческого в поведении каланов! И именно с каланами человек обошёлся наиболее жестоко. Гордость и красота калана — самый дорогой и самый прочный в мире мех стал его бедой. Каланов начали беспощадно истреблять. Промышленникам платили щедро: на одну чашку весов клали шкуру калана, а на другую столько же золота.

Поэтому к тридцатым годам нашего века морские бобры почти полностью исчезли. А ведь ранее их было очень много: они жили на всех островах от Японии до Камчатки, на островах Беринга и Медном, на полуостровах Калифорния и Аляска. Берингово море, между прочим, ранее называли Бобровым. И сейчас ещё остались на его островах Бобровая бухта, Бобровый камень... Учёные некоторых стран пытались акклиматизировать каланов, но пока у них ничего не получается. Недаром, наверное, говорится в древней легенде, что больше всего на свете каланы боятся людей.

Но у наших учёных, работавших над воспроизводством стада каланов, дела шли лучше. Каланы брали корм из рук, знали свои клички и даже скучали без людей.

Незаметно прошло лето. Наступил день, когда в дневнике учёных появилась последняя запись: «Наблюдения над каланами можно закончить».

Каланов выпустили в океан.

И опять каланы спали ночью не в вольере, а в зарослях морской капусты. Но люди, наблюдавшие за ними, заметили, что их каланы так и не могли уснуть.

Быть может, им хотелось вернуться к людям?

Может быть...

Б. Алёнкин

ТИГР ВЫШЕЛ ПОГУЛЯТЬ

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел тигр погулять.
Запереть его забыли,
Раз, два, три, четыре, пять.

Он по улицам идёт,
Ни к кому не пристаёт,
Но от тигра почему-то
Разбегается народ.

Кто на дерево забрался,
Кто укрылся за ларёк,
Кто на крыше оказался,
Кто забился в водосток.

А на ёлке, как игрушки,
Разместились две старушки.
Опустел весь город мигом, —
Ведь опасны шутки с тигром.

Видит тигр — город пуст.
«Дай-ка, — думает, — вернусь,
В зоопарке веселей,
Там всегда полно людей».

Э. Успенский

Капризный ослик Морито

Из сказок кубинских детей

Морито стоял в конюшне, привязанный цепью к двери.

Он был очень обижен. Такого послушного ослика привязывают цепью. Точно каторжника!

В конюшне всегда было темно. Ну разве справедливо держать ослика в темноте, чтоб он даже солнца не видел?

Морито любил солнце больше всего на свете.

— Какие люди злые! — говорил он. — Мне даже не разрешают поглядеть на солнце!

Солнышко Морито видел, только когда его выпускали на луг пощипать травку. Морито смотрел на солнце прищурившись, сквозь белые ресницы, и приговаривал:

— Ах, как хорошо! Ну погрей мне нос... А теперь уши... А теперь погрей спину...

Он радовался солнцу, подпрыгивал и резвился, как жеребёнок.

Но капризному ослику нравилось не только солнце. Он любовался полем, лесом, домиками и дорогой. И думал:

«Как всё красиво! Люди хорошо сделали, что выдумали природу. Смотреть на неё приятнее, чем стоять в конюшне за этой дурацкой дверью».

От счастья Морито начинал кататься по земле, кувыркаться и дрыгать ногами. Как вдруг на дороге появлялся хозяин с большой палкой в руке.

— Эй ты, сумасшедший осёл! Встанешь ты или нет? Что, палки захотел?

Ослику приходилось вставать и опять щипать травку...

— Одно и то же! — ворчал Морито. — О себе-то хозяин заботится. Ест каждый день разное. А я, кроме травы, ничего... Неужели нельзя дать ослику чего-нибудь повкуснее? Ведь есть салат, морковка, капуста... А ещё яблоки и виноград. Ах, виноград! У него такой чудесный сок. Только подумаешь о нём, как слюнки текут и сразу хочется прыгать и петь...

Но по ночам — как странно! — всё делается очень грустным. Дверь в конюшне становится больше, а ночь — темнее... Стоишь и думаешь: смотря какой виноград... Ну да всё равно, лишь бы дали побольше! Но никто не даёт. А когда я прихожу на виноградник и дотрагиваюсь губами до сочной кисти, все начинают кричать на меня, гнать, бить палками. Как будто нельзя один раз попробовать... Меня всегда сторожат, словно я не ослик, а хищный зверь.

Иногда я тихонечко, без шума отвязываю цепь и осторожно выхожу за калитку. Потому что если глупые куры услышат шум, они сразу проснутся и закудахчут, коровы замычат, поросёнок захрюкает — и поднимется такой крик, будто слетелась тысяча чертей! И, как всегда, прибежит хозяин с палкой.

Я знаю, все ко мне плохо относятся.

А за что?

По-моему, не за что. Может, из-за того, что я иногда поем тайком зерна́ из мешка? Коровы и куры считают, что зерно только для них. А им ещё дают смешанный корм, а мне — никогда. Поэтому я и беру свою часть; я считаю, что это моё право.

Больше всего мне надоедает, что все норовят класть мне на спину тяжёлые мешки. Они думают, если меня навьючить, это доставит мне удовольствие. Почему тогда они не нагружают коров, которые такие толстые и вообще ничего не делают?

Убежать бы! Куда глаза глядят. Как мне всё надоело!

Иногда я говорю хозяину:

«Неужели ты не можешь нагружать меня понемногу?»

Но он притворяется глухим. А я, чтобы заставить его слушать, брыкаюсь и сбрасываю тяжёлые мешки на землю. Хозяин злится и нагружает меня ещё больше. Хочет проучить.

Иногда жена хозяина берёт меня в город. Она запрягает меня в тележку и вешает мне по бокам большие корзины с овощами. Если дорога ровная, я люблю тащить тележку. На это совсем не надо сил. Я даже несусь галопом.

Я мчусь и вижу собственную тень, которая не отстаёт от меня. И мне становится весело...

Когда мы приезжаем в город, меня привязывают к ограде. Вот обида! А мне так нравится город.

Мне хотелось бы побродить по городу, посмотреть витрины магазинов, почитать последние новости в газете... Да где уж! Только когда нет сена, мой хозяин пошутит:

«Сегодня на ночь ослу нечего давать. Ладно, дадим ему газету, пусть почитает...»

Пока хозяйка ходит по делам, покупает сахар и кофе, я должен стоять, уставившись в стенку. И когда мимо проходят люди, они смеются надо мной.

Иногда подбегут мальчишки. Они гладят меня по носу и говорят ласковые слова. И тут же ни с того ни с сего начинают издеваться, дёргают за уши, а потом отвязывают. Тогда я отправляюсь гулять по улицам.

И вдруг все бегут за мной и орут, как будто увидели чёрта.

Тут прибегает хозяйка и угощает меня плёткой, чтобы я надолго запомнил прогулку.

И снова меня впрягают в тележку. Грузят в неё всё, что можно. Хозяйка подумала и о коровах, и об этих глупых курах, — им купили зерна́ и кукурузы. А мешки с кукурузой и зерном должен тащить я.

Возвращаемся мы домой, и опять я должен любоваться скотным двором, смотреть на этих кур и коров.

Я терпеть не могу коров, они меня раздражают. Если бы вы видели, как они едят, эти противные коровы! У них в кормушке всегда свежая трава, зерно и вкусная болтушка из муки. Они жуют целый день, а когда я приближаюсь, чтобы только чуть-чуть попробовать мучной болтушки, они смотрят на меня жабьими глазами и норовят боднуть... Правда, когда коров нет рядом, я съедаю их обед... Иногда у них в кормушке бывает моя любимая тыква. Она очень нежная, и я глотаю её кусок за куском.

Часто я говорю хозяину:

— Послушай, почему ты заботишься о коровах лучше, чем обо мне?

Он отвечает:

— Какой глупый вопрос! Может быть, ты будешь давать мне молоко?

— Конечно, у меня нет молока, — говорю я, — но чем же я виноват?

И ещё они меня обзывают дураком. Да разве корова повезёт мешки на базар? И у кого ещё такие красивые уши, как у меня? Почему же за коровами ухаживают лучше, чем за мной?

Поросёнок тоже выводит меня из терпения. От него на скотном дворе грязи больше всего. А какой противный у него голос, когда он орёт!.. Правда, он очень меня любит и никогда не ругает. Да ему можно и не завидовать. Когда делают колбáсы, его дела не ахти какие хорошие...

Вот чего я не понял, так это что сказал при мне хозяин на днях.

В конюшню пришёл какой-то человек посмотреть на меня. Он положил мне руку на спину, потрепал по носу и сказал:

— Хорошо, сколько вы за него хотите?

— О, это необыкновенный осёл, с ним мне тяжело расставаться. Вы не первый, кто хотел бы его купить. Но я его не продам. Морито стоит столько же, сколько весит. Это настоящее сокровище!

Я обомлел. Я не верил своим ушам. Он всегда бил меня дубинкой, ругал, не давал зернá — и после этого говорит, что я сокровище и что он меня очень любит...

Если он меня так любит, то зачем покупал автомобиль? Мне всегда стыдно за тех, у кого есть машина. Где осёл, там машина не нужна. От неё ужасный шум и пахнет хуже, чем от поросёнка и коровы... И ещё ей необходим бензин, а я, сказать по правде, не переношу его запаха. У меня от бензинового запаха всё внутри переворачивается.

Вы только подумайте — купил автомобиль! Где справедливость?!

ВОРОБЬИНАЯ НАУКА

Однажды у нас на даче, под карнизом террасы, поселились два воробья. В большую щель, которая образовалась в доске, они старательно таскали пёрышки, подобранные где-то кусочки ваты, пух, соломинки и вообще всё, что годилось для постройки гнезда.

Вскоре из воробьиного жилья послышался громкий писк птенцов. Они начинали пищать каждый раз, когда прилетали с кормом родители, а так как те кормили своё прожорливое потомство беспрерывно в течение всего дня, то до самого вечера и слышался писк.

В этот год я жила на даче одна, и с шумливыми птенцами было как-то веселее. Сколько было за карнизом воробьят, я не знала, но шумели они основательно. Судя по писку, гнездо находилось в стороне от лаза, и, несмотря на все мои старания, увидеть птенцов никак я не могла.

Увидела я своих пернатых соседей лишь после того, как они достаточно подросли, полностью оперились и начали сами выглядывать из гнезда. Скандаля и отталкивая друг друга, тянулись они навстречу родителям, жадно открывая свои клювы. И забавно было смотреть, как подлетевший с пищей воробей кое-как уцепившись за краешек доски, долго не мог решить, в какой из широко открытых клювиков надо сунуть очередную порцию еды. Да, не легко в это время приходилось воробьям!

Но вот настала пора вылетать птенцам из гнезда. Меня очень интересовало, как же это они проделают в первый раз? Как будут эти несмышлёныши овладевать воробьиной наукой и как будут их учить уму-разуму родители? Поэтому целые дни я буквально не спускала глаз с воробьиного семейства. И всё-таки за вылетом первых птенцов из гнезда я не уследила. Лишь последний, очевидно самый ленивый или трусишка, ещё продолжал сидеть на самом краю карниза, готовый вот-вот слететь, и никак не мог на это решиться. Громким криком он призывал родителей, прося у них еду, а они, занятые уже вылетевшими птенцами, не обращали на него внимания. Впрочем, нет, время от времени они к нему подлетали, с полным клювом лакомых гусениц, но не давали, а старательно пытались выманить трусишку за собой. Они то подлетали к птенцу, то садились на ближнюю ветку и всем своим видом показывали, что кормить лентяя в гнезде не намерены.

Наконец голодный воробьишка не выдержал. Взобрался на самый, самый край карниза, неловко взмахнул крылышками и... камушком упал вниз. Он сидел на земле испуганный и растерянный своим неожиданным полётом, похожим скорее на падение. Но к птенцу тут же подлетела воробьиха, села рядом с ним, и птенец сразу успокоился. Потом, очевидно вспомнив, что голоден, он вдруг затрепыхал крыльями, широко раскрыл клюв и потянулся к воробьихе. Сунув в раскрытый клюв птенца еду, та взлетела на дерево, а воробьишка остался на земле. Он сидел в траве и старательно перекликался с матерью. Она ему с дерева чирикнет, он с земли ответит.

«Что они говорят?» — подумала я и, дождавшись, когда воробьиха улетела за едой, стала осторожно подходить к птенцу. А он, глупый, сидел, чирикал и совсем не обращал на меня внимания: видно, родители ещё не успели его научить опасаться

людей. Я подошла к нему совсем близко, встала рядом, протянула руку, а птенец всё сидел и чирикал. Тут вдруг подлетела мать. Увидев около птенца человека, она всполошилась, заметалась, затрещала, да так тревожно! Не трудно было догадаться, что это она меня старается от птенца отвести, а его об опасности предупреждает.

Смотрю, и птенец сразу чирикать перестал. Затаился в траве, не шелохнётся, только глаза-бусинки поблёскивают. Хотела я его взять, нагнулась, да раздумала — зачем пугать малыша! Отошла я в сторону, села на скамейку и гляжу, что же он дальше делать будет. А малыш по-прежнему затаился и голоса не подаёт, — наверное, ждёт, когда ему мать разрешит.

Долго он так сидел, а я делала вид, будто в другую сторону гляжу, а сама незаметно за воробьями наблюдала. Воробьиха сначала волновалась, кричала, а потом, увидев, что опасность её птенцу не грозит, сразу поведение изменила. Сперва замолчала, потом немного по веткам попрыгала, потом чуть ниже спустилась и совсем другим голосом что-то чирикнула. Птенец встрепенулся. Тут же ей ответил, а мать уже на самую нижнюю ветку слетела, чирикает, за собой несмышлёныша-птенца манит. Только он к ней — она на другую ветку, что повыше, перелетит... ещё повыше... ещё на другую... так и увела за собой птенца.

Отвела от меня подальше и снова: она чирикнет — он ответит, она чирикнет — он ответит.

Интересно мне стало, как теперь, после полученного урока, поведёт себя птенец, если я к нему подойду. Дождалась, когда воробьиха улетела, и снова пошла к птенцу. Так же осторожно, так же тихо ступала, только на этот раз он уже меня к себе не подпустил, сразу замолчал и повыше перепорхнул, да так затаился среди густой листвы дерева, что не скоро и разглядишь. Хоть и мал птенец, а, видно, пошла ему впрок воробьиная наука.

В. Чаплина

ГОРНЫЕ РУЧЬИ

Хорошо, что мы ручьи,
Хорошо, что мы ничьи!

Нам на месте не стоится,
Даже ночью нам не спится.

Испетляли мы луга,
Источили берега,

Камни с горки покидали —
Тут забрали, там отдали,

Подремали в холодке,
Поиграли на песке,

Взяли ветку у подлеска,
А у солнца — снопик блеска.

Лес молчит, а мы журчим,
Ни минуты не молчим.

Мы кричали, и шныряли,
И под землю мы ныряли,

А потом с горы крутой —
Прямо в пропасть головой!

Нас везде, где мы бежали,
Птицы свистом провожали.

Дасанка Максимович

НА ОЗЕРЕ

Зелень озера. Густая синева.
Белый лебедь, как сверканье снега.
И камыш колышется едва,
И стрекозы улетают в небо.

Стало сразу тихо и светло,
Ветерок устал по травке бегать.
Голову запрятав под крыло,
Засыпает белоснежный лебедь.

Видит он в своём волшебном сне
Вспыхивает дальняя зарница.
И цветёт кувшинка в тишине,
Бабочка на лепестки садится.

Синий свет на озере ночном,
Глубже сон и медленнее краски.
Шорох листьев и кувшинок звон,
И, как рыбы, проплывают сказки

Эдит Мар

ЗЕЛЁНАЯ САВАННА

Саванна — африканская степь. Не голая, без единого кустика и деревца. Кусты в ней из породы «непропусти-куст», деревья — «держи-дерево». Колючие, как ежи.

Акации и те колючие! Натыканы по саванне, как зонтики. Зонтичные акации. Весь год прячется саванна под зонтиками акаций: летом от солнца, зимой от дождей. Да разве спрячешься от жаркого африканского солнца и проливного африканского дождя! Потому-то летом саванна жёлтая и сухая, а зимой мокрая и зелёная!

Зелёная саванна. Зеленеет трава, зеленеют деревья, зацветают кусты. И радуются зелёной зиме обитатели зелёной саванны.

БАБОЧКА

Африканские бабочки! Маленькие, как лепестки незабудки, и большущие, как кленовый лист. Конечно же, я хотел снять для вас самую большую и самую красивую. Но не тут-то было! Оказалось легче подобраться к буйволу или слону. Только и видишь, как сверкают на солнце переливчатые быстрые крылья.

К этой бабочке я подкрался рано утром. Она грелась на солнышке. Ведь ночью было всего двадцать градусов, и бабочка страшно замёрзла.

МАРАБУ

У марабу вид мудреца, облысевшего от размышлений. Задумчивый, сутулый и мрачный. Подслеповатый глаз. Большущий унылый нос. И кожаный мешок-торба на шее. Мешок то надувается и краснеет, как детский резиновый шарик, то опадёт и сморщится, словно проколотый. Думает марабу, куда ему лучше направиться: на болото или на озеро? Чем поживиться: лягушками, змеями, ящерицами? Или рыбой, ракушками, крокодилятами? Может, лучше в саванну слетать за жуками и саранчой? Или в поселение на задворки?

Вот решил, пошагал, подпрыгнул, распахнул огромные крылья и поплыл. Всё видит сверху его маленький глаз. Всегда наготове его большой нос.

ЗЕБРА

Все зебры полосатые, а ни одной нет одинаковой! У каждой особый узор, у каждой свои полоски. И не понять, чёрные полоски по белому или белые по чёрному?

А когда зебры выкатаются в пыли — очень любят кататься, только копыта мелькают!— то полос и совсем не видно. Но ветер, как заботливый конюх, вычистит диких лошадок. И снова они пестрят и лоснятся.

На вид зебры игривы и добродушны. Этакие толстушки: резвые, озорные и миловидные. Чудо-лошадки. Уши торчком, грива пучком, хвост веничком. Распирает их от избытка жизненных сил.

А на самом деле зебры драчливы, строптивы, сварливы, брыкасты. Лягаются и кусаются. А как же иначе, среди львов живут...

БОРОДАВОЧНИК

Африканская земляная свинья. Свинья, которая в норе живёт! Морда у неё вся в буграх и шишках; за это и бородавочником назвали. Да ещё клычищи кабаньи: четыре из-под губы!

Нора для бородавочников и спальня, и крепость, и детская. Спят в норе по ночам, вповалку. В норе сидят и малыши, пока маленькие. А если тревога — и большие прячутся в нору.

Со всех копыт мчится семья к норе: впереди поросята, позади мама. И у всех хвосты торчком — как акварельные кисточки!

Словно мыши шмыгают поросята в нору. А свинья с разгону вдруг остановится, развернётся и впятится в нору задом! Заткнёт нору собой, как пробкой. Чтоб никто до её малышей

не добрался. И навстречу врагу выставит шишковатую морду с клыками. А клыки-то в полметра! Не у каждого леопарда лапа поднимется...

ИМПАЛА

Импала очень красивая антилопа. Вся золотисто-атласная. Тёмные глаза с большими ресницами. Стройные ноги в светлых чулочках с чёрными пяточками. За это прозвали их чёрнопяточными антилопами.

А каковы рога у козлов! Высокие, крепкие, лирой изогнутые. Для чего хочешь пригодные. Хочешь — сшибайся с соперником, хочешь — прогони назойливого шакала. Или почеши спину...

А хочешь — красуйся! Вскинь голову и поглядывай свысока. Себя покажи, на других посмотри. Ну, а если увидишь льва — мчись со всех ног. Так, чтоб ветер в рогах засвистывал да чёрные пятки мелькали!

БУЙВОЛ

Буйвол на вид ленивый и сонный. Весь день неподвижно в грязи лежит. Уж не загрузли он в топь, не увяз ли так, что и подняться не может? Цапли по нему, как по мёртвому, ходят, кулики у головы шмыгают. Нет, живой: ухом встряхивает!

Вот даже один поднялся, зачмокал по грязи. И снова остановился. Уснул. Стоя спит!

С боков жижа стекает. Комья грязи отваливаются. Мухи нос облепили. А цапли на нём, как сидели, так и сидят. Словно под ними не зверь дикий, а глыба или коряга.

Но если буйволов рассердить — берегись! Даже львы уступают дорогу. Даже слоны!

А кто послабей — уноси поскорей ноги. Пока цел. Догонит, рогами подбросит и затопчет копытами. Страшный зверь.

ГНУ

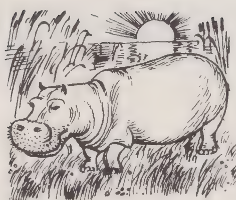

До чего диковинный зверь антилопа гну — всё перепутано! Голова коня, рога быка, туловище антилопы. Коровьи копыта, лошадиный хвост и козлиная борода! Сказочный конёк-горбунок какой-то...

Может, оттого гну всегда и сердитый? Копытом бьёт, рогами трясёт, хвостом хлещет. И носится так, что пыль завивается. Фыркает, хрюкает и ревёт — всем на удивление.

Только мало кто ему удивляется. И никто его не боится. Разве что пугливые газели посторонятся да бородавочники отбегут. Зебры даже и не подвинутся. Слоны не обернутся. Жирафы на гну свысока смотрят. А львы так и вовсе внимания не обращают. До темноты...

БЕГЕМОТ

Бегемоту в воде легко, не надо держать тушу в три тонны на ногах-коротышках. В воде бегемот как в невесомости. Очень любит бегемот воду.

Сверху одна голова — как кочка болотная. А на «кочке» глаза, уши и ноздри. Всё бегемот из воды видит, всё слышит и чует. А его никому не видать!

На спине цапля сидит — от мух стережёт. Под брюхом рыбы плавают — пиявок сдирают. В воде приятно и безопасно!

Да и кого бегемоту бояться? Пасть у него как зубатый ковш экскаватора! И каждый зуб в три килограмма. Даже крокодил бегемоту не страшен. Подумаешь, крокодил! Бегемота ему не укусить, очень уж бегемот толстокожий. А бегемот крокодила шутя пополам перекусит.

Так и сидит в воде с утра до вечера. Вечером вылезает пастись. Всё подряд ест: тростник и осоку, кувшинки и водоросли, траву и кусты. Всю ночь ест: потому и толстый такой.

А утром снова в воду. И снова торчат из воды только уши, глаза да нос. Как кочки болотные.

ЖИРАФА

Самый высокий зверь на земле. Прямо ходячая каланча! Подъёмный кран и наблюдательная вышка.

И самый грустный. Ни у кого я не видел таких больших и печальных глаз, притенённых изогнутыми ресницами.

Не любит жирафа голову опускать. Даже когда спит — шея торчит как часовой на посту!

По шее, словно дятлы по сухому стволу, любят ползать птицы-волоклюи. Чистят жирафу и сторожат.

Пасётся жирафа не в траве, а... в вершинах деревьев! Ноги три метра, шея три метра, да ещё и язык высунет — вот тебе и вершина. Срывай листья на выбор.

Чтобы попить, приходится жирафе широко расставлять ноги-ходули, свешивать шею-шланг и с трудом воду сосать.

Жирафа даже на слона сверху вниз смотрит. Льва может копытами отогнать. А соперника бьёт шеей, как доской дубовой. Да так, что иной раз с ног сбивает. Собьёт и смотрит сверху. Грустно, грустно...

ЛЕВ

Днём львы лежат. Под деревом, под кустом, у термитника. Дремлют. Кто на правом боку, кто на левом. На брюхе или на спине, лапами кверху.

Глаза прижмурены, как у кошек. Пасть приоткрыта. Жарко.

Ухом вздрагивают: сгоняют мух.

Зебры пасутся недалеко. В жарком мареве мимо проплывают жирафы. Семенят бородавочники. Топоча и взбрыкивая копытами, проносятся бородатые гну. Львы на них — никакого внимания. Ухом не поведут, глаз не откроют!

Спят весь жаркий день у всех на виду.

А ночью их не увидишь. Слышен только раскатистый рёв. Ревут, опустив пасть к земле. Так ревут, что трава стелется и пыль клубится. И всё живое обмирает от страха.

СЛОН

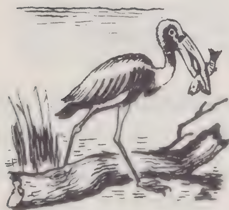
Слоны в саванне не кажутся очень большими. А ведь огромные! Высотой в четыре метра, весом в пять тонн! Когда слоновье стадо бежит — словно гружёный поезд грохочет: земля дрожит и завивается пыль! Но слоны редко спешат. Любят стоять и обмахиваться ушами. Уши как два одеяла. Из каждого выйдет стол на шесть человек! Землю ногой-тумбой дробят и обсыпаются пылью. Или водой из хобота обливаются.

После водных и пылевых ванн слоны пасутся. Хоботом выдирают пучки травы с корнями, околачивают землю о бивень и о колено. Ветки ломают и суют в рот. Да такие шипастые, словно мотки проволоки колючей!

Бивнями кору с деревьев сдирают, выкапывают из земли корни и клубни. И если грязней левый бивень, то слон этот «левша», а правый — «правша».

Хобот и бивни кормят слона, поят и защищают. В засуху бивнями и хоботом слоны даже колодцы роют. Сами из них пьют и других от жажды спасают. Звери и птицы спешат на «слоновьи колодцы». Даже змеи и ящерицы приползают!

РАЗИНЯ

Аист-разиня совсем не разиня! Рыбу, ящерицу, ракушку разиня не прозевает. И недруга сразу заметит. Разиней его потому назвали, что клюв его плотно не закрывается, всегда чуть-чуть разинут.

Больше всего клюв его похож на щипцы для колки орехов. Только колет он не орехи, а раковины. Хватает скользких рыб и лягушек, крепких жуков и шипастую саранчу.

Удивительный у разини цвет. В солнечный день перо отливает зеленью и багрянцем. А в пасмурный день разиня чёрный и неприметный. Вроде сучка на сухой коряге...

Н. Сладков

Пионерские дела — дела государственные

МАЛЕНЬКИЙ ОТРЯД

Рассказ

У нас во дворе построили деревянную горку. Почему-то её строили очень долго, всю зиму. Построили, тут как раз и зима кончилась. Мы с Валеркой даже удивились: вот так раз, горку построили, а покататься с неё не успели — зима-то кончилась. Только один человек, семиклассник Дима Скворцов, сказал тогда:

— Может быть, и летом горка пригодится. Ничего нельзя знать заранее.

Мы тогда на эти слова и внимания не обратили. Пошли с ребятами носиться по двору, потому что была весна.

Пришло лето. Все стали уезжать — кто в лагерь, кто к родным.

А я пока никуда не уез-

жал. У меня в то лето путёвка в лагерь была на вторую смену, с июля.

«Ну и что же? — подумал я. — Можно и в городе прожить весело. Зимой на многое времени не хватает — то в школу ходи, то уроки учи. А теперь делай что хочешь. Каникулы».

Так я думал, а сам расхаживал по комнате взад и вперёд. Во дворе было пусто и тихо. Я вдруг вспомнил, как мы с моим другом Валеркой собирались сделать бумажный змей. Мы и плотную бумагу приготовили, и клей купили, целую бутылку. Вытащил я из ящика бумагу, клей, разложил всё на полу. А настроение делать змей куда-то пропало. Всё есть, а настроения нет. Что тут говорить: одно дело — с Валеркой, другое дело — одному. Одному совсем не то. А Валерку увезли на всё лето, мы теперь с ним только во втором классе встретимся.

Походил я ещё по комнате — вспомнил: над нами Зина живёт; пусть она ещё в школу не ходит, ей пять лет, всё-таки живой человек. У Зины пластинки хорошие — «Антошка, иди копать картошку» и ещё «Бременские музыканты» — «Мы раз-бо-бо-бо-бой-ники, разбойники, разбойники». Очень хорошие пластинки, Зина всегда заводит их громко, и мне хорошо слышно. Но сегодня у Зины тихо. Вышел я на балкон, кричу:

— Зина! Зин!

С балкона её бабушка голову свесила:

— Уехала. Утром сегодня отправили Зиночку с детским садом на дачу. — Бабушка вздохнула и добавила: — Места себе не нахожу, скучно без неё.

Я тоже не находил себе места. Слонялся, и всё. И вдруг в это самое время влетел в комнату сигнал горна. Он ворвался с улицы, он был весёлый и неспокойный, долгий и призывный. Я сразу подбежал к окну.

Во дворе, на нашей деревянной горке, на самом верху стоял Дима Скворцов в белой рубашке и синих брюках. Красный галстук бился на ветерке. Дима стоял и горнил, подняв трубу. И к нему бежали ребята из разных других домов, потому что горн слышно далеко, а не только в нашем дворе.

Я понёсся вниз.

Собрались мы вокруг горки, стоим ждём, что Дима скажет. Он оглядел всех нас и говорит:

— Есть предложение — не скучать в одиночку, а отдыхать всем вместе. Кто согласен?

Мы все, конечно, зашумели, что мы согласны. А одна девочка даже завизжала. Видно, ей сильно надоело

одной дома сидеть, раз она так обрадовалась.

Дима стоит на горке, как на трибуне в лагере, когда идёт линейка. Он смотрит на нас и говорит:

— Тогда слушай мою команду. Всем сейчас разбежаться по домам, переодеться в тренировочные костюмы, в кеды. Взять с собой мячи, бадминтон. Можно бутерброды. Сбор здесь, у горки, через двадцать семь минут, ноль-ноль секунд. Всё ясно?

— Ясно! — крикнул я.

И все ребята сказали, что им тоже всё ясно. А девчонка опять завизжала. Привычка, что ли, у неё такая?

— Тебя как зовут? — спросил я.

— Марина.

— А почему ты визжишь?

— Для шума. Чтобы веселее было.

— А-а, — сказал я.

Потом все побежали переодеваться. Я тоже побежал. Я взял дома ракетки и воланчик. Ещё запихал в рюкзак апельсины, вафли, две конфеты. А Марина принесла банку сгущённого молока. Кто булку, кто колбасу. И отправились. По дороге Дима Скворцов сказал:

— Какие песни знаете?

Мы немного поспорили, а потом запели про корабль. Эту песню мы все, оказалось, любим. И Дима Скворцов тоже. Про то, как корабль уходит в море, а тем, кто остался, грустно, но это ничего.

Мы шагали сначала просто толпой, нас было двенадцать человек. А потом, когда пели песню, стали как-то незаметно идти в ногу и вытянулись в линейку друг за другом. Пусть нас было не очень много, но всё-таки мы были маленький отряд октябрят.

В парке по дорожкам мамы катали коляски. Мы пошли в дальнюю часть парка, там уже почти лес. Там тень и тишина. Поют птицы, в траве растут синие и жёлтые цветы. Дима сказал, что их рвать не надо, пусть растут на здоровье.

Мы играли в мяч. Красный мяч летал от Марины к Славе, от Славы — к Серёжке, потом ко мне. Я кинул посильнее — и мяч взлетел высоко, почти до неба. А небо было синее и какое-то праздничное. Потом Дима учил нас прыгать в длину и в высоту. А кто не хотел прыгать, тот просто носился по дорожкам.

Я так напрыгался и набегался, что повалился на траву и лежу под ёлкой. Даже ни о чём не думаю, просто лежу.

Вдруг слышу, Дима говорит:

— Кто проголодался?

— Я, — сказал я.

И другие ребята сказали, что они тоже проголодались.

Дима достал из своего дерюкзака банку компота «Ассорти» и много бумажных стаканчиков, вставленных один в другой.

— Как будем питаться — как единоличники или как отряд?

— Конечно, как отряд! — закричали мы.

Мы расстелили на траве прозрачную клеёнку и стали складывать на неё у кого что было. Пироги и конфеты, колбасу и вафли ягодные, булку и плавленый сырок «Дружба».

А потом всё поделили по-братски. Ох и вкусно поели!

Когда мы приехали домой, Дима опять поднялся на деревянную горку, а мы построились внизу на линейку. Хорошо, что у нас посреди двора горка. Всем видно Диму и слышно. И он нас видит всех до одного.

Дима сказал громко:

— Первый день жизни нашего маленького отряда прошёл хорошо. Не пропустите завтра сигнал горна.

— Не пропустим! — закричали мы, а Маринка завизжала. Просто так, для шума.

Людмила Матвеева

****

ФУТБОЛИНО

Есть на свете Буратино.
А один наш паренёк
Выбрал имя — Футболино.
Он играл, где только мог.
Отложив на время книжки,
Целый день играть был рад.
«Футболино!» — все мальчишки,
Все приятели кричат.

Футболино — молодчина,
Молодчина Футболино!
Футболино — молодчина,
Молодчина Футболино!

Загордился, заленился,
Был наказан двойкой он.
И за то, что не учился,
Из команды исключён.

Загрустил наш Футболино,
Футболино сам не свой.
Футболино, ты мужчина,
Футболино, что с тобой?

Долго не был на площадке
И явился наконец;
Двойки нет, и всё в порядк[е]
Все сказали: «Молодец!»

Футболино — молодчина,
Молодчина Футболино!
Футболино — молодчина,
Молодчина Футболино!

М. Рудерман

ОБИДА ЕНОТА

— Здорово, друг! —
Сказал Ежу,
Под ёлкой встретившись,
Енот. —
Как поживаешь?
— Не тужу!
— А как семья?
— Семья растёт.
И дочки есть,
И сыновья.
Нигде не сыщешь
Лучше их:
Трудолюбивые,
Как я,
И все, как я...
Колючие!
— А ты, приятель,
Как живёшь? —
Спросил Енота
Старый Ёж.
— Живу неплохо,
Только вот
Обидно мне бывает,
Когда меня
Лесной народ
Собакой называет.
Хоть и енотовидной,
А всё-таки обидно.

Георгий Ладонщиков

15 АВГУСТА — День Воздушного Флота СССР

ВОТ КАК ПИШЕТСЯ ЭТО СЛОВО

Послушай, какой разговор вышел раз... Встретились на зелёном поле три молодых лётчика.

— Значит, скоро летим? — говорит первый.

— Да, через месяц, — отвечает второй. — Подготовиться хорошенько надо.

А третий спрашивает:

— Ты в чём летишь?

— В букве «М», — отвечает первый, — в нижнем уголке.

— А я в букве «И», — говорит второй, — в перекладинке.

Третий говорит:

— А я в «Р» полечу — в кружочке.

Что за разговор такой удивительный! Где это видано, чтобы в буквах летали?

А ты погоди, дружок, не удивляйся. Слушай, что дальше будет.

Так вот. Прошёл месяц, собрались тысячи и тысячи людей на том большом зелёном поле. Начался праздник воздушного флота, день лётчиков. Чего тут только мы в небе не видели!.. Пронеслись по всему небу боевые самолёты, такие быстрые, что, чуть загремели они над головой, глянули мы туда, а там уже нет ничего в небе... Только гром ещё за ними вдогонку летит. Слова сказать мы не успели, а самолёты уже из глаз пропали!

А потом поднялся над полем вертолёт и повис в воздухе. Будто его к облаку прицепили на ниточке, как игрушку-вертушку на ёлке. Спустили с вертолёта на землю длинную лесенку. И воздушный пассажир по ней сошёл прямо с неба на зелёное поле. А тут с неба ещё тысяча смельчаков посыпалась. Эти без лестницы обходятся: на парашютах прыгают.

Всякие самолёты нам нужны, чтобы враг в наше небо не полез: быстролётные «ястребки» и ширококрылые воздушные корабли. И вертолёт — вещь удобная. Он и на вершину горы опустится, и на крышу дома сядет. С поля боя унесёт раненых, с погибающего корабля моряков спасёт. Ну, а парашютисты — эти на врагов как снег на голову, если они к нам сунутся...

Уже кончался воздушный парад. Вдруг опять загудело всё небо. Смотрят люди, закинули голову вверх. А в небе огромные буквы плывут. Каждая буква в полнеба. А летят— не качнутся, ровные, прямые. И каждая буква в воздухе состроена из тридцати военных самолётов. Первой летит огромная буква «М», за ней —«И». А последней—«Р».

Ну-ка, дружок, прочти, что в небе получилось?

Вот о каких буквах лётчики говорили! Вот какое слово они в небе пишут! А почерк у наших лётчиков твёрдый.

Лев Кассиль

***

ДЕТИ

Стол красуется накрытый.
День не просто выходной:
В доме лётчик знаменитый,
Гость желанный — сын родной.

Загорелый, синеглазый.
— Вырос, — шутят старики, —
Как вошёл в избу, так сразу
Стали ниже потолки...

А у дома, у машины —
Сходка целая ребят.
Все, как взрослые мужчины,
Руки за спину, стоят.

И, наверно, мыслит каждый:
Погодите, дайте срок,
Точно так и я однажды
В гости гряну на порог.

А. Твардовский

АЛЫЕ ПИЛОТКИ

Нечерноземье — это огромный край, где живёт почти половина населения России. Здесь много индустриальных центров, и среди них Москва и Ленинград. А земля здесь не очень богатая. Много «неудобицы» — болотин, косогоров, на которых хлеб не растёт. Миллионы гектаров надо привести в порядок, превратить в пашню, луга, пастбища. В ответ на постановление Партии и Правительства комсомол объявил Нечерноземье своей ударной стройкой. А где в этой огромной, рассчитанной на многие годы работе место пионеров? Не могут же ребята стоять в стороне! Хочу рассказать вам о моих земляках — бубновских школьниках. Охрана хлебной нивы — вот одна из главных пионерских забот. Началось всё с урока экономики.

Урок экономики

В школу пришёл Иван Петрович Горбачёв, экономист. Он всех в колхозе считать заставил: трактористов, доярок, телятниц. Теперь и до ребят очередь дошла. Дал он тогда такую задачку:

«Дано: на гектар поля высевается примерно два с половиной центнера зерновых, или около семи миллионов зёрен. Колос весит полграмма. От Кузьминского до Бубнова два километра напрямую. Кузьминские жители, чтобы покороче бегать в магазин, проложили через поле тропу шириной в тридцать сантиметров. Требуется узнать: сколько хлеба затоптали кузьминские?»

По этой тропинке бубновские ребята сами два раза на дню бегают: в школу и из школы. И почему-то никогда не задумывались, что хлеб затаптывают. Вообще с тропинками интересно получается. Засеют трактористы поле — чистое, ровное, ни одного следочка. А утром поглядел мальчишка — кто-то уже прошёл. Ну и сам тоже бежит. Даже и в голову не приходит, что большой убыток колхозу наносит.

— Так вот, — продолжал Иван Петрович, — наш колхоз

сеет две тысячи гектаров зерновых. Мы подсчитали: ненужные дороги и тропинки в прошлом году «съели» в среднем по центнеру зерна с гектара. Стало быть, двести тонн. Скорми колхоз этот хлеб скоту, можно было бы дополнительно надоить двести тысяч литров молока!

А теперь займёмся решением задачки. На гектаре у нас выросло, скажем, семь миллионов колосьев. А на квадратном метре сколько? Разделили семь миллионов на десять тысяч. Получается семьсот колосьев. Зёрен в среднем колосе, будем считать, полграмма. Значит, на квадратном метре выросло 350 граммов хлеба. Теперь высчитаем площадь тропинки. Помножим длину на ширину, то есть 2 тысячи метров на 0,3 метра. Получаем 600 квадратных метров. Дальше совсем просто: 350 граммов умножаем на 600. В итоге — 210 килограммов. Значит, кузьминские «скороходы» затоптали два с лишним центнера хлеба.

Вот тут-то ребята и почесали в затылках.

Хлебный патруль действует

Хорошо помогла задачка Ивана Петровича. Поглядели ребята вокруг и ахнули: сколько всяких ненужных дорог и тропинок на полях! И по хлебу ходят, и по льну, и по клеверам. В колхозе двадцать деревень, от каждой, словно паутина, разбегаются в разные стороны дороги и дорожки. Все, конечно, не закроешь, людям и в магазин надо ходить, и в лес, и на работу, но лишних набито, проторено много.

Решили на дорогах такие щиты поставить: «Раз по полю пройдёшь — килограмм хлеба украдёшь», «Хлеб — богатство колхоза, берегите его».

Женя Стрельцов, самый первый начальник штаба хлебного патруля, рассказывал мне:

— Устроили мы засаду. Сидим ждём. Видим, наши колхозники идут. Прямо на тропинку через хлеб поворачивают. А мы тут как раз щит вкопали. Они, наверно, здорово удивились. Прочитали, посмеялись и... пошли вкруговую. Мы, конечно, радовались: сознательные.

Конечно, сознательные.

Сами хлеб растят, знают, как он достаётся. Только не всегда об этом помнят. А ребята напомнили.

Николай Алексеевич Тарантасов, знаменитый бригадир тракторной бригады, потом говорил:

— Пристыдили наши ребятишки «скороходов». По всему колхозу пошла молва о заботливых пионерах. Вспомнили люди: а ведь было время, когда куску радовались. После войны чистого хлеба долго не ели. Сейчас богаче стали и позабыли, что тонны из граммов складываются.

Бригадир был очень доволен ребятами. Когда началась уборка, на току от них прямо отбоя не было: все старались помочь. Теперь-то, правда, на току сплошь машины, но старательным всегда работа найдётся. То лопатить зерно, то подмести, то мешок подержать... Словом, молодцы пионеры!

«Спасибо за помощь!»

Похвала такого человека, как Николай Алексеевич Тарантасов, много значит. Его бригада своё слово сдержала: дала с гектара двадцать пять центнеров хлеба. А до этого получали по семнадцать. Вот и подумайте, какой это труд — в один год дать прибавку восемь центнеров. Есть тут и пионерская доля.

Иван Петрович Горбачёв любит всё на счёты положить. Дела пионерского «Хлебного

патруля» он тоже в цифры перевёл и сказал:

— Ну что ж, орлы, пожалуй, тонн двадцать пять могу уверенно на ваш счёт записать.

Ободрённые успехом, ребята и на следующий год продолжали свою работу. Снова бригада Николая Алексеевича двадцать пять центнеров собрала, а колхоз в целом — двадцать четыре. Обязательство по экономии, взятое на три года, выполнили за два, сберегли одиннадцать тысяч двести тридцать рублей.

Выполнили трактористы и второе своё обещание: часть денег, которые сэкономили, передали школе на покупку трактора, оркестра, спортивного оборудования.

Вот как живут и работают в Бубновской школе, что под городом Зубцовом на Верхней Волге.

Давайте вместе подумаем

Есть у нас знаменитое озеро Селигер. К нему каждый год приезжает четверть миллиона туристов. Представьте себе, что каждый из них, собирая васильки, затопчет только один ржаной колос, только один раз пройдёт по льняному полю, только одно кострище оставит после себя на лугу... Представьте и поймёте, какой большой урон будет нанесён хозяйству.

В наших краях нет степей. Поля у нас очень маленькие, а красивых озёр, речек, перелесков, где приятно отдохнуть, порыбачить, пособирать грибы, очень много. По субботам и воскресеньям сотни тысяч горожан выезжают «на природу». Едут на машинах, мотоциклах, электричках, разбивают палатки на лугу, ходят к речке или озеру через посевы.

Я далёк от мысли обвинять всех в несознательности, хотя есть и такие. Большинство просто забывает, что к чужому труду надо относиться так же бережливо, уважительно, как к своему собственному. Земля наша общая, народная, и всё, что на ней растёт, — это наше

богатство, наше благополучие, наша сила. Пионерские патрули и должны напоминать об этом некоторым «забывчивым» туристам, шофёрам-лихачам, торопливым скороходам. Честь и слава пионерам, которые создают зелёные и голубые патрули.

Но вот однажды я был свидетелем такого случая. Школьная экспедиция проводила учёт муравейников в приволжских лесах. Остановились ребята на ночёвку, надо костёр развести. Пошли в лес да прямо через пшеничное поле. Такую дорогу проложили, так помяли хлеб, когда хворост волочили, — верную сотню пудов загубили. А ведь заботливые ребята! Но, заботясь о муравьях, почему-то не подумали о хлебе.

Хлебная нива нуждается в защите ничуть не меньше, чем леса и реки. Даже больше. В наших краях уже многие пионерские дружины встают на охрану сельскохозяйственных угодий. Я думаю, ни один пионер не откажется принять участие в этом важном и нужном деле.

Итак, за работу, друзья!

И. Васильев

КОК-ОТ

1

Вездеход был небольшой, но цепкий, с зубастыми гусеницами и сильным мотором. На подъёмах он высекал целые вороха искр, и кишлачные собаки шарахались от него, как от барса. Аскера это очень смешило, да и другие мальчишки тоже покатывались со смеху.

Два дня начальник экспедиции со своим вездеходом и двумя помощниками рыскал по горам, а потом пришёл к дяде Аскера.

— Нам нужен проводник за Гушарский хребет. Дня на три, на четыре.

— Намедонам [1], — ответил дядя.

Аскер удивился: с каких это пор дядя разучился говорить по-русски?

Тогда гость перешёл на таджикский.

— Я начальник гидрогеологической партии. Мы ищем горячие источники.

— Зачем? — спросил дядя. — Вы вечно что-нибудь ищете.

Начальник геологов в упор посмотрел на него.

— Да, ищем, чтобы построить высокогорную лечебницу. Здесь много целебной воды. А ещё горячими родниками можно будет отапливать все окрестные кишлаки.

Дядя покачал головой:

— Ни один человек из кишлака не поведёт вас.

Начальник круто повернулся и вышел.

«Странно, — думал Аскер. — Чем дяде плохо, если у нас будут лечить больных людей?»

Всю ночь Аскер ворочался на своей кошме и не мог заснуть. Завтра ему идти в долину, в школу-интернат. Год назад его там приняли в пионеры. Дядя тогда предупредил:

«Придёшь в красном ошейнике — удавлю на нём же. Я не хочу, чтобы мой племянник вырос неверным». (Так дядя называл всех русских.) Поэтому Аскер, возвращаясь из интерната, прятал галстук в знакомой пещере.

2

Наутро, выйдя из дому, Аскер увидел, что геологи навьючивают на мула приборы и какие-то мешки. Неужели пойдут одни? Проводника им всё равно не найти, потому что дядю слушаются даже седобородые старики-аксакалы. Каждый полдень они собираются под тутовым деревом у арыка, и дядя читает им Коран. Дядя сейчас в кишлаке вместо муллы, который в тридцатом году бежал с басмачами за кордон.

Аскер не верит в Коран, не верит в аллаха.

«Всё в мире вершится по справедливой воле аллаха», — любит повторять дядя. Так за что же аллах, этот злобный старикан, оставил Аскера круглым сиротой? Почему он покровительствует жадным и криводушным людям?

————

[1] Намедонам — не понимаю.

— Эй, мальчик! — окликнул вдруг Аскера начальник геологов. — Иди-ка сюда.

Аскер нерешительно подошёл.

— Сколько мне примерно до Гушара топать?

— На Гушар вы не пройдёте. Надо знать тропы.

Начальник задумался, а потом рассмеялся:

— Ну что ж, двум смертям не бывать, а одной не миновать!

И тут Аскер решился:

— Амак [1], я знаю дорогу. Только не говорите дяде. Я скажу ему, что поехал в долину.

— Боишься? — спросил геолог, и Аскер отвёл глаза. — Ну ничего. Героем ещё никто не родился. Через час приезжай к ущелью. Буду ждать. Кстати, зовут меня Петром Владимировичем. А тебя?

— Аскер [2].

— Хорошее имя. Человек с таким именем не может быть трусом.

Ровно через час Аскер, одетый в тёплый дорожный халат, появился на своём муле. Он выехал на тропу первым. Дорога лепилась вдоль пропасти по узкому каменистому карнизу. Пётр Владимирович шёл сзади, ведя в поводу навьюченного мула.

Со всех сторон путников обступали скалы, сизые, в застарелых трещинах. Над головой текла извилистая река слепяще-синего неба. Изредка из-под ног мула срывался камень и летел вниз томительно долго.

Потом ущелье кончилось, и распахнулась панорама Гушарского хребта. Сахарные вершины гор проступали чётко, будто обведённые синим карандашом. И только самые дальние пики тонули в зеленоватом тумане.

Тропа часто двоилась, но Аскер каждый раз уверенно выбирал дорогу. К концу дня, когда упало солнце и задымились горы, они остановились на привал. После ужина Пётр Владимирович достал карту и сделал на ней какие-то пометки, а потом они вместе собирали геологические образцы.

С темнотой оба забрались в спальные мешки. Аскер лежал на спине и смотрел в звёздное фиолетовое небо.

————

[1] Амак — дяденька.

[2] Аскер — смельчак, воин.

— Не спишь? — окликнул его Пётр Владимирович.

— Нет. Думаю... Почему одни люди добрые, а другие нет? Отец у меня добрый был. Я его хорошо помню. А маму забыл...

Они надолго замолчали. Потом Пётр Владимирович спросил:

— Послушай, отчего весь кишлак боится твоего дядю?

— Он табиб, знахарь, — не сразу ответил Аскер. — Все несут ему подарки и деньги. Он говорит: врачи в долине глупые, потому что с больных не берут халатов и овец.

— А ты любишь дядю?

— Я его ненавижу, — тихо ответил Аскер. — Это он до смерти залечил моего отца...

На другой день пути они обнаружили первый горячий источник. Вернее, нашёл его Пётр Владимирович. У какой-то осыпи геолог велел вдруг свернуть с тропы и сам пошёл вперёд. Через несколько минут раздался его весёлый голос:

— Есть! Иди сюда!

Источник представлял собой трещину в серой гранитной скале. В трещине клокотала кипящая вода, изредка выбрасывая клубы густого белого пара. Со стороны казалось, будто кто-то забрался в расщелину и раскуривает трубку.

— Как это мы мимо не прошли? — удивился Аскер.

Пётр Владимирович засмеялся:

— У меня, братец мой, нюх как у слепого верблюда. Знаешь, как в пустыне воду ищут? Пускают вперёд слепого верблюда, и там, где он начнёт копытить песок, роют колодец. Вода будет наверняка... Ну, а теперь за дело.

Пока Аскер собирал образцы, Пётр Владимирович замерил температуру источника и взял пробы воды. Потом они распаковали походную химическую лабораторию, и Пётр Владимирович принялся за анализы. Аскер сидел рядом на корточках и не отрываясь глядел в пробирки. А Пётр Владимирович между делом рассказывал:

— Был я как-то зимой на Чукотке, в бухте Провидения. От неё недалеко Чаплинские источники. Там наша экспедиция работала. Добрался я туда на собаках. Ребята, конечно, обрадовались свежему человеку и говорят: «Сейчас мы тебя с дороги да с морозу в баню поведём». Что ж ты думаешь? Приводят меня к источнику вроде этакой круглой ванны. Ванна заборчиком обнесена. Разделся я — и в воду скорей! Ну, сижу блаженствую, будто в рай попал — вода градусов сорок. И вдруг надо мной как заполыхает

всё небо! Батюшки мои, да это же северное сияние! Я от удивления аж с головой под воду ушёл... Вот какие пироги на белом свете бывают!

Пётр Владимирович расхохотался. Аскер смотрел на него во все глаза. А геолог вдруг посерьёзнел и уже другим тоном сказал:

— Кончишь школу, приезжай ко мне в Москву. Поступишь в наш институт, и мы с тобой ещё походим по земле. Идёт?

— Спасибо, — шёпотом ответил Аскер.

3

За трое суток Аскер так привязался к Петру Владимировичу, словно знал его давно. Когда пришла пора прощаться, мальчик затосковал. Наутро он поднялся чуть свет и пошёл в горы. Горы ещё спали, из расщелин ползли молочные туманы, обнажая свои каменистые лежбища. Заросли джуды и арчевника обливали Аскера холодной росой. На одной из скал Аскер нашёл то, за чем сюда отправился. Потом он пошёл назад. Пётр Владимирович уже проснулся. Позавтракав, они навьючили мулов и двинулись к перевалу.

— Ты что такой невесёлый? — спросил Аскера Пётр Владимирович.

— Да нет, ничего. — Мальчик потупился и всю дорогу молчал.

На перевале их дороги разошлись. Геолог должен был вернуться в кишлак к своим, а Аскер — в долину.

— Вот это отдашь учительнице, чтоб не ругала, — сказал Пётр Владимирович и протянул Аскеру записку. — А это мой адрес. Ну, прощай, дружок. Жди строителей. А дяди не бойся. Он как гнилой пень — только с виду страшен. Прощай, спасибо тебе за всё.

Аскер достал из-за пазухи небольшой голубой цветок.

— Это вам на память. Кок-от — голубой огонёк. Он растёт только высоко в горах. Старики говорят, что он возвращает молодость.

Пётр Владимирович высоко поднял брови:

— Зачем мне вторая молодость?

— Нужно, — серьёзно ответил Аскер. — Чтобы, когда я выучусь, вы были ещё не старым. Мы будем вместе ходить по земле.

Юрий Качаев

ЛАКОМКА

В нашем саду грелась на солнце со своим рыжим котёнком проказница Мурка. Мурка была очень странная кошка. Она, всем на удивление, очень любила мёд. Намажешь, бывало, мёдом кусочек хлеба и дашь ей. Мурка мёд слижет, а к хлебу и не притронется. Такая сластёна!

Бойкое чириканье воробья разбудило кошку. Она приоткрыла зелёные глаза, лениво зевнула, показав острые зубы, и снова было зажмурилась. Но тут её внимание привлёк знакомый запах. От стоящего у малинника улья потянуло мёдом. Мурка поднялась и стала осторожно красться. Рыжий котёнок прижался к земле. Он издали пристально наблюдал за каждым движением матери. Ему, казалось, нравилась эта игра.

— Куда ты! — крикнул я кошке. — Ведь покусают, дурёха!

Но Мурка не слушала. Её не остановило даже грозное жужжание пчелы над ухом. Она отмахнулась от неё белой лапкой и прямо двинулась к заветной цели.

Вот Мурка уже возле улья. Поднявшись на задние лапки, она сунулась мордочкой к летку... И вдруг по саду пронёсся дикий кошачий визг. Мурка несколько раз перекувырнулась в воздухе, а затем, вздыбив шерсть, опрометью бросилась в кусты...

Почуяв недоброе, котёнок оранжевым вихрем тоже пустился наутёк.. С той поры наша Мурка даже запаха мёда не переносит!

ПРИМАНКА

Из-за стволов старого леса показалось болотце, густо поросшее жёлтыми цветами, осокой и мелким кустарником. Я нашёл его по звонкому многоголосому кваканью и урчанию лягушек.

Подхожу ближе, чтобы побольше нарвать душистых болотных цветов, и вдруг замечаю под широкими листьями что-то живое; что именно, сразу даже не понял, только вздрогнул. Присмотрелся и тотчас заметил — среди листьев качнулась сплюснутая треугольная голова...

Змея! Я отскочил, змея не шелохнулась. Я стал наблюдать за ней и тут увидел, что напротив змеи, как заворожённая, сидела лягушка.

«Не гипнотизирует ли её змея?» — подумал я.

Из раскрытой пасти змеи юрким червячком высунулся раздвоенный язык... Раз, другой, третий. И вдруг лягушка, к моему величайшему удивлению, прыгнула навстречу змеиной пасти.

Я ахнул, замахал руками — зашумел на гадюку. Не знаю, успела ли змея схватить квакушу или нет, но охоту я ей испортил. Гадюка зло завертелась и скрылась. Мне говорили, будто змеи гипнотизируют добычу. А на самом деле никакого тут змеиного гипноза не было. Просто лягушка замечает только движущуюся добычу, вот она и бросилась на червячка. Гадюка была неподвижная, квакушка её и не видела, а вот змеиная приманка — язычок — извивался, за ним-то глупая квакуха и прыгнула.

А. В. Дорохов

НЮРКИН МЕСЯЦ

По улице небольшой деревеньки Коноплянки возвращается домой стадо.

Стадо уже закатилось за Марьину горку, и в сумерках деревня кажется неприметной и серенькой, совсем не такой, какой была утром — яркой, цветастой и свежей. Коровы, грузно покачиваясь, несут полное вымя. Пахнет парным молоком и мятой.

За стадом бредёт огромный бык Аполлон. Он то и дело просовывает свою лобастую голову через изгородь колхозного огорода, норовя забраться в гряды огурцов и там похозяйничать... За быком увязалась трёхлетняя Нюрка. Она держит в руках тоненький прутик и неотступно ковыляет за нарушителем. Когда Нюрка приближается к быку, он косится на неё своим мутно-зелёным глазом, угрожающе помыкивает, но уходит дальше.

Всё это видит Серёжка Колосов, малый озорной и, по выражению деревенских старух, отпетый. Серёжке любопытно, что будет Нюрка делать, если догонит Аполлона, но в то же время и боязно за девчонку.

— Нюрка! — кричит он с крыльца своего дома, продолжая стругать ножом палку из бузины, чтобы сделать свистульку. — Вернись!

Но Нюрка не слышит. Увлечённая преследованием, она падает, поднимается и снова догоняет Аполлона. Не выдержав, Серёжка перемахивает через крыльцо и бежит за ней.

— Пойдём домой! — догнав её и взяв за руку, приказывает он.

Но Нюрка не слушается, она тянет Серёжку за Аполлоном.

— Кому говорят, пойдём! — сердится мальчуган и, подняв Нюрку на руки, несёт к дому.

Нюрка вырывается, сучит ногами, машет прутом и плачет. Чтобы унять её, Серёжа останавливается и показывает рукой на бледный серпок месяца, который повис над крышами деревушки.

— Вон месяц, видишь? Это луна... — объясняет он.

Нюрка притихает и вдруг просит:

— Дай месяц!

Мальчуган молча смотрит на недосягаемую игрушку и, опустив девчонку на землю, обещает:

— Будет у тебя месяц... Пойдём. Я тебе его домой принесу.

Нюрка смеётся, берёт Серёжкину руку и, прижав её к щеке, спрашивает:

— А не обманешь? Принесёшь месяц?

Серёжка молчит. Он и сам ещё толком не знает, как ему выйти из этого трудного положения. А умиротворённая обещанием Нюрка забыла про быка и, уцепившись за Серёжкин палец, покорно идёт к дому.

У колодца они останавливаются. Подойдя к срубу, Серёжка облокачивается и смотрит вниз. В чёрной, будто расплавленный вар, воде на дне колодца он видит звёзды. Они ярче, чем в небе. От них не полетнему веет холодом. И вдруг звёзды исчезают, затягиваются мелкой дрожащей рябью.

— Ты что наделала? — удивлённо спрашивает Серёжка, а сам уже понял, что Нюрка бросила в колодец свою панаму.

Она виновато молчит. Серёжка отводит её в сторону и приказывает:

— Сиди тут. Не вставай... Я за панамой полезу. Поняла?

Нюрка кивает головой. Она всё поняла.

Размотав с деревянного вала звонкую цепь, Серёжка опускается по ней в колодец. Скоро его босые ноги нащупывают холодную дужку ведра, и, опустившись чуть ниже, он ловко подхватывает плавающую панаму, зажимает её в зубах и лезет обратно. А когда его вихрастая голова показывается на поверхности, перед ним вырастает бабка Молоканиха:

— Ты что ж это, анчихрист, в колодец влез... — причитает она. — Вот погоди, сорванец отпетый... Я отцу-то скажу!.. Он тебя выучит... И девочку рядом посадил... А если она утоннет?

— Не утонет, — бросает Серёжка.

Выбравшись из колодца, он старательно выжимает подмокшую панаму, нахлобучи-

вает на Нюрку и ведёт её дальше.

— Нюрка-а-а! — доносится с огорода.

— Тётя Ирина, здесь она! — кричит Серёжка, узнав голос Нюркиной матери.

Синеют сумерки. В избах зажелтели огни. Серёжка передаёт Нюрку матери и бежит домой. Он решил сегодня же сделать месяц.

Разыскав картон, Серёжка кладёт на него тарелку, очерчивает полукруг и вырезает месяц. Потом достаёт с полки коробку, где у него хранятся фантики, две блестящие пуговицы с якорями, дедов гвардейский значок и фольга из-под чая. Фольгой обклеивает месяц и, чтобы лучше блестел, разглаживает ногтем. Получилось здорово!

Взбежав на крыльцо Нюркиного дома, он постучал в дверь.

— Кто там?

— Это я, Серёжка... Месяц принёс.

— Чего? — открывая дверь и впуская Серёжку в сени, спросила тётя Ирина.

— А Нюрка где?

— Спит она...

— А-а, — пожалел Серёжка. — Тогда вот, утром ей отдайте, — и, сунув в руки матери игрушку, он выскользнул на улицу.

— Мам, мама... — слышится из избы сонный Нюркин голос.

То ли от стука захлопнувшейся двери, то ли от громких голосов Нюрка проснулась. Прямо на неё в окно смотрел рожок месяца.

— Мам, месяц дай!

— Сейчас, сейчас...—затягивая окно занавеской, отвечает мать. — Вот, возьми, Серёжка принёс тебе... Да какой же ладный!

Схватив месяц обеими руками, Нюрка прижимает его к щеке и зарывается в подушку.

Алексей Глебов

Почему мы так говорим?

Так говорят о человеке, когда хотят подчеркнуть, что можно по привычкам, манерам, поведению узнать, кто он такой. Ну, а птицу по полёту узнать тем более можно. Если ты вспомнишь птиц, которых тебе приходилось видеть в лесу или в парке, то, наверное, вспомнишь и то, что летают они не все одинаково. Вспомни, например, как летают воробей или синица. Эти и другие мелкие птички летают как бы рывками, будто отталкиваются от воздуха. Полёт у них не ровный, и летают они, по сравнению с другими птицами, не очень хорошо. Но это синицам и им подобным пичугам и не так уж важно: весь маршрут-то у воробья или синички — с дерева на дерево, с забора на забор, из леса в лес.

Другое дело птицы, жизнь которых целиком зависит от полёта. Например, стрижи — они ведь не просто летают, а ловко маневрируют в воздухе: то снижаются, то взмывают вверх, тормозят и делают крутые повороты.

Иначе им нельзя: ведь они в воздухе ловят насекомых и, если бы плохо летали, погибли бы от голода.

Хищные птицы — те, которые охотятся за другими птицами и бьют их в воздухе, тоже очень хорошо летают. Как же иначе — ведь добычу надо догнать. Но, развивая огромную скорость, такие птицы, как, например, сокол, часто не способны затормозить или изменить направление полёта. Если жертва уклонилась от удара нападающего, сокол не может сразу повернуть за ней. Мало того, нередки случаи, когда сокол, бивший птицу низко над землёй и промахнувшийся, уже не может остановиться, врезается в землю и разбивается.

Лесные птицы — даже довольно крупные — приспособили свой полёт для того, чтоб маневрировать между деревьями. Увидишь в лесу сойку, последи, как она летает.

Лесные хищники ястребы тоже ловко летают между деревьями. Но многие хищники предпочитают медленный полёт. Они парят высоко в воздухе, кружась или двигаясь по прямой.

Двигаются медленно, потому что им необходимо видеть, что делается на земле. А уж когда увидят, то «пикируют» молниеносно.

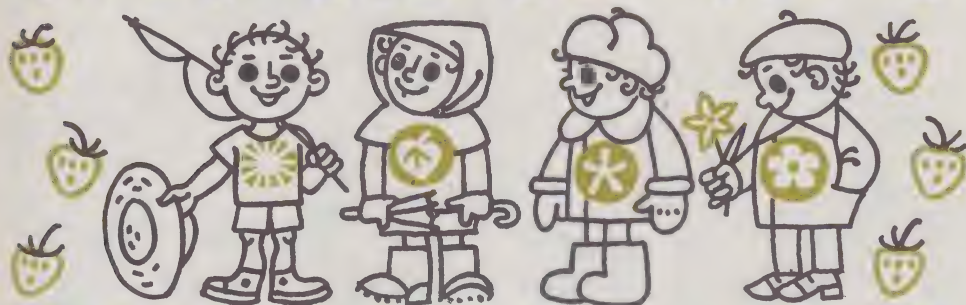
А есть и такие, которые летят-летят, а потом как бы застывают в воздухе и висят, будто их кто-то держит на верёвочке. И ещё по-разному летают птицы. Опытный человек по полёту сразу может определить, что это за птица. Попробуй-ка и ты приглядеться к птицам и добавить свои наблюдения в эту табличку.

КАК ЛЕТАЮТ ПТИЦЫ?	КТО ТАК ЛЕТАЕТ?	КТО ЕЩЁ?
Отталкиваются от воздуха	Зяблик Синица	
Висят в воздухе	Жаворонок Пустельга	
Парят в воздухе	Орёл Коршун	
Маневрируют в воздухе	Стриж Ласточка	
Шныряют по лесу, ловко облетая деревья	Ястреб Сойка	
Как еще летают птицы? Какие?		

Юрий Дмитриев

ИГРЫ БРАТЬЕВ КРУГО

ИГРЫ БРАТЬЕВ КРУГО

УТОЧНИТЕ АДРЕС

На небольшой лесной поляне
Приземлились марсиане
И гуляли целый день.
Громко свистнул дрозд на ели —
Марсиане улетели.
Но один оставил тень!
Чья она? Прошу, проверьте,
Чтобы точно на конверте
Был указан адресат.
(Марсиан, наверно, масса,
И боюсь, друзья, что с Марса
Нам пришлют письмо назад!)
Уточнили?
Очень рад!

НА СВОИ МЕСТА!

Раз, два, три, четыре, пять,
Стал я марку рисовать.
На пяти листках вначале
Набросал её детали
И старательно потом
Соберу их на шестом.
Если хочешь, это вместе
Будем делать мы сейчас.
Мне ужасно интересно,
Что получится у нас.
Как бы мы не сплоховали!
Переноска не проста:
Проследи, чтоб все детали
Мест своих не потеряли
И на новой марке встали
На свои места!

ПИР В КРОССВОРДЕ

Однажды кит, тритон,
Баран, оса и крот,
Барсук, улитка и акула
Залезли пировать в кроссворд.

Гремела музыка, и лес дрожал от гула.
На шум явились краб, лягушка, павиан,
Лиса и кенгуру, сова и пеликан,
И под конец совсем — вломились слон с ослом.
Всех разместить прошу за праздничным столом!

Никита Разговоров

ОСЕНЬ

Осень! Обсыпается весь наш бедный сад...
Листья пожелтелые по ветру летят.
Лишь вдали красуются там, на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.

А. К. Толстой

* * *

. . . .
Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

А. С. Пушкин

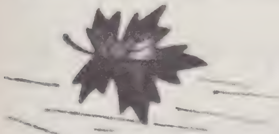

* * *

А осенний ясный, немножко холодный, утром морозный день, когда берёза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на бледно-голубом небе, когда низкое солнце уже не греет, но блестит ярче летнего, небольшая осиновая роща вся сверкает насквозь, словно ей весело и легко стоять голой, изморозь ещё белеет на дне долин, а свежий ветер тихонько шевелит и гонит упавшие покоробленные листья, — когда по реке радостно мчатся синие волны, тихо вздымая рассеянных гусей и уток; вдали мельница стучит, полузакрытая вербами, и, пестрея в светлом воздухе, голуби быстро кружатся над ней...

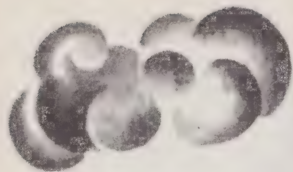
И. С. Тургенев

ПЕНЬ-МУРАВЕЙНИК

Есть старые пни в лесу, все покрытые, как швейцарский сыр, дырочками и сохранившие прочную свою форму... Если, однако, придётся сесть на такой пень, то перегородки между дырочками, очевидно, разрушаются, и чувствуешь, что сам на пне немного осел. И когда почувствуешь, что немного осел, то вставай немедленно: из каждой дырочки этого пня под тобой выползет множество муравьёв, и ноздреватый пень окажется весь сплошным муравейником, сохранявшим обличие пня.

М. Пришвин

КАК ОБЛАКА ПОДРАЛИСЬ

Плыло по небу большое мохнатое облако. Плыло гордо, неторопливо. Замешкается маленькое облачко, не успеет дорогу ему уступить — проглотит его большое и ещё от спеси и могущества своего раздуется. Так плыло оно по небу толстым великаном, пока из-за леса не показалось другое облако-великан. И случилось так, что пути их встретились.

— Эй ты, космач белобрюхий! — закричало первое облако. — Прочь с дороги! Не то проглочу тебя — и следа не останется!

— Это ты, серая каша, убирайся подобру-поздорову! Не то тебе плохо придётся! — рассердилось второе облако.

— Ах ты так! Ну погоди же! — загремело первое облако и изо всех сил толкнуло второе в бок.

— Ты ещё и драться лезешь! — рассвирепело второе облако и почернело от злости.

Маленькие облака остановились поодаль и смотрят: что-то будет.

Разогнались великаны. Сшиблись лбами, да так, что искры у них из глаз посыпались и такой гром загремел, что маленькие облачка шарахнулись во все стороны и уши заткнули, чтобы не оглохнуть. А люди внизу задирали головы и говорили:

— Вот это молния! А гром-то какой! Сейчас гроза будет!

И верно. Вслед за искрами у разозлённых толстяков из глаз слёзы полились.

— Дождь пошёл! — говорили люди и бежали прятаться под навесы или открывали зонты.

А толстяки всё плакали и никак не могли остановиться.

— Смотрите! Они тают! — шептали маленькие облака друг другу. — Скоро от них ничего не останется!

Так бы и случилось. Но налетел забияка-ветер и разогнал плачущих толстяков в разные стороны. Только теперь они уже не были толстяками. Когда глаза их высохли, они увидели, что превратились в маленькие белые облачка, каких много гуляло в тот день по небу.

И. Яковлева

ВАЖНЫЙ ДЕНЬ

Белый листик с цифрой красной!
Это значит — выходной!
Это — солнечный и ясный,
Первомайский день весной!

Много дней таких желанных
В феврале и в ноябре,
Красных чисел долгожданных
В отрывном календаре!

Этим дням ребята рады,
Этих чисел ждут они,
Потому что все парады
Происходят в эти дни.

Но средь многих воскресений
И особых дней в году
Есть обычный день осенний
В славном праздничном ряду.

Красной цифрой не отмечен
Этот день в календаре
И флажками не расцвечен
Возле дома, на дворе.

По одной простой примете
Узнаём мы этот день:
По идущим в школу детям
Городов и деревень,

По весёлому волненью
На лице учеников,
По особому смущенью
Семилетних новичков...

И пускай немало славных
Разных дней в календаре,
Но один из самых главных —
Самый первый в сентябре!

С. Михалков

7 НОЯБРЯ — 59 лет Великой Октябрьской социалистической революции

НА МОСТУ

Восстание началось ночью.

Ночь была чёрная, грозная. Фонари на улицах не горели. На Неве тёмной громадиной высился большевистский крейсер «Аврора». Огни на нём были погашены, а дула орудий повёрнуты к Зимнему дворцу.

В темноте раздавались далёкие выстрелы, трещали мотоциклы, с грохотом носились по мостовой грузовики; на них стояли с винтовками солдаты и матросы.

Горели костры на улицах. Красногвардейцы грелись у огня, негромко переговаривались, ждали приказа наступать. Отряды вооружённых рабочих к этому времени уже заняли все мосты через Неву.

На одном мосту стоял молодой петроградский рабочий Андрей Крутов. Вместе с ним охраняли мост ещё восемь бойцов — красногвардейцев и матросов. Командовал ими старый большевик, которого все они звали Василием Ивановичем.

Два раза за ночь мост обстреливали юнкера, но красногвардейцы отогнали их выстрелами, не сходя с места. Через мост можно было пройти только по особым пропускам.

Но у одного человека пропуска не было, и всё-таки его пропустили. Когда он подошёл близко к заставе, Василий Иванович шагнул к нему с револьвером в руке и спросил строго:

— Ваш пропуск!

Человек остановился и отогнул поднятый воротник пальто. Щека у него была туго обвязана платком. Он негромко сказал что-то Василию Ивановичу. Тот посторонился и взял под козырёк. Человек с подвязанной щекой прошёл быстрыми шагами мимо Андрея на мост и скрылся в темноте.

А начальник заставы вернулся на своё место, стал рядом с Андреем. Он не сказал ни слова и всё поглядывал в ту сторону, куда ушёл незнакомец. Там, за рекой, по

временам глухо гремели выстрелы.

Наконец Крутов не вытерпел и спросил:

— Что ж, показал он тебе пропуск?

Василий Иванович ответил медленно:

— Нет. Он не успел его получить. Он скрывался всё время... Сперва в Финляндии, потом здесь. А сейчас вот идёт в Смольный. — Потом Василий Иванович добавил, и Андрею почудился в его голосе страх: — Подумать только: он прошёл сюда мимо вражеских отрядов. Его ж могли... Ты понимаешь, его могли убить!

В первый раз слышал Андрей, что его командир говорит таким голосом. Он заглянул Василию Ивановичу в лицо и спросил:

— Да кто это был?

И командир красногвардейской заставы ответил:

— Владимир Ильич Ленин

А. Кононов

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Промчался день, и ночь упала,
И на земле зажглась звезда,
Вокруг «Авроры» закипала
Тёмно-свинцовая вода.

И кто-то вдруг её разгладил,
И начался не за горой,
А здесь, в грозовом Петрограде,
Великой эры день второй.

И широко врывался в семьи,
В дома его могучий свет,
А чтоб штыки вонзились в землю —
О мире принят был декрет.

Потом летел он через горы,
За перевал, за перевал, —
Ведь тем же днём радист с «Авроры»
его —
всем! всем! —
передавал.

Александр Прокофьев

ГЛАВНАЯ ДОРОГА

Твоя Родина — Советский Союз — огромная страна. С запада на восток она протянулась на многие тысячи километров, от берегов Балтийского моря к берегам Тихого океана. Больше недели должен мчаться скорый поезд для того, чтобы преодолеть это расстояние. Он будет мчаться через поля и леса, по мостам пробегать над реками, мимо городов и селений.

В западной части нашей страны очень много больших и малых, старых и молодых городов, много шоссейных и железных дорог.

День и ночь по своим до-

рогам бегут автомобили и поезда, везут пассажиров, различные грузы — всё то, что создают своим трудом люди, что они добывают из земных недр...

К востоку от Уральских гор гораздо меньше городов, посёлков, деревень. Там находится Сибирь, край дремучей тайги и могучих полноводных рек. Всем богата Сибирь: золотом и нефтью, железом и каменным углем, лесом и рыбой, и пушным зверем. А вот дорог в Сибири мало. Железная дорога — только одна пересекает всю Сибирь.

Когда нет дорог, как вывезти ценные полезные ископаемые? Как строить новые города и заводы? Как добираться людям в глухие, необжитые места и обживать их?

Необходима ещё хотя бы одна железная дорога.

Построить железную дорогу очень трудно. Даже небольшую. А новая дорога, которую решили построить в Сибири, будет длиной более трёх тысяч километров.

Эта дорога пройдёт сквозь дремучие леса, через большие и малые реки, через высокие горные хребты. И все эти трудности надо преодолеть... И ещё. Мало посёлков встретят строители на своём пути. Почти безлюден район, где пройдёт железная дорога.

Для того чтобы на земле наметить путь, по которому пойдёт дорога, как говорят, выбрать её трассу, понадобились долгие годы изысканий. Всю трассу, каждый её километр — а их более трёх тысяч — надо было пройти пешком со специальными инструментами, и не один раз пройти и не по одному только направлению. Ведь надо было выбрать самый лучший путь. Ведь не везде горы одинаково высокие, реки одинаково широкие и глубокие...

Но и самый лучший путь

тоже оказался очень сложным. И на нём придётся построить несколько сотен мостов через большие и небольшие реки, а несколько горных хребтов прорубить насквозь, сделать в них тоннели, по которым поезда пройдут сквозь горы. . .

Будущую железную дорогу назвали БАЙКАЛО-АМУРСКОЙ МАГИСТРАЛЬЮ. Такое имя она получила потому, что начинается неподалёку от огромного сибирского озера Байкала, а конец её—на Дальнем Востоке, у реки Амур. А слово «магистраль» означает, что дорога эта — не простая, а очень нужная, важная для страны, главная дорога.

Длинное название дороги сократили и называют по первым буквам её трёх слов. Вот и получилось короткое и звонкое, как удар молота о сталь, слово «БАМ». Наверное, тебе уже приходилось слышать это слово, а может быть, и видеть кинофильмы о строительстве БАМа.

БАМ — Всесоюзная ударная комсомольская стройка. В Сибирь и на Дальний Восток выезжают строительные отряды из всех республик. И из всех республик, с сотен заводов направляют туда механизмы, машины, продукты, всевозможные материалы. Во многих десятках институтов работают для БАМа учёные и инженеры, а в район строи-

тельства выезжают многочисленные экспедиции.

Чтобы можно было строить железную дорогу, надо прежде всего построить дорогу обычную, по ней подвезти механизмы, по ней отвезти людей, потом надо построить посёлки для будущих строителей, и не какие-нибудь, а с тёплыми домами, школами, клубами, магазинами, надо подвести электричество. Многое надо сделать ещё до того, как начнут отсыпать насыпь и укладывать рельсы.

А вокруг шумит густая тайга, бурлят широкие реки. Зимой лютые морозы наступают, летом часты затяжные дожди. Но выходят отряды лесорубов, валят вековые сосны и лиственницы, прорубают широкую просеку. К берегам рек направляются другие отряды — мосты возводить. Дорожники прокладывают грунтовые дороги. На подготовленных площадках плотники начинают строить дома...

Более трёхсот лет назад пришли в Сибирь первые русские люди, отважные землепроходцы. И уже тогда поразил их этот край своими богатствами и своей красотой.

Кто знает, может быть, под этими вековыми соснами сидели у костров первые путешественники, с великим трудом, за многие месяцы пешего хода, езды на собаках, на лыжах, на самодельных ботах пришедшие сюда, на «неведомые землицы».

Первые отряды молодых строителей БАМа выехали из Москвы весной 1974 года. И с тех пор туда, на восток идут и идут поезда и строителей и техники. Работы подвигаются быстро. На длинных просеках ставят опоры электропередач, натягивают про-

вода; от могучих сибирских электростанций приходит по ним ток. По грунтовым дорогам пошли караваны машин. Через реку Лену на западе и Амур на востоке уже построили мосты. Благоустраиваются молодые посёлки, и в них, как и по всей стране, 1 сентября по школьному звонку ребята входят в новые школы и садятся за парты.

На отдельных участках по новой дороге уже прошли поезда. А на всё строительство БАМа отпущено восемь лет.

Торопись, подрастай! На БАМе и для тебя работа найдётся!

Галина Ганейзер

ЭХ, ЕСЛИ БЫ!

Важных дел невпроворот
У ребят в посёлке:
Кто в поход, кто в огород,
И девчонки — женский род —
Трудятся как пчёлки.

Важных дел невпроворот,
А вот Сашке не везёт!
Он сидит в сторонке,
Прикреплён к сестрёнке.

Тут рабочая пора,
Тут удары топора,
А ему менять пора
Танькины пелёнки.

Тут удары топора.
Он с сестрой сидит с утра
На скамье, под вязом,
Как верёвкой связан.

Эх, уехать бы
На БАМ.
Без сестёр,
Без пап и мам!

Агния Барто

ОСЕНЬ

Берёзы косы расплели,
Руками клёны хлопали,
Ветра холодные пришли,
И тополи затопали.

Поникли ивы у пруда,
Осины задрожали,
Дубы,
огромные всегда,
Как будто меньше стали.

Всё присмирело. Съёжилось.
Поникло. Пожелтело.
Лишь ёлочка пригожая
К зиме похорошела.

Мих. Садовский

* * *

Рожь, рожь... Дорога полевая
Ведёт неведомо куда.
Над полем низко провисая,
Лениво стонут провода.
Рожь, рожь — до свода голубого,
Чуть видишь где-нибудь вдали,
Ныряет шапка верхового,
Грузовичок плывёт в пыли.

Рожь уходилась. Близки сроки.
Отяжелела и на край
Всем полем подалась к дороге.
Нависнула — хоть подпирай.
Знать, колос, туго начинённый,
Четырёхгранный, золотой,
Устал держать пуды, вагоны,
Составы хлеба над землёй.

А. Твардовский

БАЙЫР-ХОЛМ

Верблюда звали Байыр-холм — такой он был сильный и большой.

Когда Байыр состарился, хозяин не прогнал его. Работать его не заставляли, думали, что старику станет лучше. А он тосковал. Он привык к человеческой ласке: к доброй руке, доброму слову. Ему было плохо без работы.

Но однажды к Байыру подошёл мальчик и дал ему кусок лепёшки.

— Меня зовут Мурад,— сказал мальчик верблюду,— а тебя Байыр. Давай дружить.

Мурад приходил к верблюду каждый день, угощал его, гладил ему шею. А верблюд, чтобы сделать приятное другу, ложился на землю. Так он приглашал Мурада покататься.

Летом, когда трава в пустыне выгорела, Мурад брал с собой Байыра собирать дрова.

Пошли они как-то к дальнему саксаульнику. Здесь было много сухих веток. Мурад радовался; он работал до тех пор, пока солнце не поднялось в зенит.

Стало жарко, как в печи. Мураду захотелось пить, и тут он обнаружил, что забыл флягу с водой. До дома далеко, и Мурад решил завернуть по дороге к большому такыру. Такыр — твёрдая ровная земля на месте высохшего озера. Мурад знал, что на такыре есть ямы, где вода сохранилась.

Такыр был виден издали. Он сверкал на солнце как зеркало. Это выступила соль земли.

Байыр сначала шёл по такыру, а потом заупрямился.

— Смотри, — предупреждал его Мурад, — до дома далеко, без воды худо будет.

Он хотел сам пойти к яме с водой, но Байыр взял его губами за рубашку и потянул к себе.

— Какой ты чудной сегодня! — удивился Мурад. — Пошли напьёмся, это от жары.

Байыр не послушал друга.

Земля пружинила, как засохшее сверху тесто, но мальчик не обратил на это внимания. До ямы с водой оставалось не больше десяти шагов, как вдруг Мурад провалился по колено. Дёрнулся — и не вытащил ног. И сразу понял, что погружается глубже и глубже. Лёг животом на землю, но коварная земля прогнулась.

— Байыр! — закричал Мурад в отчаянии.

Верблюд знал, какая опасность грозит его другу. Он сделал несколько шагов по неверной земле такыра, потом лёг на брюхо и пополз.

Земля проседала под Байыром, но он подобрался к Мураду как можно ближе, ухватил его зубами за рубашку и потянул, пятясь от страшного места.

Трясина недовольно захлюпала, но Мурад уже был на свободе.

Он подполз к Байыру и потёрся головой о его смешную верблюжью голову.

Верблюд смотрел на Мурада печальными добрыми глазами и не двигался. И Мурад увидел, как прогнулась вокруг Байыра земля такыра. Она отпустила мальчика, но собиралась проглотить верблюда.

— Байыр! Миленький, потерпи! — Мурад сорвал с его спины вязанку саксаула, подоткнул коряжку верблюду под живот и, не оглядываясь, не теряя ни минуты, побежал к дому.

Он не помнил, сколько раз падал, но падал он много раз. И он не лежал, набираясь сил, а полз, потому что трясина ждать не будет.

Ему хватило сил отворить дверь кибитки и прошептать:

— Спасите Байыра, он спас меня...

Утром, пробудившись, Мурад увидел, что в кибитке никого нет, все ушли по делам.

— Байыр! — вспомнил мальчик и вскочил. Ноги слушались плохо, голова кружилась, но Мурад добрался до двери и вышел на улицу.

Байыр стоял у кибитки, и перед ним лежала охапка травы. Байыр перестал жевать и повернул к мальчику голову. И Мурад засмеялся: сено во рту Байыра торчало во все стороны, как усы.

К. Тангрыкулиев

КТО ПОСТРОИЛ ДОМ

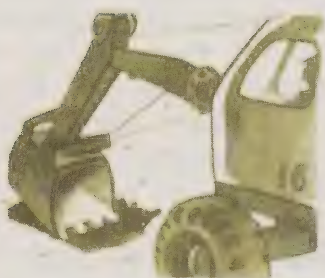
Я решил построить дом.
Ямку выкопал с трудом.
Вышла ямка мелковата.
То ль лопата плоховата?
То ли силы маловато?
Тут бы нужен экскаватор!
— Экскаваторщик, сюда!
Без тебя мне тут беда.

Экскаватор
Выгнул шею —
Вырыл
Ровную траншею.

Стал я дальше строить дом.
Нужен железобетон.
Стал бетон месить лопатой.
То ль лопата виновата?
То ль цементу маловато?
То ль песочку многовато?
День трудился — глянуть жалко.
Тут бетоно бы мешалку!

В рукавицах
И в спецовке
Подошёл
Бетонщик ловкий.
Закрутил
Свою машину.
Стал бетон
Месить, как глину.
Гнал бетон —
За тонной тонна.
Встал фундамент
Из бетона.

Стал я дальше строить
дом.
Побежал за кирпичом.
Навалил кирпич на тачку —
Задал я себе задачку!
То ли тачка маловата?
Кирпича ли многовато?
День возил — напрасный
труд.
Самосвал бы нужен тут.

— Не горюй! — шофёр
воскликнул.
Самосвал мотором
фыркнул.
Кирпичей привёз — гора!
И умчался со двора.

Стал я дальше строить
дом.
Клал кирпич за кирпичом.
То ль сноровки маловато?
То ль погода жарковата?
В результате всех трудов
Сделал за день пять рядов.
— Где ты, каменщик?
Сюда!
Без тебя мне тут беда.

Замелькал мастерком
Каменщик,
играя.
То кирпич кладёт бочком,
То на спинку, то торчком,
То пристукнет молотком,
То подтешет с края.
Вверх бежит за рядом ряд.
Шьётся каменный наряд.
Дом растёт всё выше, выше.
Стены есть!
Дела за крышей.

Стал я дальше строить
дом.
Обзавёлся долотом,
И рубанком, и стамеской,
И пилой, и топором.
А работа — ну ни с места!
Только пот бежит ручьём.
То ль рубанок виноват?
То ль топорик туповат?
То ли брёвна толстоваты?
То ль работник плоховат?
Сделал за день две доски —
Чуть не помер от тоски!
Плотника и столяра
На подмогу звать пора.

Вот и плотники идут,
Столяров с собой ведут.
Застучали молотки
И запели пилы.
Будут рамы, косяки,
Двери и стропила.

В небесах ударил гром!
Стал я дальше строить
дом.
С ножницами для железа
Поскорей на крышу лезу —
Гнуть железо и сшивать:
Надо ж крышу накрывать!
А железо не даётся,
Не сшивается, не гнётся.
Поработал до обеда,
Стал на помощь звать
соседа:
— Кровельщик! Скорей
сюда!
Без тебя мне тут беда.

Кровельщик
плотно
Сшивает
полотна,
Чтоб не было
В крыше
щелей.
Железная
крыша
Сшита
и крыта.
Дождик!
Пожалуйста,
лей!

Начал с неба дождик лить.
Стал я комнаты белить.
Известь дымную гашу,
Кистью длинною машу.
Час машу, другой машу...
Объясните же, прошу:
То ли краски жидковаты?
То ли кисти длинноваты?
То ли слишком волосаты?
Стены вышли полосаты!
— Эй, маляр. Скорей
сюда!
Без тебя мне тут беда.

Кисть в руке у маляра
И послушна, и быстра.
По стене летит, как белка.
Пахнет свежестью побелка.

Вдруг подуло ветерком,
Потянуло сквозняком,
В окна дождик начал лить.
Надо рамы застеклить.
Взял стекло я, взял алмаз,
По стеклу царапнул раз —
Только писк идёт да скрежет.
А стекла алмаз не режет!
Я к стекольщику бегу:
— Помогите!
— Помогу.

Взял стекло он,
Взял алмаз —
Р-р-р-а-з!
Разрезал, словно масло.
Вбил гвоздочки.
Взял замазку.
Вот и вставлено стекло!
В доме сухо и тепло.
Люди смотрят, веселятся.
Дом готов. Пора вселяться.

Вот за праздничным столом
Все, кто строил этот дом:
Экскаваторщик, бетонщик,
Каменщик, шофёр, маляр,
Слева кровельщик,
стекольщик.
Справа плотник и столяр.
Я не зря их усадил
На почётном месте:
Что не сделает один —
Сделаем все вместе.

Владимир Данько

ПРО ДАЛЯ И ЕГО СЛОВАРЬ

«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА»

Стоят на книжной полке четыре толстых тома — «Толковый словарь живого великорусского языка». Достанем четвёртый том, откроем на слове «СЛОВАРЬ». Читаем: «СЛОВАРЬ — сборник слов, речений (то есть выражений) какого-либо языка». Значит, в четырёх толстых книгах собраны русские слова.

Составитель словаря очень заботился о том, чтобы в его собрание попало больше слов народного — живого — языка, «как ходит он устно из конца в конец по всей нашей родине».

Но словарь не простой — толковый. «Толковым» не оттого назван словарь, — шутил его создатель, — что мог получиться и бестолковым, а оттого, что он слова растолковывает». Опять откроем словарь, найдём слово «ТОЛКОВАТЬ». Читаем: «ТОЛКОВАТЬ (что) — объяснять, давать (чему) толк, смысл, значенье». В «Толковом словаре» не

просто собраны слова, но и объяснены, в нём раскрыты смысл и значение каждого слова.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» около двухсот тысяч слов. Все слова, которые есть в словаре, собрал и объяснил один человек. Его зовут — Владимир Иванович Даль.

«ЧЕЛОВЕК РОЖДЁН НА ТРУД»

Владимир Иванович Даль был человек необыкновенный. Его мать говорила детям: «Надо зацеплять всякое знанье, какое встретится на пути», и Даль всю жизнь следовал этому правилу. Он был моряком, врачом, писателем, чиновником, натуралистом. Он плавал по морям, воевал, путешествовал, сочинял сказки и повести, делал сложные хирургические операции, строил мосты, написал учебники «Ботаника» и «Зоология». С детства он любил, по собственному его признанию, «копаться над какой-нибудь ручной работой»: умел сколотить табурет и выточить на станке шахматы, построить модель корабля и изготовить тончайшее украшение из стекла. И где бы ни ездил Даль, чем бы ни занимался, он всегда собирал слова. Подсчитали, что Даль, среди всех своих дел, в течение полувека каждый час записывал и объяснял одно слово.

Хорошо, что довелось Далю колесить по Руси, менять профессии, изучать ремёсла, встречать на своём пути тысячи разных людей. Иначе никогда не узнал бы он так много слов.

«Человек рождён на труд», — говорил Даль.

ПЕРВОЕ СЛОВО

В 1819 году юный Даль окончил Петербургский морской корпус и ехал служить на Черноморский флот. Сани легко катились по бескрайнему снежному полю. Ветер гудел, мёл снег низом. Ямщик, закутанный в тяжёлый тулуп, понукая лошадей, через плечо поглядывал на седока. Тот жался от холода, поднял воротник, сунул руки в рукава. Новая, с иголочки, мичманская форма греет плохо. Ямщик ткнул кнутовищем в небо, пробасил, утешая:

— Замолаживает...

— Как это «замолаживает»?..

— Пасмурнеет,—коротко объяснил ямщик. — К теплу.

Даль вытащил из кармана записную книжку, карандашик, подул на закоченевшие пальцы, вывел старательно: «ЗАМОЛАЖИВАТЬ — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью».

Этот морозный мартовский день оказался главным в жизни Даля. На дороге, затерянной в новгородских снегах, он принял решение, которое повернуло его жизнь: озябшими пальцами записал в книжке первое слово.

ЗОЛОТОЙ ВЕРБЛЮД

Очень много слов записал Даль во время русско-турецкой войны. Он служил военным врачом и жил среди солдат. Солдаты были вчерашние крестьяне со всех концов России. Они принесли с собой в армию свои слова. Тетрадки Даля быстро заполнялись. «Соберёшь вокруг себя солдат из разных мест, — рассказывал он, — да и начнёшь расспрашивать, как такой-то предмет в той губернии зовётся,

как в другой, в третьей; взглянешь в книжку, а там уж целая вереница речений». Тетрадок и записных книжек в походе набралось так много, что они не умещались ни в один чемодан. Даль запаковал слова в тюки и навьючил ими верблюда. Однажды во время стычки с неприятелем верблюд попал в плен. Даль очень горевал: годы его жизни и труда пропали вместе с верблюдом. К счастью, через несколько дней казаки отбили верблюда у врага и возвратили его хозяину. На Далевы тетрадки противник не позарился — не велика ценность! А для Даля его записи были дороже золота.

КАК ДАЛЬ ПРОДАВАЛ СЛОВА

Ни у кого не было столько слов, сколько у Даля. Когда Академия наук составляла словарь русского языка, министр просвещения предложил Далю продать свои запасы Академии. Ему давали по 15 копеек за каждое слово, пропущенное в академическом словаре. Даль попросил: «Возьмите все мои запасы безвозмездно и меня возьмите — за небольшое жалованье буду вместе с вами трудиться над словарём». Но академические чиновники не согласились: они предпочитали торговать словами. Даль рассердился: послал им сразу тысячу слов и написал на конверте: «Тысяча первая». В Академии всполошились: спросили Даля, сколько же будет таких дополнений. Даль ответил: десятки тысяч. Далю объявили, чтобы больше слов не посылал — на него никаких денег не хватит.

«ВЫПОЛЗИНА»

Пушкин горячо поддерживал труд Даля. Однажды в январе 1837 года поэт заглянул к Далю, с весёлым нетерпением рылся в его записках. Он громко радовался всякому слову, которого не слыхал прежде, всякому занятному выражению. Увидал слово «ВЫПОЛЗИНА». Это ещё что такое? Даль объяснил: выползиной называют шкурку, которую сбрасывают с себя змеи. На Пушкине был в тот день новый чёрный сюртук. Он, смеясь, сказал Далю:

— Какова выползина! Ну, из этой выползины я ещё не скоро выползу! В этой выползине я такое напишу!..

А через несколько дней Даль сидел у постели смертельно раненного Пушкина и старался облегчить его по-

следние страдания: давал лекарства, менял компрессы. Ведь Даль был ещё и доктор.

На память о Пушкине достался Далю простреленный на поединке чёрный сюртук — «выползина» и перстень поэта с лучистым зелёным камнем. Даль говорил:

— Гляну на этот камень — и сразу хочется писать.

Он часто повторял, что принялся за словарь по настоянию Пушкина.

СБОРНИК НАРОДНОЙ МУДРОСТИ

Даль собирал не только слова, но и народные изречения — пословицы. В пословицах народ коротко и метко высказывал свои суждения о жизни, свой вековой опыт. Народ говорит: «Пословица недаром молвится». Даль собрал больше тридцати тысяч пословиц. Он переписал их не по алфавиту, как обычно делается, а по смыслу: пословицы о родине и чужбине, о богатстве и бедности, о правде и лжи, о работе и праздности. Читаешь раздел за разделом сборник Даля — и перед тобой открывается, что думает народ обо всём самом важном в жизни. Даль объяснял: собрание пословиц — это свод народной мудрости, здорового ума. Но когда он хотел напечатать сборник, царские чиновники сделали всё, чтобы ему помешать: ведь господа судили о жизни совсем иначе, чем народ. Труд Даля опа-

сен, объявили они. В нём есть пословицы против властей, попов, помещиков, судей. Десять лет добивался Даль, чтобы книга «Пословицы русского народа» была напечатана.

ПЕРЕДНИЙ ЗАДНЕМУ МОСТ

Владимир Ильич Ленин высоко ценил труд Даля. «Толковый словарь» стоял на этажерке рядом с письменным столом в кабинете Ленина. Владимир Ильич внимательно изучал словарь, интересовался пословицами, которые там приведены, читал его как увлекательную книгу. Но жизнь что ни день рождает новые слова. Ленин понимал, что новая жизнь подскажет народу множество новых слов. Поэтому Владимир Ильич предлагал создать словарь современного русского языка. Советские учёные, выполняя завет Ленина, недавно завершили работу над таким словарём. Этот замечательный труд составляет 17 томов!

Владимир Иванович Даль верил, что люди, которые придут ему на смену, будут жить счастливее, что они продолжат и улучшат его дело. «Передний заднему мост», — любил повторять Даль: всякий человек своим трудом помогает двигаться вперёд тем, кто идёт следом.

В. Порудоминский

Почему мы так говорим?

Эта поговорка родилась давно, когда заводчики и фабриканты бессовестно обсчитывали рабочих, когда за малейшую провинность нещадно штрафовали, когда помещики забирали у крестьян всё, что у тех было, когда за недоимки — за то, что бедные крестьяне не могли вовремя уплатить налог или отдать долг, — уводили со двора последнюю лошадь или последнюю корову, забирали всё, что было в крестьянской избе, оставляя голые стены да пустые лавки.

В общем, смысл этой поговорки — забрать у человека всё, оставить его «голым».

А появилась эта поговорка, как ни странно, благодаря... лаптям. Самой распространённой обувью в российских деревнях когда-то были лапти. Кожаная обувь была для крестьян недоступной роскошью, даже валенки зимой имелись далеко не у всех. И зимой и летом, весной и осенью носили крестьяне лапти, которые делались, точнее, плелись из липового лыка. Лапти быстро снашивались — ведь материал-то был не прочный, — и одному человеку на год требовалось 12—15 пар лаптей. Подсчитано, что в конце прошлого века примерно 25 миллионов крестьян носили лапти. Значит, в России изнашивалось 300—350 миллионов пар лаптей в год. А на пару лаптей шло лыко с 2—3 молодых липок. Сколько же надо было ободрать деревьев! И обдирали — что же оставалось делать? И стояли повсюду в лесах ободранные, совершенно голые деревца.

Вот отсюда и пошла поговорка — «ободрать как липку», то есть забрать у человека всё, оставить его вроде бы голым.

Юрий Дмитриев

У нас в гостях

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Перед вами стихи Эдит Сигал. Эдит Сигал живёт в Соединённых Штатах Америки. У себя на родине она известна как танцовщица, как актриса кино и театра, а также как талантливая поэтесса.

Эдит Сигал — активная общественная деятельница, она всегда в первых рядах борцов за мир и за равноправие негров в Америке.

Родилась Сигал в беднейшем районе Нью-Йорка и с детства знала нужду. Она танцевала на улицах города под аккомпанемент ручного органа. Писать стихи и музыку она начала очень рано. Ей не было и семнадцати, когда она получила первую премию за песню, к которой написала и слова и музыку. Стихи, которые вы прочитаете, взяты нами из сборников Эдит Сигал — «Давай дружить» и «Пойдём со мной».

ДРУЖБА

Дружба — дело для двоих,
Для троих, для четверых
И для сотен тоже.
В нём участвовать любой,
Словно в песне, может.

ЯЗЫК, ПОНЯТНЫЙ ВСЕМ

Девчушка-иностранка
Знакомится со мной.
Язык её не знаю,
Она — не знает мой.
Но мы станцуем вместе,
Рука
В руке —
И станет всё понятно
На этом языке.

ЗИМОЙ И ЛЕТОМ

Зимой,
Когда от стужи нет защиты,
Народ спешит,
И все на вид сердиты.

А летом
Люди, млея от жары,
Идут не торопясь,
И все добры.

ЧЕМУ НЕТ ПРЕДЕЛА

Гляжу на тополь за окном —
Мы вместе с ним растём.

Хоть и расту
Я в высоту,
Но до него не дорасту.

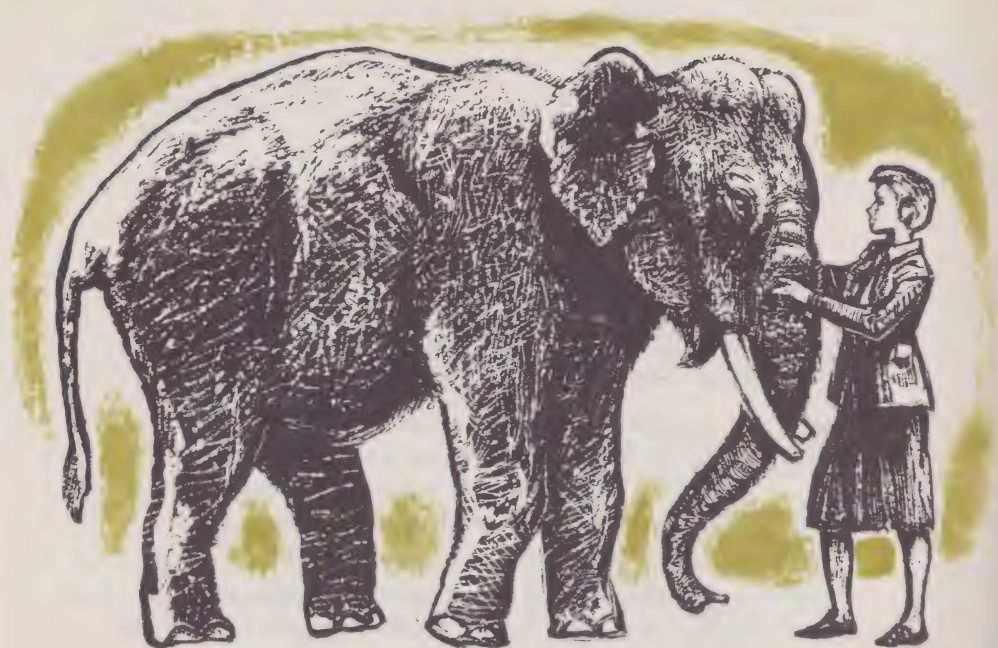
Да, в росте я остановлюсь,
Для роста есть предел — и пусть.
Но ум — иное дело.
Вот тут уж нет предела.

МОСТЫ

Когда б строителем я был,
Я б мост воздвиг —
Огромный мост
С материка на материк.

В чужом порту
Спускаюсь с теплохода —
Там столько незнакомого народа;
Когда мы руки жмём друг другу —
Я и ты, —
Мы маленькие делаем мосты.

Эдит Сигал

ДАЛЕКИЙ ДРУГ

Я была очень маленькой, когда бабушка подарила мне плюшевого серого слона и сказала:

— Это тебе на счастье...

Слона я полюбила, он жил у меня под подушкой, а вот почему он должен приносить счастье, я не понимала. И поняла это только совсем недавно, побывав в Индии и на острове Шри Ланка.

Счастлив тот дом, в котором есть слон, только не плюшевый, не каменный и не деревянный, а настоящий, большой живой слон. Это значит, что в доме есть работник и кормилец.

Слон и ребятишек нянчит, и тяжести переносит, и дом построить поможет, и кокосовые орехи срывает с высоких-высоких пальм.

На острове, неподалёку от древнего города Канди, есть озеро, куда слонов приводят купаться. Здесь же, за небольшую плату, туристы могут покататься на слоне. Слоны понимают, что от их поведения зависит, много ли денег заработает хозяин, и потому послушно сгибают передние ноги, опускаются на колени, подставляя туристам свою умную лобастую голову, чтобы те могли забраться

к ним на спину. А тот, кто не решается влезть на слоновью спину, может сесть на хобот, и слон будет медленно и осторожно покачивать его.

Едва наш автобус остановился возле озера, как к нам сразу же кинулось несколько тёмно-коричневых, худых и очень подвижных людей, наперебой предлагая свои услуги. Мои товарищи стали выбирать себе слонов, чтобы на них покататься. А я посмотрела на их умные, послушные морды, заглянула в их маленькие, добрые, всепонимающие глаза, и мне стало жаль слонов, — ох и трудная же у них жизнь! Я отдала монетку хозяину и решила, что кататься не стану: зачем осложнять и без того сложную их жизнь!

Я стояла в сторонке, возле большого неповоротливого слона. Мы долго с ним разговаривали. Я говорила ему ласковые слова, расспрашивала. И хотя он, конечно, ничего не мог сказать мне, но поглядывал так внимательно и выразительно, так по-доброму и печально, что казалось, я слышу, как он отвечает мне.

Я погладила слону лоб и переносицу, — кожа у него сборчатая и шершавая, поросшая жёсткой и длинной чёрной щетиной. Он в ответ только моргнул раз-другой и чуть пошевелил хоботом...

Так прошло полчаса, и наступило время прощаться. Я почесала слона за ухом, от всей души пожелала ему счастья и терпения и направилась к автобусу. Жаль было расставаться, да что поделаешь!

Медленно пробиралась я по узкому автобусному проходу, чтобы занять своё место. Мне было грустно и почему-то очень захотелось домой. Вдруг я почувствовала, что кто-то бережно и ласково взял меня за плечо. Я обернулась, и в лицо мне дохнуло тепло и влажно, я увидела чуть приоткрытый хобот, розово-серый внутри.

Возле двери автобуса стоял мой слон. Он просунул хобот через весь автобус, разыскал меня среди всех остальных туристов и попрощался со мной...

Как тебе живётся сейчас, мой далёкий друг?..

Л. Либединская

ПОВЕРЬ МНЕ!

Кричат на меня:
— Драчун! Забияка!
И сам не пойму,
Почему всё же драка
Не может нигде
Обойтись без меня?..
Бегут без оглядки,
Как от огня,
Собаки и кошки,
Где ни пройду.
А палки и камни,
Как на беду,
Лежат на виду
Повсюду вокруг...

Ах, если б ты знал,
Как нужен мне друг,
Который бы мне поверил
Во всём!
Собак мы бы с ним
Кормили вдвоём,
Ласкали бы вместе
Пушистых котят...
Мне очень обидно,
Когда не хотят
Мальчишки
Доверить мне дело!
Ты знаешь,
Как мне надоело,
Что все так боятся
Моих кулаков.
Скажи,
Ну зачем мне
Столько врагов?
Я всюду один...
И мне плохо теперь.
Как нужен мне друг!
Ты мне веришь?
Поверь...

САПОГИ

Две огромные ноги
Надевали сапоги.
Из квартиры выходили —
Всем проход загородили.
Шли навстречу восемь бот,
Встали задом наперёд.
Застучали каблуки,
Подбежали башмаки...
А на лестнице стояли
Туфли, тапочки, сандалии,
Девять кошек, шесть собак...
Девять кошек?
Шесть собак?
Но известно, что никак
Не умеют жить без драк
Вместе кошки и собаки!
И во время шумной драки
Туфли, тапочки, собаки,
Боты, кошки, башмаки,
Кот и длинные шнурки —
Всё запуталось в клубок,
Кроме
Двух больших сапог.
Было им не до собак,
Кошек, тапочек и драк,
Перепутанных шнурков,
Каблуков и башмаков...
Две огромные ноги
Обновляли сапоги —
Не слыхали ничего,
Кроме скрипа своего,
Не видали ничего,
Кроме блеска своего.

Н. Юркова

ТАИНСТВЕННОЕ СИЯНИЕ

Религиозные люди, которые верят в несуществующие сверхъестественные силы, представляют себе бога, ангелов и святых с сиянием вокруг головы — нимбом.

С таким сиянием эти мифические существа и изображались на иконах и старинных картинах на религиозные темы.

Каким же образом возникло представление о нимбе?..

Лет около пятидесяти тому назад люди, проходившие вечером по Моховой в Москве (теперь она называется Проспект Маркса) останавливались, поражённые удивительным зрелищем. По тёмной улице медленно шёл... светящийся человек. Одежда его излучала голубой свет, вокруг головы дрожало призрачное сияние, а из-под ботинок при каждом шаге вылетали яркие искры. По городу поползли слухи о «светящемся монахе, пришельце из потустороннего мира» — так называли таинственного человека суеверные люди.

На самом же деле «светящийся» незнакомец был обычным человеком, будущим академиком. А таинственное свечение было вызвано вполне естественными причинами. Как раз в это время учёный производил опыты с фосфором в специальной электрической печи, установленной в старом здании Московского университета. Но так как подобные опыты производились впервые, не были приняты необходимые

меры предосторожности. Выделявшийся при работе печи газообразный фосфор в течение дня пропитывал одежду, волосы и даже ботинки учёного. Вечером, с наступлением темноты они начинали светиться (таково свойство фосфора), а подошвы при трении о тротуар высекали искры.

Вероятно, нечто похожее иногда приходилось наблюдать и нашим далёким предкам. И они принимали загадочное сияние за проявление чего-то сверхъестественного, считали его свидетельством связи с «потусторонним» миром. Так и возникло представление о нимбе...

Вообще в природе встречаются различные формы самопроизвольного свечения. Не зная их естественных причин, некоторые люди при виде подобных явлений испытывали суеверный ужас, связывали таинственное свечение с действием сверхъестественных сил.

С давних пор известны, например, «огни святого Эльма» — призрачное сияние, возникающее иногда на высоких предметах: мачтах кораблей, шпилях колоколен и башен. На самом деле в этих огнях нет ничего «святого». Они связаны с действием атмосферного электричества. Электрические заряды, наведённые грозовыми тучами на поверхности тех или иных предметов, рождают множество светящихся искорок, создавая впечатление колеблющегося сияния.

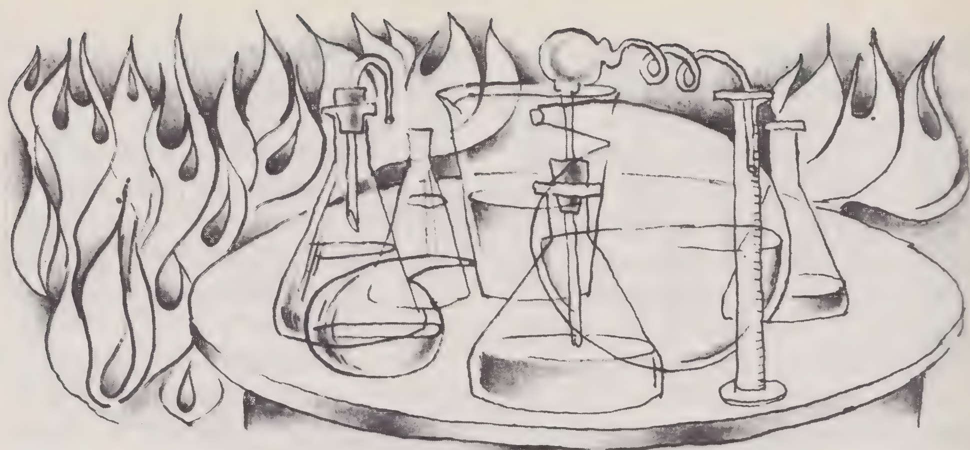
Такое сияние может возникнуть и вокруг тела человека, если он находится на большой высоте. Подобное явление не раз наблюдалось альпинистами в горах.

В религиозных книгах можно найти рассказы об огне, «сходившем» с неба и зажигавшем жертвенные костры.

Стремясь убедить верующих в том, что подобное чудо действительно возможно, служители религии не раз повторяли его, но... с помощью химии.

Церковь. Верующие молятся. И вдруг в самый торжественный момент одна за другой сами собой зажигаются многочисленные свечи, возгораются лампады возле икон. Поражённые верующие опускаются на колени. На их глазах только что совершилось чудо, божественное знамение.

На самом же деле ничего сверхъестественного, разумеется, не происходит. Тот, кто разводил костёр в лесу или растапливал печь, хорошо знает, что не так-то легко разжечь дрова или каменный уголь. Однако не все материалы загораются с таким трудом. Гораздо проще заставить гореть бумагу или сухую солому. Есть в природе и такие вещества, которые способны загораться сами собой — напри-

мер, белый фосфор. Именно с его помощью служители церкви заблаговременно готовили «чудо» самовозгорания. И довольно простым способом. Существует летучее вещество — сероуглерод. В нём растворяют белый фосфор и полученным составом смачивают фитили свечей и лампад. В тёплом помещении сероуглерод постепенно испаряется. А как только это происходит, оставшийся на фитилях белый фосфор вступает в соприкосновение с кислородом воздуха и моментально загорается.

Вот и всё «чудо». При известном навыке можно подобрать количество сероуглерода с таким расчётом, чтобы самовозгорание произошло в определённый момент. Получается, так сказать, «свеча замедленного действия».

С огнём связаны и некоторые другие «чудеса».

Яркое пламя костра поднималось высоко вверх. Отблески пламени причудливо играли на стенах собора. Жар ощущался даже на значительном расстоянии. Взоры людей, собравшихся вокруг, были устремлены на резную дверь собора. Вот она медленно отворилась, и появился священник в чёрной сутане, сопровождаемый монахами. Он торжественно спустился по ступенькам и подошёл вплотную к огню. Неторопливыми движениями снял с себя сутану и... бросил её в костёр. Толпа на площади затаила дыхание. Прошло несколько минут. Один из монахов длинной палкой пошарил в костре и, подцепив сутану, извлёк её из огня. Чудо: она осталась совершенно невредимой. И тут же на глазах присутствующих священник торжественно надел её снова.

Почему же материя не сгорела в костре? Может быть, священнику покровительствовали сверхъестественные силы?

А почему не горит в огне

считавшееся священным растение, которое так и называется — неопалимая купина? Может быть, и его охраняют высшие силы?

Прежде чем ответить на эти вопросы, проделаем простой опыт. Возьмём обыкновенный носовой платок. Намочим его в воде, а затем опустим в спирт. Теперь зажжём спичку и поднесём её к платку. Вспыхивает голубое пламя. Не пугайтесь — платок останется цел и невредим...

В чём же дело? А в том, что горит не материал, а пары спирта. А мокрый платок при этом не успевает даже прогреться. Примерно то же самое происходит и тогда, когда горит неопалимая купина. Это растение выделяет эфирные масла. Оказавшись в огне, они сгорают, а само растение остаётся невредимым. И ничего чудесного.

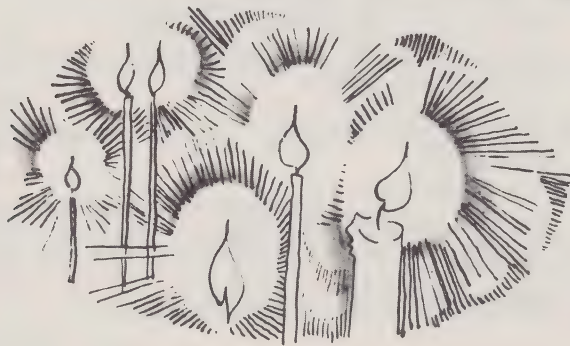
Что же касается «несгораемой» сутаны или другой церковной одежды, то подобные «чудеса», как и самовозгорание свечей, требуют подготовки. Материю предварительно опускали в расплавленное стекло. Благодаря такой операции она покрывалась защитной плёнкой, которая позволяла ей в течение некоторого времени переносить сильный жар без всякого вреда. Кстати сказать, подобное чудо с успехом осуществляет современная промышленность, которая выпускает несгораемые ткани, а также специальные пропитки, способные сделать негорючим любой кусок материи.

В окружающей нас природе происходит немало явлений, которые непосвященному человеку могут показаться таинственными, необъяснимыми, даже сверхъестественными.

На самом деле любое явление, каким бы загадочным оно ни представлялось на первый взгляд, всегда имеет естественную причину.

И искать его объяснение мы должны не у сверхъестественных сил, а у самой природы.

Виктор Комаров

ПТИЧКА И ВЫДРА

(По мотивам сказок народов Севера)

Прилетела птичка к реке. Скакала по берегу, подбирала клювом червяков и мошек.

Выдра увидала птичку и подумала:

«Вкусная пища сама ко мне на двух крыльях прилетела!»

Высунулась из воды и говорит:

— Птичка, птичка, пойдём купаться!

— Боюсь... Вдруг потонем!

Но выдра отвечает:

— А мы как станем тонуть, за траву схватимся.

— Трава острая, лапки порежем, — защебетала птичка.

Но выдра не отстаёт:

— А мы наденем рукавицы.

— Они вымокнут, — пискнула птичка.

— А мы их высушим, — уговаривает выдра.

— Они станут жёсткими.

— А мы их разомнём.

— Они порвутся.

— А мы их починим.

— Вот ещё! — рассердилась птичка. — Чиненые рукавицы? Нам, птичкам, это не годится. Нет, не буду купаться.

Расправила крылышки и улетела.

Анна Гарф

О ЧЁМ КУДАХЧУТ КУРЫ И ПОЁТ ПЕТУХ

(Бурятская сказка)

Давным-давно это было. Жили куры на воле. Бывало, как увидят человека, взлетят высоко, улетят далеко.

Но вот однажды охотник Хартагай сплёл сеть, расстелил её, рассыпал зерно. Не утерпели куры, спустились поклевать и попались! Да и петух с ними вместе.

Охотник собрал свою добычу в мешок, понёс домой.

— Куда-куда-куда мы поехали? — завопили куры. — Куд-куда, куд-куда-а-а-а...

— В котёл, — ответил охотник.

Услыхав такие слова, куры приуныли, замолчали, но петух заорал:

— Хартагай, Хартагай, Хартага-а-ай! Погоди-погоди, посто-о-ой!

— Ну, стою. Что случилось, говори.

И петух сказал:

— Ты всех в один день погубишь и всего лишь этот день сыт будешь. Отпусти нас, и за это станут куры каждый день тебе яйца нести.

— Ладно, пускай будет по-твоему.

И, подрезав курам перья на крыльях, охотник выпустил их у своей юрты.

Вот с тех пор куры хотя крыльями машут, но улететь не могут, так и живут подле человека. Но как вспомнят о подрезанных перьях, начинают искать их повсюду, роют они землю клювом и лапами, приговаривая:

— Куда-куда-куда спрятал Хартагай наши перья? Куд-куда, куд-куда-а-а...

А к ночи, когда куры замолчат, вступает со своей песней петух:

— Хартагай, Хартагай, Хартага-а-а-ай! Перья наши отдай, отда-а-ай!

Не услыхав ответа, петух думает, что охотник ещё не вернулся из леса:

— Покличу-ка я его в полночь.

Но и в полночь петуху только петухи отвечают, а Хартагая не слышно.

— Спит он, должно быть, крепко, придётся утром пораньше разбудить его.

Но опять нет петуху ответа. Так и кукарекает он с тех пор каждую ночь, просит у Хартагая похищенные перья.

А как побелеет небо и замолчит петух, начинают кудахтать куры.

И дети их кудахчут и кукарекают, и внуки, и правнуки.

Давно уже нет на свете охотника Хартагая, но сказка осталась.

А. Тороев

ДОЖДИК

Если прячется скорей
Воробей,
Раскрываются зонты,
Как цветы,
И торопится трамвай, —
Догоняй!
На бульварах суета, —
Красота!
А в подъездах теснота, —
Скукота!
В лужах, в лужах — пузыри,
Посмотри!
Это значит дождь идёт.
Вот.

Татьяна Котенёва

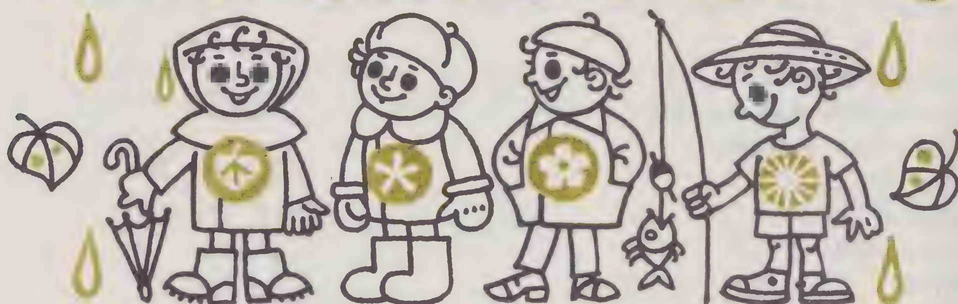
РУСАК

По лесу,
По полю
Несётся русак.
Он мчится как ветер,
Летит как рысак.
Дорога.
Тропа.
Перелесок.
Овраг.
Проносится вихрем
Огромный русак!
(В кустах притаился Иван Русаков,
Известный охотник на русаков.)
Охотник,
Охотник,
Уходит косой
Овражистым полем,
Лесной полосой!
Метёт над полями
Пороша-крупа.
Дорога.
Овраг.
Перелесок.
Тропа.
(Из леса выходит Иван Русаков,
известный охотник на русаков.)
Разносится выстрел
В притихших лесах...
Но если уйдёт невредимым
Русак,
Охотник промолвит:
«Попался впросак! —
Почешет затылок. —
Попался впросак,
Такой уж, ребята, попался русак!»
(Прекрасно стреляет Иван Русаков,
Известный охотник на русаков.)

Л. Мезинов

ИГРЫ БРАТЬЕВ КРУГО

ИГРЫ БРАТЬЕВ КРУГО

ОСТРОВ СОКРОВИЩ

Устал, измучился пират:
Весь день с утра он ищет клад.
Что видно на листке бумаги?
Сундук, две скрещенные шпаги,
Три камня, подпись — «Фантомас»
И полустёршаяся дата...
Надеюсь, что любой из вас
Сообразительней пирата.

СЛУГА ПОКОРНЫЙ

(Старинная французская загадка)

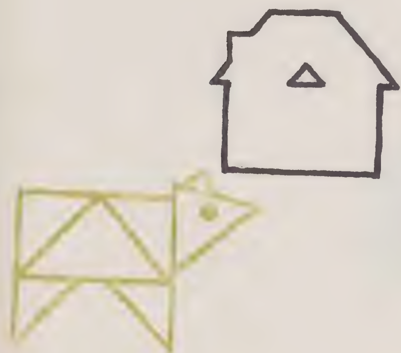
Я — ваш слуга, и всё же вам,
Чтобы услуг моих добиться,
Необходимо по утрам
Покорно предо мной склониться.
Зато — запомнить вас прошу —
Куда б потом вы ни спешили,
Я вас безропотно ношу,
По грязи шлёпая и пыли.
Но знаю: в свой вернувшись дом
Из путешествия дневного,
Вы самый низкий — перед сном —
Поклон отвесите мне снова.
Надеюсь, милые друзья,
Вы догадались, кто же я!

ЧТО СОВЕТУЕТ ВОРОНА?

Раз, два, три, четыре, пять!
Гномы учатся летать!
Но дубовые листочки —
Как об этом не жалеть! —
Лишь до самой ближней
кочки
Помогают долететь!
И советует ворона:
Карприкарвякражикарте
Карликрастья карклекарпа!

ГДЕ НОС?

Медведь себе построил дом,
С окном, как полагается,
Но в этот дом с большим трудом
Наш мишка помещается.
Поверьте мне, я видел сам,
Он в дом влезает по частям!
Прошу ответить на вопрос:
В каком углу у мишки нос?

Никита Разговоров

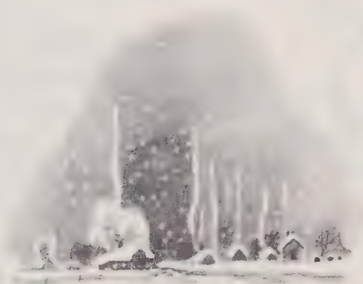

КОСТРЫ

Прошла горячая пора,
И птичья песня спета.
Чернеет лысина костра
В лугах,
Как память лета.

До новой радостной поры
Костров погасли свечи.
Уходят зимовать костры
В дома,
В большие печи.

Г. Люшнин

ОПЯТЬ ЗИМА

* * *

Стали дни коротки,
Солнце светит мало,
Вот пришли морозцы —
И зима настала.

И. З. Суриков

ВЬЮГА

Вьюга снежная, пурга,
Напряди нам пряжи,
Взбей пушистые снега,
Словно пух лебяжий.

Вы, проворные ткачи —
Вихри и метели,
Дайте радужной парчи
Для косматых елей.

Потрудись, кузнец-мороз,
Скуй ты нам сегодня
Ожерелье для берёз
К ночи новогодней!

С. Маршак

МЕТЕЛЬ

(Отрывок из рассказа)

Метель становилась сильнее и сильнее, и сверху снег шёл сухой и мелкий; казалось, начинало подмораживать: нос и щёки сильнее зябли, чаще пробегала под шубу струйка холодного воздуха, и надо было запахиваться. Изредка сани постукивали по голому, обледенелому черепку, с которого снег сметало. Так как я, не ночуя, ехал уже шестую сотню вёрст, несмотря на то что меня очень интересовал исход нашего плутанья, я невольно закрыл глаза и задрёмывал. Раз, когда я открыл глаза, меня поразил, как мне показалось в первую минуту, яркий свет, освещавший белую равнину: горизонт значительно расширился, чёрное низкое небо вдруг исчезло, со всех сторон видны были белые косые линии падающего снега; фигуры передовых троек виднелись яснее, и, когда я посмотрел вверх, мне показалось в первую минуту, что тучи разошлись и что только падающий снег застилает небо. В то время как я вздремнул, взошла луна и бросала сквозь неплотные тучи и падающий снег свой холодный яркий свет...

Л. Н. Толстой

Первый урок и как Уля учила свою куклу

(Рассказ)

Нелё больше всего опасалась, что Уля не захочет пойти в класс. Как Витя Ямкин.

Витю в школу тоже привезли позже всех. Правда, не так поздно, как Улю. Тогда ещё было солнце, оно показывалось совсем на немножко. А на другой день солнце зарылось в снег где-то там, где тундра сходится с небом. На всю зиму. И на всю зиму у них наступила ночь. Все ещё смеялись тогда: к ним привезли Ямкина, а увезли солнце.

У Вити старший брат уже в третьем классе учится. Он Витю водил по школе, всё показывал. И Вите всё нравилось. Но когда нужно было идти в класс, он вдруг упёрся перед дверью — и ни в какую. Даже царапаться и кусаться стал. Смешно вспомнить! Тогда его оставили: не хочешь — не надо! Он походил-походил один по коридору, скучно ему стало, и пошёл в третий класс, где его брат учился. Тот поманил его и посадил рядом с собой — только сиди смир-

но! Так Витя и стал учиться: сначала в третьем классе, а когда немного попривык, перешёл к ним в нулевой.

У Ули в школе не было ни брата, ни сестры, но зато была подружка, Нелё. И они вместе пошли в класс. Пришли первыми, когда никого там ещё не было. Уля удивилась: почему здесь так светло? Вот почему: здесь всё выкрашено белой краской — не только стены и потолок, но даже парты и учительский стол. Здесь чёрную ночь выгнали из каждого уголка.

— Ты будешь сидеть со мной, — сказала Нелё, вот тут.

И села за свою, третью от края парту.

В класс прибегали ребята, бросали на парты сумки и убегали опять в коридор, там галдёж стоял страшный. Только когда прозвенел звонок, все стали усаживаться по местам.

И тут Уля вдруг вскочила, громко крикнула:

— А где моя Катька? — и, расталкивая ребят, бросилась вон из класса.

— Стой, куда ты? — закричала Нелё и помчалась следом.

В класс уже входила Раиса Нельчевна, и Нелё пришлось вернуться.

Все встали и громко, нараспев сказали по-русски:

— Здра-а-ствуй-те!

— Здравствуйте, дети, — ответила Раиса Нельчевна. — Садитесь.

Застучали на разные голоса крышки парт, заскрипели лавки.

— А у нас новенькая! — подскочил на своей парте Егорка.

— Её Улей зовут, — стали объяснять остальные.

— Я знаю, — сказала Раиса Нельчевна.

Тут вернулась Уля. Она остановилась в дверях, крепко прижимая к себе куклу, ту самую, красивую, в расшитой бисером меховой па́рке [1]. С этой куклой они играли дома, на Данилкиной речке.

— Ой какая, покажи! — зашумели девочки.

— С куклами в класс нельзя! — громко заявил Витя Ямкин и даже шлёпнул ладошкой по парте.

Уля крепче прижала куклу.

— Ничего-ничего, садись, — сказала Раиса Нельчевна. И обратилась к ребятам: — Разрешим ей, она ведь ещё новенькая. Потом она всему научится, как и вы.

— Посади её тут, между нами, — шепнула Нелё и отодвинулась. — Она тоже хочет учиться, правда?

— Сейчас мы будем учить слова, — сказала Раиса Нель-

[1] Па́рка — женская верхняя меховая одежда.

чевна и показала всем разрисованную яркими красками картинку.

— Это...

Все хором сказали:

— До-ом.

— Правильно, — похвалила Раиса Нельчевна.

И показала другую картинку.

— Это...

— Оле-ень.

Картинки были красивые, и Уле понравилось узнавать их. Она подумала-подумала и тоже стала называть, только на своём ненецком языке.

Все говорили «река» — она говорила «яха»; все говорили «лодка» — она говорила «нану»...

— Ты по-русски говори, — шептала ей Нелё.

А как она может по-русски, если не знает? Одно слово попробовала сказать, его ребята много раз повторяли, потому что оно очень трудное: «ка-ран-даш». У неё получилось: «ра-кан-даш». И все рассмеялись. Приятно ли?!

Раиса Нельчевна показывает и показывает... Картинок у неё так много, что Уле даже страшно стало — сколько слов надо выучить! А ребятам хоть бы что — отвечают и отвечают!

— Это...

— Сто-ол.

— Это...

— Же-е-рка.

Раиса Нельчевна качает головой.

— Нет, ребята, это — этажерка.

Она просит повторить, и весь класс дружно говорит:

— Же-е-рка.

Раиса Нельчевна улыбается — вон в чём дело!

А ребята обижены. Они ведь знают, что такое «жерка», и все громко сообщают об этом:

— Жерка — это когда палочки вместе.

— На жерку книжки ставят.

— Я видела, — тянет руку Нелё, — она в пионерской комнате стоит, вся из палочек сделанная.

Нелё ужасно хочется показать Уле, что она уже много чего знает.

— Верно, — говорит Раиса Нельчевна. — Так что же это?

— Это... это... — Нелё набирает полную грудь воздуха, — жерка! — радостно выпаливает она.

— И мы говорим: жерка! — кричат все.

Раиса Нельчевна вздыхает:

— Ну ладно, завтра разберёмся. Это трудное слово: «этажерка». Ну-ка, а это что?

— Соба-а-ка.

Ребята теперь выкрикивают весело, им нравится называть слова, которые они

уже знают. А Уле стало скучно. Она ведь ничего, совсем ничего не понимала. Незнакомые слова кружили над ней, жужжали, как комары летом, в жару, и спрятаться от них некуда было.

Уля взяла на руки Катьку.

— А ну их, — сказала она кукле, — ты их не слушай. — И, покачивая, стала баюкать: — Аа-а! Аа-а!

Но разве убаюкаешь? В классе стало ещё шумнее. Раиса Нельчевна вдруг сказала:

— Мы все с вами гуси. Взмахнули крыльями! Летим!

И все сразу вскочили, подняли руки, замахали, захлопали...

— Крылья за спину! — скомандовала Раиса Нельчевна. — Хлоп-хлоп! Не получается?

У них и правда ни у кого не получалось. За спиной хлопать трудно: руки какие-то короткие, не достают. Кто наклоняется вперёд, кто совсем назад запрокинулся. Уля только смотрела на всех, а попробовать не решалась.

Потом все опять вскинули «крылья», замахали ими. Даже шеи у всех вытянулись по-гусиному. А Миша Теседо, всегда такой серьёзный, вдруг загоготал пронзительно:

— Го-го-го-го-о-о!

И другие подхватили:

— Го-го-го-го-го-о-о-о!!

— Всё, всё, прилетели, — поскорее сказала Раиса Нельчевна. — Поразмялись, и хорошо. Теперь садитесь. Мы больше не гуси, мы опять школьники.

Сразу сесть почему-то не получилось. И руки никак не могли найти своё место, и кричать по-птичьи ещё хотелось. Но наконец угомонились.

— А я знаю, что сейчас будет, — зашептала Нелё, — сейчас будет скорая говорка, вот увидишь.

Уля отмахнулась. Какая ещё «говорка»?

А класс уже говорит нараспев:

—Реч-ка те-чёт. Печ-ка пе-чёт.

Раиса Нельчевна взмахивала руками, чтобы всем было легче говорить дружно. Сначала все её слушались, а потом у них стало говориться быстрее, быстрее... — И началась такая неразбериха! Языки заплетались, каждый кричал своё, у кого как получалось:

— Печ-ка ре-чёт. Чеч-ка че-чёт...

Раиса Нельчевна закрыла уши ладонями и открыла их, только когда все вволю накричались.

— А я умею скорую говорку, — радостно сказала Уле Нелё. — Вот слушай.

И заговорила быстро-быстро:

— Реч-ка те-чёт, печ-ка пе-чёт, печ-ка пе-чёт, реч-ка те-чёт...

Ей некогда было даже вздохнуть, и она, не переводя дух, продолжала скорогово́рить. Слова летели крепкие и крулые, как камешки.

От старания щёки у Нелё стали красными, а белые зубки так и сверкали. Уля смотрела ей прямо в рот. Ой, как здорово! Совсем здорово!

Скоро и все ребята стали смотреть на Нелё. А Раиса Нельчевна сказала:

— Молодец. Совсем молодец!

Потом, когда все опять стали говорить не быстро и хором, Уля наклонилась к кукле и, посадив её поудобнее, сказала тихонько:

— Катя, давай и мы: реч-ка... те... чёт!..

Виктор Бороздин

* *

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Осенний день.
И вдруг из тучи,
Под изумлённый чей-то смех,
Внезапный,
Лёгкий и летучий,
Посыпал
Самый
первый
снег.

Он был застенчив,
Тих и робок
И потому —
Лишь чуть блестел,
Ложась в траву
Вдоль тёмных тропок,
Хотя блестеть
Уже умел...

Игорь Мазнин

ПОТОМОК СНЕЖНЫХ СОБАК

Высоко в снежных Альпийских горах есть Сенбернарский перевал. Здесь в горном ущелье около 700 лет назад стали разводить больших лохматых белых собак с коричневыми пятнами. Люди называли их снежными собаками.

А сама порода собак получила название «сенбернары».

Эти умные, выносливые собаки на высоте 2000 метров, в снежных лавинах находили, откапывали и спасали попавших в беду путников.

О собаках этих рассказывают много историй. Однажды и мне рассказали об одной такой собаке. О ней когда-то даже в газете писали. Правда, жила эта собака не в горах, а на берегу моря.

В городе Севастополе неподалёку от порта жила вдова капитана, пожилая одинокая женщина. Длинными осенними вечерами вдова капитана особенно чувствовала своё одиночество.

Однажды, ноябрьскими дождливыми сумерками возвращаясь домой мимо порта, она услышала, что поблизости кто-то жалобно скулит. Остановилась, осмотрелась вокруг, но в серой сумеречной мгле ничего не было видно.

В это время возле порта зажглись фонари, и вдова капитана увидела, что шагах в десяти под высокой акацией с облетевшими листьями что-то белеет. Она подошла к дереву. Прижавшись к нему, лежал маленький мокрый щенок.

— Как ты попал сюда, бед-

няга? Какой же ты худой и грязный...

Она взяла его на руки. Щенок, почувствовав тепло, сразу перестал скулить.

«Погибнет он в этой сырости!» — подумала женщина, сняла с шеи тёплый шарф, завернула в него дрожащего щенка и поспешила домой.

Щенок обогрелся, поел и тут же уснул.

«Совсем ещё беспомощный. Оставлю его у себя», — решила вдова капитана. Она назвала щенка Русланом и очень к нему привязалась.

Шли годы. Из весёлого косолапого щенка Руслан вырос в огромного белого с коричневыми пятнами красавца сенбернара.

Умён и предан Руслан был необычайно. Когда он подолгу смотрел на свою хозяйку выразительными тёмными глазами, ей казалось, что он всё понимает, и она разговаривала с ним, как с человеком.

Руслан выполнял поручения хозяйки: ходил с корзинкой к торговцу углем, на рынок за картофелем, относил записки к знакомым.

Время было трудное. Только кончилась гражданская война. Вдова капитана могла бы обратиться к начальнику порта — ведь её муж погиб на корабле, взорвавшемся от вражеской мины. Но она была человеком скромным, застенчивым и напоминать о себе не хотела. И не всегда в те трудные дни ела досыта, но с Русланом делилась всем, что у неё было.

Пёс похудел, сквозь волнистую шерсть проступали лопатки. И ошейник стал ему широк. Однажды Руслан отнёс записку хозяйки к знакомым и, возвращаясь домой, забежал в порт.

Неподалёку военные корабли покачивались на рейде. На причалах, возле торговых судов, вовсю кипела работа. Одни суда разгружались, на другие матросы грузили бочки, тюки, ящики.

Было людно и шумно. Гудели пароходы, скрежетали лебёдки, подымая и опуская грузы, с грохотом перекатывались к причалу бочки, и в пронизанном жарким солнцем воздухе то и дело слышалась команда: «Майна!.. Вира!..»

Руслан, ошеломлённый вначале всем этим шумом, постоял минутку на месте, потом прилёг в тени нагромождённых друг на друга больших ящиков и внимательно смотрел на работающих.

Под конец дня на причал въехала флотская кухня. Коренастый усатый боцман протяжно свистнул: «Пора обедать!» Матросы, грузившие на баржу ящики, оставили работу, выстроились в очередь возле кухни.

Руслан следил за всем происходящим добрыми, груст-

ными глазами. Ведь он давно не ел досыта, а борщ так заманчиво пахнет. Пёс облизнулся, тяжело вздохнул впалыми боками и медленно, словно обдумывая что-то, побрёл домой.

— Ты где бегал?! — укоризненно встретила его хозяйка.

Руслану, вероятно, хотелось рассказать всё, что видел, но говорить он не умел. Съел размоченный в тёплой воде сухой хлеб и виновато улёгся у ног хозяйки.

А на следующее утро Руслан снова появился в порту. Он подошёл к тому же причалу и остановился. Сегодня здесь грузили на баржу тару — мешки и рогожи. Одни моряки связывали их в тюки по десять штук, другие относили тюки к барже и опускали в трюмы.

Один из матросов, молодой весёлый парень, увидел Руслана и, отбрасывая в сторону связанные рогожи, пошутил:

— Опять пришёл? Может, поработать хочешь? А ну возьми!

Руслан, будто ждал этого момента, мгновенно подскочил к тюку, ухватил зубами верёвку и понёс его к барже.

— Стой, ты куда?! Да он к барже несёт! Ай да пёс! Смотрел, смотрел — и вот пожалуйста. Всё понял!

— Смотрите, братцы, да он за другой берётся! — шумели вокруг матросы.

Руслан ни на кого не обращал внимания. Невозмутимо относил он связанные пачки рогож и мешков и опускал их на край причала возле баржи. Потом возвращался за следующими.

По всему порту разнёсся слух про удивительную собаку. Люди прибегали посмотреть на неё. То и дело кто-то из любопытных подходил к Руслану.

— Вот это собака! Откуда она? Может, подучил её кто? — слышались возгласы.

В конце дня, как и накануне, въехала на причал походная кухня. И снова запахло знаменитым флотским борщом. Матросы взяли котелки.

— Иди и ты, псина! — позвал собаку молодой матрос. — Ты честно поработал!

Руслан помахал ему хвостом, подождал, пока установилась возле кухни очередь, и скромно встал последним.

Добродушный кок в белом колпаке, когда очередь дошла до собаки, озабоченно сказал:

— Что же ты, голуба, без посуды? — и, улыбнувшись, ласково потрепал по спине собаку с выступающими от худобы лопатками.

Руслан поднял голову, посмотрел повару в глаза и вздохнул. Тот не выдержал:

— Ладно, уж отдам тебе свой котелок!

Руслан проработал весь

день и был очень голоден, но к еде не прикоснулся. Осторожно взял он зубами дужку котелка и медленно, стараясь не разлить ни капли, покинул причал...

— Да это неспроста, братцы...— задумчиво сказал товарищам молодой матрос.

— Давай проследим его,— предложил пожилой моряк с обветренным лицом.

И они пошли за Русланом. Прохожие удивлённо смотрели на собаку с котелком в зубах и на сопровождавших её моряков. И уступали им дорогу.

Руслан прошёл одну улицу, пересек другую и, завернув за угол, подошёл к маленькому одноэтажному дому. Поставил котелок возле порога, обернулся к морякам и помахал им хвостом.

— Открыть просит. Ну и ну! — воскликнул молодой и толкнул незапертую дверь.

Руслан взял котелок и медленно вошёл в дом.

— Вот что,— сказал пожилой матрос,— зайдём-ка в соседний дом, узнаем, чья эта собака...

Хозяйку свою Руслан застал взволнованной. Так долго пёс никогда ещё не отсутствовал. Когда собака появилась с котелком в зубах, вдова капитана ахнула.

— Руслан, откуда котелок?! Где ты пропадал?!

Руслан опустил на пол возле хозяйки котелок, поджал хвост и долго укоризненно смотрел на неё: ведь он для неё старался!..

— Неужели у моряков украл?! — продолжала сердиться хозяйка.

В дверь постучали, и в комнату вошли матросы.

Узнав от соседей, что здесь живёт вдова капитана, тридцать лет водившего суда по морям и океанам, они долго, почтительно разговаривали с ней.

А Руслан в это время, аппетитно причмокивая, ел честно заработанный обед.

Вернувшись в порт, моряки всё рассказали своему командиру, а тот — начальнику порта.

Рано утром Руслан пришёл на причал, на этот раз с котелком в зубах, и, поставив его в укромное место, принялся за работу.

Люди удивлялись и восхищались, подзывали его. Но пёс, не отвлекаясь, продолжал таскать один тюк за другим.

Когда рабочий день кончился, Руслан снова осторожно нёс домой свой котелок.

А рядом с ним весело вышагивал молодой матрос, бережно придерживая круглую плетёную корзинку, аккуратно покрытую белой бумагой.

Целестина Клячк[а]

КТО?

Наверно, чем-то увлечён,
он был, наверно, огорчён,
и огорчён, и удручён,
когда толкнул меня плечом...

Сейчас он ужаснётся!
Сейчас он обернётся!
Сейчас он объяснится!
Сейчас он извинится!

Но он не извинился.
Он, хрюкнув, удалился.
Я видел хвостик за спиной...
Ну да!
Он просто был свиньёй!

* * *

Отчего вздыхает тяжко
симпатичная дворняжка?
Что так ловит моё слово?
Что сказал я? Что такого?
Что блестят её глаза?
Что ей хочется сказать?
Отчего идёт за мной
и идёт ко мне домой?
Отчего я не гоню,
а к себе её маню?
Отчего я обнимаю?

Ничего не понимаю!

Эмма Мошковская

* * *

Канатом привязали
огромного слона.
Цепями приковали
у толстого столба.
Словами приказали
огромному слону:
— Не уходить! — сказали.
Ушёл он... Почему?

Я к тоненькой
тростиночке
привязывал
слона.

За тоненькую
ниточку —
за добрые слова:

— Роднуша, слон!
Хороший слон!
Ты жди, не уходи!

И слон,
он не уходит.
Не может он уйти!..

Эмма Мошковская

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПЕЧКА

Зима в тот год выдалась такая суровая, какой в Подмосковье давно никто не помнил. То дожди в декабре и даже в январе, а тут прихватил мороз, как в Якутии: день — за тридцать, и второй — под тридцать, и опять — за тридцать.

Если бы не собака, с которой, хочешь не хочешь, надо гулять, я бы и на улицу не вылезал в такие дни. На даче тепло — дрова, печка! А на улице — борода к усам примерзает.

Но что делать — приходится гулять.

Гуляем мы с собакой реже обычного, она на меня смотрит — мёрзну ли я? А сама тоже мёрзнет. И скорей — назад — домой. И дома уже долго слизывает ледышки с подушечек лап — очень уж они ей неприятны!

На улице никого. Люди за воротами и то редко пробегают. Машины — реже. Кого в такой мороз, да ещё за городом, на улицу выгонишь?

В одну из таких прогулок почудилось мне на сосне или на ели — они рядом у нас растут — что-то живое. Кто-то вроде бы шевелился, голос подавал, снег стряхивал.

«Показалось, — решил я. — Какая тут живность по такому морозу. Воробья и то не увидишь».

Вернулись мы с собакой домой, она от ледышек на лапах освободилась, легла спать. Ночью вдруг закряхтела, потом чуть заскулила, а когда я включил свет, тихо залаяла.

Что случилось?

Пришлось встать. Собака вскочила — и в соседнюю комнату, уже с громким лаем.

Включил я свет и там, и вот чудо: на кресле, в пуховом платке, который оставила жена перед отъездом в командировку, а я так и не убрал его, сидят, тесно прижавшись друг к дружке, три крохотных взъерошенных пичуги... Головки жёлтые, пёрышки подняты, а сами — чуть больше спичечных коробков. Глазки — круглые, испуганные. Какникак собака рядом крутится...

В тот момент я не понял, что это за птицы, а только увидел, что открыта у нас форточка, в которую они влетели. Отогнал собаку, взял всех троих в руки, отогрел и оставил у себя до потепления.

Собака привыкла к ним. Я привык. Летали они по комнатам, как по улице, но держались всё время вместе и спать ложились вместе, тесно прижавшись друг к дружке. В то самое кресло с пуховым платком, который жена оставила...

Отпустил я их, когда на улице чуть потеплело.

А потом уже, через несколько лет, узнал, что есть на свете такие птицы — корольки. Малые, но любые морозы переносящие. В холод скрываются они в ветках хвои — елей и сосен, прижимаются друг к дружке, пёрышки встряхивают, и вот вам — коллективная печка! Один замёрзнешь, а вместе, коллективно — не пропадёшь!

Только в ту зиму, видно, мороз сильнее оказался!

Сергей Баруздин

СВИРИСТЕЛЬ

В саду свистит знакомо
Осенний свиристель.
У этой птицы дома
Давно метёт метель.
Он прилетел оттуда,
Где всё белым-бело —
Всю ягодную тундру
Снегами замело.
И гроздья ягод ярких
У нас он видеть рад:
Рябина и боярка,
Как зарево, горят.
Ой, тут живут богато,
Всего позапасли!
Зачем летят куда-то
Отсюда журавли?
И он поёт и снова,
Дивясь, глядит вокруг...
Ведь здешний край суровый
Для этой птицы — юг.

Е. Фейерабенд

КАКАЯ НА ДВОРЕ ПОГОДА

С утра Серёжа уселся за стол и принялся пить чай с молоком. Первое блюдце выпил быстро, одним духом. Второе пил не спеша, с остановками. А когда бабушка в третий раз наполнила блюдце, Серёжа перевернул вверх дном пустую чашку с голубенькими гусятами на ободке, а в блюдце стал потихоньку пускать пузыри. «Буль-буль-буль» — тоненько забулькал чай с молоком. Серёжа набрал побольше воздуха, надул щёки, и в блюдце снова забулькало — «буль-буль», но уже другим голосом — громко и басовито. Серёжа ещё и не так бы мог, но тут бабушка сказала:

— Не балуйся, — и отняла блюдце.

Серёжа вылез из-за стола. Постоял, раздумывая, чем бы заняться. В школу идти сегодня не нужно — каникулы. Каникулы были и вчера, и позавчера, и позапозавчера, и будут ещё завтра, и после-

завтра, и послепослезавтра.

— Почитал бы ты книжечку, — сказала бабушка.

— Я уже читал! И вчера читал, и позавчера читал.

— Ну тогда построй что-нибудь из конструктора.

— И вчера строил, и позавчера строил.

— А лучше всего иди погуляй — вон какая на дворе погода!

Серёжа взобрался на подоконник и прижал нос к холодному стеклу. Никакой погоды во дворе он не увидел, но зато увидел снег, который выпал ночью. Снегу было много. Он засыпал ровным слоем весь двор, висел лоскутами на ограде, лежал подушками на скамейках. И оттого, что кругом было так бело и чисто, двор казался пустынным.

— Никого нет, — сказал Серёжа. — Вот когда Игорь выйдет или Андрюша, тогда и я. — Он, конечно, не знал, что в это время Игорь тоже сидел возле окна, смотрел на засыпанный снегом двор и думал: «Вот когда Серёжа выйдет или Андрюша, тогда и я». И Андрюша выглядывал в окно, но во дворе никого не было — ни Серёжи, ни Игоря.

Неизвестно, сколько бы они так сидели на своих окошках и ждали друг дружку, но вдруг в белом дворе появилась красная шапочка с помпонами. Это вышла гулять Ксана.

— Ладно уж, пойду и я, — сказал Серёжа, натянул лыжные шаровары и валенки, надел пальто, взял свою лопату и выбежал во двор.

— Ксана! Ксана! — закричал он. — Давай снежки лепить!

— Зачем мне снежки? Мы с мамой идём в магазин! — важно отвечала Ксана.

Ксана в своей красной шапочке с помпонами ушла в магазин, и Серёжа остался в белом пустынном дворе один. И тут он сразу почувствовал, какая во дворе погода: нос пощипывало, руки стали непослушными, даже в валенки забрался мороз.

— Бабушка! — закричал Серёжа. — Бабушка!

Бабушка выглянула в форточку.

— Ну что ты кричишь?

— У меня руки замёрзли!

— А ты снег лопатой покопай!

— Не хочу копать! У меня ноги замёрзли!

— Ну побегай.

— И бегать не хочу. Я — домой. Сегодня погода холодная.

— Серёжа! — раздалось вдруг во дворе, и с соседнего крыльца сбежал Игорь. — Я увидел, что ты вышел, и тоже вышел.

— И я! И я вышел! — закричал Андрюша, выбегая во двор. — Я тоже увидел, что ты вышел и он вышел. Тогда и я вышел. Давайте играть!

— Давайте!

— Нору копать! — закричал Игорь. — Дай-ка мне лопату!

— Ишь ты какой! Я тоже хочу копать. Это моя лопата.

— Ну и что же, что твоя. Надо по очереди, — сказал Андрюша. — Чур, я первый!

Стали копать по очереди. Сначала Андрюша. Копал, копал...

— Вот какая глубокая! Здесь крот живёт. Не настоящий, конечно, а понарошку.

Игорь тоже выкопал нору. Постарался. Ещё больше, чем у Андрюши получилась нора.

— Здесь знаете кто живёт? Лиса — вот кто!

Серёжа еле дождался своей очереди — так хотелось копать. Вот наконец схватил лопату в руки и давай снег разгребать.

А тут и Ксана пришла из магазина. Подбежала к ребятам:

— Вы что делаете?

— Мы норы копаем.

— И я буду с вами.

— А мы по очереди копаем.

— И я буду по очереди.

А Серёжа уже выкопал огромную нору — больше, чем у Андрюши, и больше, чем у Игоря.

— Вот это нора! Здесь живёт медведь! Не понарошку. Настоящий медведь! Смотрите, смотрите! — закричал Серёжа и сам полез в нору. Пока лез, снег набился в валенки и в рукава, и даже за воротник попал. Но медведю всё нипочём. Сидит в норе и грозно рычит. Так рычал, что даже бабушка в доме услыхала. Открыла бабушка форточку и кричит:

— Серёжа! Ты куда залез, безобразник?!

— Я не Серёжа! Я медведь! — кричит Серёжа.

— Я вот выйду сейчас, тогда узнаешь, кто ты такой! Вылезай сейчас же! Иди домой! Уже обедать пора...

— Я ещё погуляю!

— Так ведь у тебя руки замёрзли.

— Нисколечко не замёрзли! — кричит Серёжа и даже варежки снимает, чтобы бабушка увидела, какие у него горячие руки. И Андрюша не хочет уходить со двора, и Игорь, и Ксана — вот какая на дворе погода.

Тамара Лихоталь

РУКИ-ГРУБЕЛЬЦЫ, ДА ЗАТО УМЕЛЬЦЫ

(Сказка)

Жила с бабушкой внучка Алёна. Жили они дружно, да вот беда: Алёна ничего не хотела делать. Бывало, поест и сразу бежит к игрушкам.

— Прибери со стола, — напомнит бабушка.

— Что ты, бабушка! — удивляется Алёна. — Мне же надо Матрёшку спать укладывать.

Поиграет на полу и, бросив всё, бежит на улицу.

— Собери игрушки, — напомнит бабушка.

— Что ты, бабушка! — удивляется Алёна. — Мне же некогда, подружки ждут. Потом соберу.

Так и жили: Алёна только спала да ела, да с подружками играла, а бабушка всю работу за неё делала. И руки у них были разные: у бабушки тёмные, шершавые, а у Алёны белые, гладкие.

Пришло время, пошла Алёна в школу, а через три дня говорит:

— Бабушка, походи немножко за меня в школу, а то я устала и чернила руки марают.

— Как же я с малыми ребятами сидеть за партой буду? Я ведь старенькая, — удивилась бабушка.

— Ну и что, что старенькая? Зато ты рано встаёшь, а мне по утрам спать хочется.

Но бабушка так и не согласилась ходить за неё в школу. Каждое утро Алёне слышались чьи-то таинственные голоса.

Строгий голос будил её:

— Вставай! Пора в школу!

А другой голос сладко нашёптывал:

— Спи-спи, ещё рано.

В школе строгий голос сердито шептал Алёне в ухо:

— Не вертись! Слушай урок! Делай дело!

А в другое её ухо сладкий голос нашёптывал:

— И охота тебе слушать про А и Б? Смотри, вон на крыше воробьи дерутся.

Уставится Алёна в окно, а урок в одно её ухо влетает, а в другое вылетает. Вот и осталась она на второй год в первом классе. Пришла домой, расплакалась. А сладкий голос тут как тут, успокаивает:

— Ну, чего разнюнилась? Подумаешь, на второй год осталась! Грамота не волк — в лес не убежит, в другой год её одолеешь.

Вытерла Алёна слёзы, побежала на улицу играть с подружками.

Но вот как-то заболела

бабушка—лежит, головы поднять не может.

Стала Алёна варить себе кашу — каша сгорела.

Стала мести пол — да так напылила, что расчихалась сама, а бабушка чуть не задохнулась.

Заплакала Алёна от обиды, а сладкий голос тут как тут, успокаивает:

— Не плачь, не горюй. Подумаешь, каша сгорела, пыль поднялась! Пойди лучше с подружкой в лес, поиграйте; попадутся грибы — насобирайте.

Вернулась Алёна из леса, бабушка руками всплеснула.

— Да ты, внученька, поганок принесла!

Заплакала Алёна от обиды, а сладкий голос опять успокаивает:

— Ну, чего расплакалась? Подумаешь, грибы перепутала! Пойди лучше во двор, кур вспугни, козу подразни...

Тут уже не послушалась Алёна, призадумалась. Сидит молчит, слёзы глотает: самой есть хочется, и бабушку жалко — она тоже голодная.

Вдруг кто-то постучался к ним. Открыла дверь Алёна — стоит незнакомый дедушка. Посмотрел он на растрёпанную Алёну, на грязный пол, на заснувшую больную бабушку, на чугунок с горелой кашей, на грибы-поганки, прищурился хитро, спросил Алёну:

— Хочешь, угадаю, с кем ты дружишь?

— С кем?

— С Ленивкой!

— С какой Ленивкой? — удивилась Алёна.

— А с той, у которой сладкий голос да грязный волос. Вон она из-за твоей спины выглядывает.

Обернулась Алёна, а перед ней противная толстая девочка стоит: неумытая, непричёсанная, прямо неряха-растрепаха. Стоит и зевает.

А дедушка опять спрашивает Алёну:

— Хочешь, чтобы бабушка поправилась и весёлой была?

— Конечно, хочу!

— Тогда знай: как найдёшь руки-грубельцы, да зато умельцы, бабушка болеть перестанет.

— А где их искать? — удивилась Алёна.

Ухмыльнулся дедушка в седую бороду, наклонился к ней, шепнул на ухо:

— А об этом Работка

знает. А как с Работкой подружиться, спроси бабушку.

Сказал и вышел.

И Ленивка куда-то пропала.

Тут бабушка проснулась. Подсела к ней Алёна, заслушалась её советов. А потом делом занялась. Смочила водой веник, подмела пол и сама удивилась:

— Куда это пыль подевалась, бабушка?

Сварила картошку «в мундире», положила её на табуретку у изголовья бабушкиной кровати, подала хлеб и соль, налила в блюдце постного масла и сама рядом присела. Стали есть, и опять удивилась Алёна:

— А что это картошка такая вкусная, бабушка? Я никогда такой не ела.

Так и пошло: как бабушка посоветует, так Алёна и сделает, и всё у неё получается. И полюбилась Алёне всякая работа. Вскоре бабушка поправилась. Но работы в доме и на двоих хватало. Надо ведь было и двор прибирать, и кормить-поить поросёнка, козу и кур. Да ещё в огороде сорную траву рвать, грядки подбивать.

Наработается, наиграется Алёна за целый день, а вечером почитает букварь, послушает сказки бабушки. А потом так крепко спит до утра, что хоть из пушки пали — не разбудишь.

Прошло лето.

Как-то вечером бабушка на огороде была, а Алёна уроки делала. Кто-то постучался. Открыла Алёна дверь— стоит тот же дедушка. Посмотрел он на причёсанную Алёну, на чистый пол, на кипящий в печке чугунок, на книжки и тетрадки на столе, прищурился хитро.

— Хочешь, угадаю, с кем ты теперь дружишь? — спросил он Алёну.

— С кем?

— С Работкой!

— С какой Работкой? — удивилась Алёна.

— А с той, у которой строгий голос да чистый волос. Вон она из-за твоей спины выглядывает.

Оглянулась Алёна: стоит опрятно одетая девочка, лицом румяная, в глазах задорные искорки мелькают.

А дедушка опять спрашивает:

— А где руки-умельцы, которые всё в доме делают?

— Вон они! — И Алёна протянула дедушке свои руки.

Ухмыльнулся дедушка в седую бороду, а уходя, сказал:

— Будешь крепко дружить с Работкой, приведёт она к тебе свою лучшую подругу — Знайку! Это на всю жизнь верные друзья, Алёнушка.

Леонид Спицын

ДНЕВНИК

Вчера я ходил к Денису домой. Мы с ним менялись марками. Но это не самое главное.

Дениска, оказывается, ведёт дневник. Он записывает всё интересное, и получается очень хорошо. Он показал мне дневник и прочитал некоторые записи. Особенно мне понравилось про зиму. Он писал:

«14 января. Воскресенье.

В этот день мы взяли лыжи и поехали с папой в лес.

В лесу — как праздник. Голубые тени на чистом снегу и лыжники в ярких костюмах.

Мы с папой уехали далеко, где никого не было, и шли по нетронутому снегу. А он был такой пушистый, скрипучий и настолько солнечный, что больно смотреть. Хотелось сделать глазки щёлками, остановиться и погладить снег. Упасть в него, изваляться... И я даже нарочно упал. Но папа сказал:

— Вставай, вставай, пошли! Ещё не то будет.

И мы шли. А вокруг стояли желтоватые берёзки и зеленоватые осинки, стройные и тонкие. А ёлочки точно в шубы оделись. Хвоя их казалась тёмно-синей. И всё было так красиво, что лучше не придумаешь.

Мы шли и разговаривали. И вдруг папа спросил:

— А знаешь ли ты, Дениска, чьи это следы?»

И Денис в дневнике нарисовал следы. Они похожи на какие-то полосы, будто кто-то руками с длинными пальцами взял да ударил по снегу.

И Денис написал дальше:

«Я не знал, чьи это следы, и не мог догадаться. Папа мне объяснил:

— Это следы от крыльев вороны или ещё какой-либо крупной птицы. Здесь одна птица что-нибудь отнимала у другой. А может быть, они просто играли, вот и расчертили снег.

А после мы обнаружили следы зайца. Две маленькие ямочки от передних лапок и две большие от задних. Заяц бежал через лес к овражку.

У края овражка росли рябинки с тёмно-красными гроздьями ягод. На них паслись снегири — птички с малиновыми грудками и в синих шапочках. Они склёвывали ягоды.

— А чем снегири помогают лесу? — спросил папа.

— Знаю, они разносят семена, — ответил я.

За овражком лес кончался. Впереди было поле. Мы спускались по полю в лощину. Там текла река. Её можно заметить только по деревьям и кустарникам, которые росли на берегах. Растения змейкой тянулись до самой деревни.

Домá в деревне стояли под снежными крышами, точно карлики в больших шапках присели отдохнуть вдоль дороги. А над ними высились тополя с тёмными ветвями и гнёздами. В светлом небе летали галки. В крайнем доме топилась печка. Дым из маленькой трубы поднимался прямо вверх. Его золотило солнце. А деревня спряталась в синих снегах. На улице не было видно ни одного человека. Казалось, что там все спят. Только где-то грустно залаяла собака...

Домой мы вернулись усталые и счастливые».

В дневнике у Дениса много записей. Он пишет обо всём: о природе, как отдыхал летом, что видел интересное, какие книги прочитал, что в них ему понравилось.

Дневник у Дениски что надо! И сделал он его просто — из общей тетради с коричневой обложкой.

Я тоже нашёл у себя такую тетрадь и написал:

«Дневник.

Начат 8 февраля.

Сегодня на уроке рисования Саня опрокинул у меня баночку с водой. Больше никаких интересных событий не произошло. Если произойдёт, я обязательно запишу, как Денис Курагин. Всё».

И я подписался: «Кирилл».

Владимир Дежин

*

В ОЖИДАНИИ ЗИМЫ

Ненастные ночи и тусклые дни,
Лишь тянутся тихо туманы одни.
Покинули птицы притихший лесок,
И сети раскинул в ветвях паучок.

Легла в потемневший овраг тишина,
Иглу золотую роняет сосна.
И мгла покрывает нагие холмы,
Земля ожидает прихода зимы.

Н. Берендгоф

Прощание с букварём

Приближались зимние каникулы. Скоро новогодняя ёлка, праздник всех — маленьких и взрослых. И все готовились к нему. Но первоклассники готовились ещё к одному радостному празднику, который празднуют только они. И называется он — прощание с букварём.

В конце второй четверти собрались в школьном зале гости — папы и мамы первоклассников, а у кого — дедушки и бабушки. Пришли ребята из старших классов: у них тоже когда-то был такой праздник и они прощались с букварём.

В школьном зале было на что посмотреть. Вот на видном месте выставка тетрадей. В одних — палочки и крючки, в других — диктанты. И сразу видно, чему научился каждый ученик за полгода. Кое-кто из них даже без ошибок писал.

Были в зале выставлены и фотографии. Вот принимают первоклассников в октябрята, а вот они сажают деревца. А на одной фотографии показано, как они ходили на экскурсию в городской музей.

Гости с интересом рассматривали фотографии и радовались, когда узнавали на карточках своих детей или внуков и их друзей.

А рядом была тоже интересная выставка школьных рисунков. И самые лучшие — Дашины. Об этом все говорили. Даже Санька Арбузов и ребята из его класса. Они пришли посмотреть выставку.

Понравились гостям и цветы, которые росли на окнах первого «А». Они были свежие, чистые, зелёные, сразу видно, что о них тут заботятся. И когда узнали, что больше всех заботится Василий, похвалили его.

Прозвенел звонок. Гости уселись в зале, а на сцену вышла Екатерина Максимовна и торжественно сказала:

— Сегодня у нас праздник. Очень для всех радостный. Мы расстаёмся с букварём, потому что все первоклассники стали грамотными. Они смогут прочитать теперь любую книгу. А научил их букварь. Он самый первый рассказал им о нашей Родине, её прекрасной природе. О хороших людях. О труде. Обо всём самом ценном на земле.

Это мудрая, вечная книга. И быть ей всегда. Потому что всегда на земле будут первоклассники.

Спасибо замечательному другу людей — букварю! — сказала Екатерина Максимовна.

— Спасибо! Спасибо! — повторили хором все, кто научился читать по букварю.

А в зале захлопали гости. Они тоже от души говорили «спасибо» замечательному букварю. Ведь он их тоже когда-то учил читать. Был их другом. А друзей никто никогда не забывает.

Потом началось представление, к которому заранее готовились первоклассники. На сцену вышел САМ БУКВАРЬ. Живой, говорящий. Он состоял из отдельных, ярко раскрашенных букв. В зале весело зашептались:

— Смотрите-ка, вон буква «М». Сразу можно узнать. А вон — «Ф». Смешная какая! Подобрала руки, будто танцевать собралась. А это кто? Батюшки! Да это «Я»! Вот уж франтиха!

Буквы нарядились так, что всем было интересно их разглядывать. Каждая читала стихи. А в стихах говорилось, чему научил ребят букварь.

Буква «Р» выступила вперёд и звонко, выразительно прочитала стихотворение о Родине. Оно так и называлось — «Родина». И читала его Даша.

А Василий читал стихотворение на букву «О». Он выговаривал слова громко и отчётливо, так что было слышно всем даже в конце зала. Теперь ему и самому было смешно, что

он называл букву «О» — «КОЛЕСО», а букву «С» — «ПОЛОМАННОЕ КОЛЕСО». Он теперь понимал и то, что с двумя буквами ничего не прочитаешь. Надо все буквы знать.

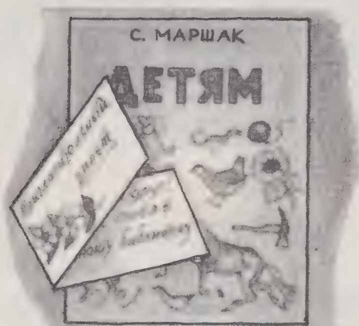
Когда букварь, состоявший из говорящих букв, сказал всё, что собирался сказать, он ушёл со сцены. И вышла снова Екатерина Максимовна, а с ней Дашина мама и Люся-Рыжик. Они приготовили подарки: каждому первокласснику книгу на память о сегодняшнем празднике. Дашина мама сказала:

— Дорогие первоклассники, я вас всех записала в библиотеку. Теперь вы наши читатели. Приходите к нам обязательно.

И чтобы они не забыли о приглашении, Люся-Рыжик раздала пригласительные билеты. Каждому свой, не похожий на другой. Каждый билет надписывала мама. Даша рисовала на нём цветы и осенние листья, а Василий с Олечкой помогали раскрашивать. Чтобы был красивый памятный билет.

Кончился праздник. И первоклассники разошлись по домам. С книжками и пригласительным билетом в библиотеку. Ведь они теперь стали читателями.

Валентина Путилина

ЧЕТЫРЕ СТРАНИЦЫ

1

В синем небе суматоха:
Птицы певчие кружат.
А в берлоге спится плохо —
Солнце будит медвежат.
По берёзе бродят соки
И, заметная едва,
На бугре да на припёке
Пробивается трава.
Мать-и-мачеха готова
Вслед за вербою расцвесть.
Галка
Со спины коровы
На гнездо таскает шерсть.

2

Лето, лето, всюду лето
За порог ребят зовёт.
Покраснел бочок ранета.
Василёк во ржи плывёт.
Зелень, зелень,
Всюду зелень!
Побежишь по мураве —
От зелёной карусели
Шум зелёный в голове.
Кто несёт цветов охапку
Кто с опушки дубняка
Тёмно-бронзовую шапку
Крепкого боровика.

3

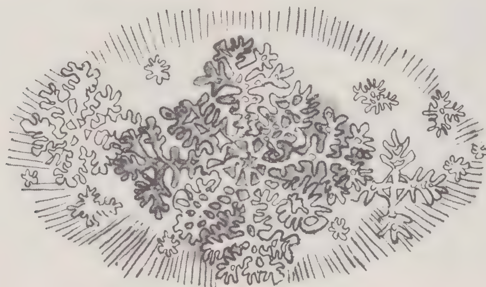
Вот — осенняя страница.
По привычке кочевой
До весны
Бросают птицы
Погрустневший север свой.
За сараем
Стог соломы
И рябину во дворе
Из окна родного дома
Видно сельской детворе.
Частый дождь в окно трезвонит.
Ветер, шастая везде,
Золотые листья гонит
По серебряной воде.

4

Снег сверкает на ресницах.
Веселее нет поры.
Лёгких санок вереница
С белой катится горы.
Дома
Мамы ждут с обедом.
Не страшит ребят мороз.
И, повизгивая, следом
Мчит за ними
Рыжий пёс.
Над прудом позёмка вьётся.
Тени длинные легли.
И негреющего солнца
Красный шар висит вдали.

Владимир Приходько

НОВОГОДНЯЯ УЛЫБКА

(Представление для школьников)

Действующие лица:
СЕРЁЖА, ОЛЯ, ВОВА,
ЛАРА, ЯША —
школьники.
ДЕД-МОРОЗ, СНЕГУРОЧКА,
МЕТЕЛИЦА —
сказочные персонажи.

На школьной сцене, перед занавесом, появляются Серёжа и Оля.

Серёжа (*обращается к зрителям*). Ребята, к нам только что октябрята из подшефной сельской школы приехали.

Оля. Мы их на все зимние каникулы пригласили. Мы им подарок сделали.

Серёжа. Хотите, покажем?

Серёжа с Олей берутся за края занавеса и раскрывают его. На сцене около большой пятиконечной звёздочки хлопочут Яша и Вова. Они ввинчивают в звёздочку лампочки, вставляют электробатарейку.

Вот он, наш подарок!

Яша *(включает звёздочку)*. Смотрите, как ярко горят лучи звёздочки.

Оля. Так светит наша дружба!

Вбегает Лара.

Лара. Ребята, дедушка Мороз со Снегурочкой приехали!

Серёжа. Пошли в актовый зал.

Мальчики осторожно поднимают над собой звёздочку; но только они направляются к выходу, как на сцену врывается снежный вихрь. Он кружит над ребятами, вырывает у них из рук алую звёздочку и уносит её. Ребята растерянно смотрят друг на друга. Входят Дед-Мороз и Снегурочка.

Оля. Дедушка Мороз, кто-то унёс нашу звёздочку.

Яша. Мы никак не могли удержать её.

Вова. У меня даже руки заледенели.

Дед-Мороз *(Снегурочке)*. Значит, она опять проказничает?

Ребята. Кто она? Кто?

Снегурочка. Метелица-озорница. Это её проделки.

Серёжа. Что же нам делать? Мы должны подарить звёздочку подшефным октябрятам. Без неё мы не можем начать праздник.

Дед-Мороз. Хотите вернуть звёздочку, найдите Метелицу.

Оля. А где её искать, дедушка Мороз?

Дед-Мороз. Я отправлю вас в Новогоднюю сказку. Метелица там. Постарайтесь найти её, но будьте готовы ко всем её проделкам.

Лара. Дедушка Мороз, отпусти с нами Снегурочку.

Дед-Мороз. Не отпущу. Но если вы заблудитесь или с вами что-нибудь случится, позовите Снегурочку, и она придёт к вам на помощь. Испытания, которые могут оказаться на вашем пути, будут нелёгкими.

Вова *(нетвёрдым голосом)*. Среди нас нет трусливых.

Серёжа. А среди наших зрителей? Вдруг кто-то из них испугается, если мы встретим в лесу волка, или Метелица заметёт наши следы и мы потеряем дорогу...

Оля. Как, ребята, не испугаетесь?

Голоса ребят из зрительного зала: «Нет! Не испугаемся!»

Вова (*воинственно*). Тогда вперёд!

Серёжа. Пошли!

Темнота. Постепенно из темноты вырисовывается таинственный зимний лес. В лесу, в своём сверкающем снежинками наряде, Метелица. В руках у неё звёздочка ребят.

Метелица (*любуется звёздочкой*). Дед-Мороз всё время сердится на меня, озорницей зовёт. Никакого, говорит, порядку у меня нет, мету когда вздумаю. А будь я послушной, разве бы я достала себе такую блестящую звёздочку? Вплету её сейчас в свой ледяной наряд и стану ещё красивее.

Слышатся голоса ребят.

Кто-то идёт. Спрячусь-ка я под ёлочкой. (*Прячется.*)

Входят ребята.

Оля (*устало*). Нет, не найти нам Метелицы.

Яша. Дождёмся темноты. В темноте звёздочка засверкает и выдаст Метелицу.

Вова (*озираясь по сторонам, боязливо*). В темноте... лучше поищем сейчас...

Метелица (*тихо, себе*). Про звёздочку говорят...

Серёжа. Сейчас надо искать. Если Метелица долго продержит звёздочку на снегу, батарейки отсыреют и лучи погаснут.

Метелица. Звёздочка погаснет от снега? Хорошо, что я узнала об этом. (*Прячет звёздочку под свой плащ.*)

Серёжа. Ребята, там что-то сверкнуло.

Ребята. Где? Где?

Серёжа. Вон там у ёлки. (*Показывает в сторону Метелицы.*)

Метелица выходит навстречу ребятам.

Метелица. Это мой наряд так сверкает. Посмотрите, как он переливается.

Вова (*боязливо*). А ты... кто?

Метелица. Я — Метелица.

Оля (*ребятам*). Вот мы и попали в сказку. Дедушка

Мороз выполнил своё обещание. Теперь нужно быть начеку.

Серёжа. Эй, Метелица, зачем ты взяла у нас звёздочку?

Вова (*из-за спины Серёжи*). Да, зачем ты её взяла?

Метелица. Я? Что вы! Я вас в первый раз вижу.

Серёжа. Нечего отказываться. Дедушка Мороз сказал, что это ты сделала.

Яша. Говори, куда ты её дела?

Метелица (*обиженно*). Дедушка Мороз всегда на меня наговаривает. Вашу звёздочку Ледяной Ветер унёс. Он ужасный озорник.

Серёжа. А где он сейчас?

Метелица. Кто ж его знает... Ветер ведь непоседа. Только что вон там пролетал, где с кустов снег осыпался... Вы спешите! А то улетит за тридевять земель, тогда не сыщете!

Ребята убегают.

Ха-ха-ха! Побежали искать ветра в поле. (*Испугалась.*) А вдруг найдут! И Ветер скажет им, что звёздочка у меня. Ведь он только помог мне завладеть ею. Что делать?.. Придумала! Тут неподалёку, в сугробе, Дед-Мороз оставил мешок с карнавальными костюмами. Переоденусь-ка я в какой-нибудь наряд. Тогда меня никто не узнает. (*Убегает.*)

Ребята возвращаются.

Серёжа. Ну, Метелица, держись, мы всё знаем!

Оля. Ветер нам всю правду сказал.

Яша. А где она?

Лара. Теперь и она пропала!

Вова (*увидя переодетую Метелицу, отскакивает в сторону*). Ребята, Лиса!

Серёжа. Какая-то странная Лиса...

Оля. На задних лапах ходит...

Лара. И в сапожках!

Метелица (*в костюме Лисы*). Что ж тут удивительного? Я в цирке выступала, вот и научилась на задних лапках ходить. А сапожки потому надела, что лисы в лесу первые модницы.

Яша. А почему у тебя хвост искрится? Тоже от моды?

Метелица. Я же не про-

стая лиса, а серебристо-черно-бурая.

Оля. И на лапах у тебя оттого вместо когтей сосульки?

Метелица—Лиса растерялась.

Серёжа. Ты не Лиса, а переодетая Метелица! Ребята, держите её! Хватайте!

Ребята бросаются на Метелицу. Она обдаёт их вихрем снега и убегает. Все бросаются за ней. Серёжа успевает схватить Метелицу за шлейф, кусок шлейфа отрывается, но Метелица убегает. За сценой шум погони, крики: «Держи её! Не упускай!» На сцену, уже с другой стороны, вбегает Яша.

Яша *(зрителям)*. Метелица тут не пробегала?

Зрители отвечают: «Нет! Не пробегала».

(Яша видит кусок шлейфа Метелицы, поднимает его.) Закутаюсь. Так к ней легче подползти. Не заметит. *(Накидывает на себя кусок шлейфа, ёжится от холода.)* Бррр... холодюга-то какой!

На сцену вбегает Вова. Он видит Яшу в шлейфе и принимает его за Метелицу.

Вова. Ага! Вот ты где. *(Оглядывается по сторонам, пересиливая страх, подкрадывается к Яше и хватает его.)* Ребята, ко мне! Скорее! Я Метелицу поймал!..

Яша *(вырвавшись из рук Вовы)*. Какая я тебе Метелица? Ослеп, что ли? Это я — Яша.

Вова *(разочарованно)*. И правда ты. А где же Метелица?

Яша. Сам ищу! Бежим искать вместе!

Вова. Бежим!

Убегают. На сцену, спинами друг к другу, пятятся, выслеживая Метелицу, Оля и Лара. Они сталкиваются, пугаются, но, узнав друг друга, успокаиваются.

Оля. Где же Метелица?

Лара. Как нам найти её?

Оля. А что, если... *(Шепчет что-то на ухо Ларе.)*

Лара. Вот здорово! Давай ребят звать.

Кричат, сложив ладошки рупором: «Ребята, где вы? Идите сюда!»

Оля. Идите скорее!

Вбегают мальчики.

Мы придумали, как Метелицу поймать.

Серёжа. Как?

Яша и Вова. Говорите скорее!

Оля. Нужно нам хоровод завести. Быстрый-быстрый! Чтоб Метелице захотелось поиграть с нами.

Лара. Закружимся в хороводе, она и не утерпит.

Ребята берутся за руки, кружатся в хороводе.

Серёжа. Такую метель подняли, а Метелицы всё нет.

Оля. Даже жарко стало!! *(Садится на поваленное дерево.)*

В лесу начинает темнеть. Вверху на дереве загораются два зелёных глаза.

Ой, что это?

Серёжа. Где?

Оля. Вон там. *(Показывает.)*

Серёжа. Это Мудрая Сова проснулась. Вы её не бойтесь, она нас не тронет.

Лара *(посмотрев в другую сторону, испуганно)*. А это кто?

Яша. Это летучая мышь. Она всегда вниз головой спит.

Лара. Страшно-то как. Уйдём отсюда.

Серёжа. Нельзя. Нам надо Метелицу найти.

Лара. Не найдём мы её и звёздочку не вернём...

Вова. Выходит, у нас и утренника не будет?!

Серёжа. Как не будет?!

А помните, что Дед-Мороз сказал: «Если вам понадобится помощь, позовите Снегурочку».

Оля. Верно! Давайте позовём её.

Все.

Снегурочка, Снегурочка,
Откликнись, отзовись
И к нам сюда, Снегурочка,
Ты поскорей явись!

Лара *(огорчённо)*. Не идёт.

Оля. Не слышит, наверно.

Появляется Снегурочка.

Снегурочка. Здесь я, здесь! Какая у вас беда?

Серёжа. Снегурочка, помоги нам у Метелицы звёздочку взять. Не можем мы без неё на наш праздник возвратиться.

Снегурочка. Я могу только вызвать Метелицу. А взять у неё звёздочку вы должны сами.

Оля. Вызови! Вызови! Пожалуйста!..

Серёжа. Мы её уговорим. Мы... *(потихоньку от Снегурочки показывает ребятам, как им наброситься на Метелицу.)*

Снегурочка. Только вы спрячьтесь, а то она не придёт. *(Складывает ладошки рупором.)*

Метелица, сестрица,
Лети сюда скорей!
Всем вместе нам кружиться
Здесь будет веселей.

Голос Метелицы: «Ау, Снегурочка, ау!» Появляется Метелица. По знаку Серёжи ребята выскакивают из-за деревьев и окружают её.

Метелица. Отпустите! А не то я вас заморожу, снегом занесу.

Серёжа. Сначала отдай нашу звёздочку, тогда и отпустим.

Метелица. Какую звёздочку? Она ж у Ветра!

Оля. Не обманешь нас больше! У тебя звёздочка.

Яша. Ветер тебе только помог её из наших рук вырвать.

Метелица. Ладно, отдам я вам звёздочку. Только вы мне за неё тоже что-нибудь дайте.

Вова. Возьми мою шапку.

Метелица *(смеётся)*. Зачем мне она?

Вова. А ты знаешь, какая это шапка? Это такая шапка, такая... в ней никакой мороз не страшен!

Метелица. И дедушку Мороза нечего в ней бояться?

Вова. Никакой мороз в моей шапке не страшен. Надо только нахлобучить её

получше. Вот так! *(Показывает.)*

Метелица. Давай её скорее!

Серёжа. А где звёздочка?

Метелица протягивает Серёже звёздочку, но, когда он хочет взять её, быстро кидает в снег. Ребята поднимают звёздочку, отряхивают её от снега. Входит Дед-Мороз.

Дед-Мороз. Совсем на Метелицу положиться нельзя. Ни мешка с подарками нет, ни её самой. *(Увидя Метелицу.)* Ах, вот ты где! Сама, оказывается, нарядилась.

Метелица старательно нахлобучивает на себя шапку Вовы.

Серёжа. Дедушка Мороз, Метелица нам звёздочку заморозила.

Лара. Нарочно в снег кинула.

Дед-Мороз. Ну что ты за существо! Одно озорство на уме!

Метелица *(в нахлобученной шапке Вовы)*. И чего ты, дедушка Мороз, сердишься? Разве не видишь, что на мне шапка?

Дед-Мороз. Какая такая шапка?

Метелица. Вот эта. Нахлобучу её получше — и ты мне не страшен!

Дед-Мороз. Не страшен? Вот я сейчас задам тебе хорошую нахлобучку, тогда будешь знать, страшен я или нет!

Метелица *(Вове)*. Как же так? Я же в твоей шапке...

Вова. Так я тебе про другого мороза говорил, который нос щиплет. Тот в моей шапке не страшен. А наш дедушка Мороз сказочный и волшебный. На него моя ушанка не действует.

Метелица *(Деду-Морозу)*. Раз ты, дедушка Мороз, волшебный, так отогрей ребятам звёздочку.

Дед-Мороз. Как же я могу греть, если я Мороз? Говорил ведь: озорничай меньше да учись лучше. Тогда б такие несуразные советы не давала бы. *(Ребятам.)* Звёздочку я вам отогреть не могу, но вместо этого подарю Новогоднюю улыбку.

Оля. Разве мы можем сейчас улыбаться?..

Лара. Нам плакать хочется.

Дед-Мороз. Новогодняя улыбка не простая, а волшебная. Она радость и тепло приносит. Вот ваша звёздочка от тепла и разгорится. Только вы одно условие помните. Очень важное. Не выполните его — Новогодняя улыбка потеряет свою волшебную силу.

Серёжа. Что за условие?

Дед-Мороз *(исполнителям)*. Я подарю улыбку всем участникам представления. *(Зрителям.)* И вам, ребята. Но если хоть один из вас не обрадуется моему подарку и не улыбнётся, звёздочка не заискрится.

Серёжа *(зрителям)*. Слышите, ребята? Не подведите нас.

Голоса из зала: «Не подведём! Не бойтесь!»

Метелица *(себе тихо)*. А я не буду улыбаться. Я подведу! *(Старается сделать серьёзное лицо)*.

Дед-Мороз *(не слыша её)*. Внимание! Вызываю своих помощников, затейных дел мастеров. Приказываю им наградить всех присутствующих на нашем празднике волшебной Новогодней улыбкой.

Вбегают два участника школьной самодеятельности в костюмах цирковых клоунов. Они разыгрывают весёлую клоунаду. После их номера Дед-Мороз хлопает в ладоши, обращаясь к участникам представления и зрителям.

Ну-ка, посмотрим, все ли у нас улыбаются?

Серёжа. Ни одного лица без улыбки.

Оля. Даже Метелица смеётся.

Метелица *(упрямо)*. Не хочу, а улыбаюсь! И зачем этот клоун такой смешной был...

Дед-Мороз. А теперь посмотрите на звёздочку.

Серёжа с ребятами выносят её на середину сцены. В звёздочке загораются огоньки.

Оля *(тихо)*. Засветилась...
Лара. Оттаяла...
Яша. Ура-а!..

Вова снимает с Метелицы свою шапку и подбрасывает её вверх.

Серёжа. Раз звёздочка обрела свою силу, поспешим на наш праздник.

Мальчики берут звёздочку и устремляются к выходу.

Метелица. А я? Я даже карнавальный костюм надела...

Лара. Возьмём Метелицу с собой.

Оля. Пусть посмотрит, как мы веселимся.

Серёжа. Как, ребята, не возражаете?

Зрители отвечают: «Нет, возьмите её!»

Пошли!

Все уходят за кулисы, потом появляются в зрительном зале и уже через него, как бы впервые, входят на сцену.

Вот мы и вернулись из сказки.

Снегурочка. Давайте зажжём ёлку, и вы сделаете своим младшим друзьям-октябрятам ещё один подарок.

Дед-Мороз. Подарите им свою звёздочку дружных.

Серёжа *(Снегурочке)*. Почему ты сказала: «Ещё один подарок»? Разве до звёздочки мы что-нибудь дарили октябрятам?

Снегурочка. Конечно. Вы для них это представление разучили. *(Зрителям.)* Разве это не подарок?

Зрители отвечают: «Подарок! Спасибо!»

А дедушка Мороз вас всех волшебной Новогодней улыбкой одарил.

Серёжа *(зрителям)*. И пусть эта улыбка не покидает вас весь год.

Дед-Мороз. С Новым годом, дорогие ребятки, с новым счастьем!

Юрий Ермолаев

ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ ХОРОШЕГО?

Достаётся не дёшево
Счастье трудных дорог...
Что ты сделал хорошего?
Чем ты людям помог?
Этой мерой измерятся
Все земные труды.
Может, вырастил деревце
На земле Кулунды́?
Может, строишь ракету?
Гидростанцию?
Дом?
Согреваешь планету
Мирных плавок теплом?
Иль под снежной порошей
Жизнь спасаешь кому?
Делать людям хорошее —
Хорошеть самому.

Людмила Татьяничева

НОВЫЙ ГОД

Дети спать пораньше лягут
В день последний декабря,
А проснутся старше на́ год
В первый день календаря.

И не в полночь — утром белым
Год начнётся для ребят.
За окном оледенелым
Будет слышен скрип лопат.

Год начнётся тишиною,
Нам знакомой с прошлых зим:
Шум за рамою двойною
Еле-еле уловим.

Но ребят зовёт наружу
Зимний день сквозь лёд стекла —
В освежающую стужу
Из уютного тепла.

Мы покинем кров домашний,
Чтоб на стрелки поглядеть,
Чуть взойдёт над Спасской башней
Солнце красное, как медь.

Заалеет на рассвете
Самоцветная звезда,
И тогда мы с вами встретим
Год счастливого труда.

Добрым словом мы помянем
Года старого уход,
Начинаем утром ранним
Новый день и новый год!

С. Маршак

СОДЕРЖАНИЕ

ЗИМА

ВЕСНА

ЛЕТО

ОСЕНЬ

ОПЯТЬ ЗИМА

Для младшего
школьного возраста

КРУГЛЫЙ ГОД

Альманах

Ответственный редактор
С. В. Орлеанская

Художественный редактор
Л. Д. Бирюков

Технические редакторы
Н. Л. Лаукус
и *В. К. Егорова*

Корректоры
Г. В. Русакова
и *Е. И. Щербакова*

Сдано в набор 8/IV 1976 г. Подписано к печати 25/X 1976 г. Формат $70 \times 100^{1}/_{16}$. Бум. офс. № 1. Печ. л. 20,25. Усл.печ. л. 26,33. Уч.-изд. л. 19,13 + 2 вкл. = 19,45. Тираж 100 000 экз. Заказ № 208. Цена 1 руб. 08 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

К 84 **Круглый год.** Альманах. Оформление Ю. Иванова. М., «Дет. лит», 1976.

319 с. с ил.

В книгу входят новые произведения советских писателей для детей младшего школьного возраста, а также произведения, связанные с юбилейными и знаменательными датами года, юбилеями писателей, художников. Многие страницы книги открывают тайны природы, знакомят с жизнью школы, с делами пионеров и октябрят.

В книге собраны произведения разных жанров: рассказы, стихи, сказки, загадки.

Сб. 1

К $\frac{70802-603}{М\ 101\ (03)\ 76}$ 197—76

